

ЛОБСАНГ РАМПА.
ДОКТОР
ИЗ ЛХАСЫ

T. LOBSANG RAMPA

Читателю.

Описываемая в этой книге человеческая жизнь удивит западных читателей тем, что в ней важную роль играют оккультные способности и сверхъестественные явления. Дело в том, что настоящая книга представляет собой продолжение жизнеописания весьма необычного человека. В его тело вселился дух тибетского лама из монастыря Потала, причем это воплощение произошло так основательно, что автор книги фактически сам стал ламой. На протяжении Второй мировой войны этот лама прошел через длительные и изнурительные тюремные заключения в японских лагерях, где подвергался зверским пыткам, жил практически без пищи и неоднократно чудом спасался от неминуемой смерти. В своей книге он рассказывает о том, как ему помогли выжить знания и умения, приобретенные во время обучения в ламаистском монастыре.

Подобная история могла бы показаться выдумкой, если бы не потрясающая реалистичность повествования и неопровержимые свидетельства, приводимые автором в пользу реальности сверхъестественного.

Правда ли, что каждый из нас обладает безграничными возможностями? Может ли человек приобрести необычные способности, если посвятит свою жизнь изучению тайн физического и духовного мира?

Прочтя книгу Лобсанга Рампы, каждый читатель сможет сам для себя ответить на эти вопросы.

От издателя (американское издание).

Со времени публикации первой книги Лобсанга Рампы Третий глаз” не утихают споры. Многие западные читатели не могут поверить автору в том, что в его тело по странному стечению обстоятельств воплотился тибетский лама, использующий теперь это тело для своих нужд, в частности для написания “через него” книг о своей жизни. Однако некоторые читатели не усмотрели в этом ничего невозможного, ссылаясь на другие известные случаи подобных перевоплощений, не имеющие отношения к Тибету и его жителям. И все же создается впечатление, что большинство читателей настроено скептически. В то же время специалисты по Востоку и обычные люди, интересующиеся таинственным и парадоксальным, были поражены тем, как хорошо автор повествует о событиях, происходивших в одном из самых труднодоступных уголков планеты. Ведь этот человек, который никогда раньше ничего не писал, неожиданно открыл для многих

дверь в удивительный и никому не известный мир. Вопреки ожиданиям, уличить автора в незнании реалий тибетской жизни, увы, пока не удалось.

Издатель придерживается мнения, что независимо от того, будет ли когда-либо подтверждена реальность описываемых автором событий (если подобное подтверждение вообще возможно), книги “Третий глаз” и “Доктор из Лхасы” должны стать достоянием читающей публики. Дело в том, что книги Лобсанга Рампы заслуживают этого уже хотя бы потому, что они увлекательны и познавательны. В отношении других, более фундаментальных вопросов каждый читатель должен сделать собственный вывод. Мы представляем на ваш суд книгу “Доктор из Лхасы” в том виде, в котором Лобсанг Рампа ее написал. Пусть она говорит сама за себя.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Глава 1 Навстречу неизвестному

Глава 2 Чунцин

Глава 3 Дни учебы

Глава 4 Полет

Глава 5 По ту сторону смерти

Глава 6 Ясновидение

Глава 7 Вперед, спасатели

Глава 8 У колыбели мира

Глава 9 Снова в плену

Глава 10 Наука дышать

Глава 11 Ядерный взрыв

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Находясь в Англии, я написал “Третий глаз”, книгу, которая вызвала много кривотолков, хотя в ней речь идет о реальных событиях. Со всех концов мира приходили письма. В ответ на многочисленные просьбы мною был написан “Доктор из Лхасы”.

Читатель, познакомившийся с моей третьей книгой — “История Рампы”, — знает, что мне довелось пройти через такие испытания, какие не часто выпадают на долю человека. Можно смело утверждать, что в этом смысле моя жизнь имеет очень немного аналогов во всей человеческой истории. Однако обсуждение подобных вопросов не является предметом *этой* книги, которая представляет собой продолжение моей автобиографии.

Я — тибетский лама, который, как и было предсказано, пришел в западный мир и перенес на этом пути многие тяготы. К сожалению, западные люди смотрят на меня как на чудака, как на редкую зверушку, которую следует посадить в клетку и показывать всем любопытным. Представляю себе, что бы случилось с моими старыми друзьями *йети*, сумей эти люди добраться до них. А ведь такие попытки неоднократно предпринимались!

Несомненно, в конце концов *йети* будет подстрелен и из него сделают чучело, которое выставят напоказ в каком-то музее. Но даже тогда люди будут с пеной у рта доказывать, что таких существ не может быть. Мне кажется довольно странным, что люди на Западе, веря в телевидение и космические ракеты, которые способны облететь вокруг

Луны и вернуться на Землю, тем не менее не в состоянии поверить в *йети* или НЛО — иными словами, во все то, что они не могут взять в руки, разобрать и посмотреть, как оно устроено.

Однако сейчас передо мной стоит другая, довольно сложная задача: на нескольких страницах, предваряющих эту книгу, я хотел бы описать свое раннее детство.

Я родом из очень влиятельного тибетского рода, одного из самых уважаемых в Лхасе, столице Тибета. Мои родители имели непосредственное отношение к управлению государством, и я, будучи аристократом по рождению, воспитывался в строгости, так как считалось, что я должен быть готов занять свое место. Как и предписывал обычай, в семь лет я предстал перед тибетскими астрологами, чтобы узнать, какой путь ожидает меня в жизни. В течение четырех дней продолжались приготовления к замечательному празднику, на который должны были собраться все влиятельные и знаменитые люди Лхасы для того, чтобы услышать мою судьбу.

И вот День Пророчества наступил. Наше поместье было заполнено людьми. Астрологи пришли, вооруженные листами бумаги, картами и всеми другими гадательными принадлежностями. Наконец наступил тот волнующий момент, которого все ждали с таким нетерпением, — момент, когда Главный Астролог поведал собравшимся то, что ему открылось. Это было торжественное заявление о том, что в возрасте семи лет я буду отдан в ламаистский монастырь, где буду воспитан как священник и врач. Затем последовало много других предсказаний, и так была описана вся моя жизнь. К моему величайшему сожалению, все, что тогда было предсказано, сбылось. Я говорю “к сожалению”, потому что предсказания сулили мне неудачи, тяготы и страдания, предварительное знание о которых не делает их легче.

Я поступил в монастырь Чакпори когда мне исполнилось семь лет. Так начался мой одинокий жизненный путь. Меня подвергли испытанию на твердость и упорство, необходимые для обучения. Я выдержал все экзамены, и мне было разрешено остаться. Я прошел все этапы от абсолютного новичка до ламы и настоятеля монастыря. Моими основными специальностями стали медицина и хирургия. Я настойчиво занимался, и поэтому мне предоставили возможность изучать анатомию, работая с телами умерших. На Западе принято считать, что тибетские ламы никогда не разрезают тело, а работают лишь с внешними симптомами. Поэтому бытует мнение, что тибетская медицина рудиментарна, потому что ламы якобы обращаются только к внешнему, отстраняясь от внутреннего. Это заблуждение. Верно, что обычный лама никогда не вскрывает тело, ведь это противоречит его религиозным убеждениям. Однако есть определенный круг жрецов и я к нему принадлежу, — представители которого обучаются делать операции. Следует отметить, что сведи этих операций есть и такие, которые хирургами на Западе не делаются до сих пор.

Кстати, на Западе бытует мнение, будто бы тибетская медицина считает, что у мужчин сердце находится с одной стороны, а у женщин — с другой, ничто не может звучать более нелепо. Информация, подобная этой, приходит к западным людям, как правило, от людей, которые не имеют никакого представления о том, о чем пишут. Ведь диаграммы, на которые ссылаются эти авторы, описывают астральные тела, а это совсем другое дело. Впрочем, все это не имеет отношения к данной книге.

В действительности мои занятия были очень интенсивны, так как я должен был знать не только медицину и хирургию — предметы моей специализации, — но и все священные книги так, как их должен знать медик-лама. Кроме того, я должен был так же хорошо разбираться в религии, как и полностью подготовленный священник. Мне следовало изучить сразу две области, и это потребовало от меня вдвое больше упорства, чем от других лам. Рассказывать об этом легко, но каково было заниматься!

И это, конечно же, были еще не все трудности. Очень много раз я поднимался в высокогорные части Тибета (Лхаса находится на высоте 12000 футов над уровнем моря) для сбора трав, поскольку наши медицинские занятия основывались на лечении травами. В Чакпори в запасе всегда было по меньшей мере около 6000 различных видов трав. Мы,

тибетцы, уверены, что знаем о лечении травами намного больше, чем люди в других уголках планеты. Сейчас, после того, как я несколько раз объехал мир, моя уверенность в справедливости этого вывода окрепла.

Во время нескольких моих путешествий в высокогорья Тибета я поднимался в небо на воздушном змее, паря над остроконечными пиками высоких гор и обозревая местность на многие и многие мили вокруг. Я также принимал участие в незабываемой экспедиции в самый труднодоступный уголок Тибета — высокогорный массив Тянь-Шань. Здесь в горном ущелье мы обнаружили необитаемую долину, согреваемую внутренним огнем земли. Подземное тепло выходит здесь на поверхность вместе с водами горячего источника, дающего начало реке. В таинственной долине мы увидели величественный город, одна часть которого доступна, тогда как другая была закована в прозрачный ледник. Лед был настолько чист, что здания виднелись сквозь него словно сквозь толщу ключевой воды. Оттаявшая часть города фактически не была повреждена. Время очень бережно обошлось со строениями. Сухой и чистый воздух, а также редкость ветров в этих местах уберегли город от естественного разрушения.

Мы прошли по улицам этого древнего города. Мы были первыми, кто ступил на них за многие тысячи лет. Мы бродили среди домов, которые, казалось, ждали своих хозяев, и только присмотревшись внимательнее, заметили кое-где странные окаменевшие скелеты. Только тогда мы поняли, что город мертв. В домах было много фантастических приборов, что свидетельствовало о том, что эта таинственная долина когда-то была приютом для представителей могущественнейшей цивилизации, уровень развития которой превосходил уровень развития человечества. И нам стало ясно, что мы сейчас лишь дикари по сравнению с существами былых времен. В настоящей книге я продолжаю описание этого города.

В молодости я подвергся особой операции, которая называется *открытием третьего глаза*. Щепка твердого дерева, вымоченная в специальном настое трав, была вставлена в середину моего лба, чтобы воздействовать на определенную железу и тем самым увеличить силу моего ясновидения. Ясновидение является моей врожденной способностью, но после операции это мое качество проявилось еще ярче. Я стал видеть окружающую людей *ауру*, которая напоминала языки разноцветного пламени. По этой ауре я мог догадываться об их мыслях, надеждах и страхах, а также судить о состоянии их здоровья. Теперь, когда я покинул Тибет, я предлагаю западным врачам создать прибор, который позволит любому врачу или хирургу *видеть* цветную человеческую ауру такой как она есть. Я уверен, что если доктора смогут видеть ауру, они смогут точно определять, что беспокоит пациента.

Изучая цвета и очертания энергетических волокон ауры, специалист сможет с уверенностью сказать, чем болен человек. Более того, это можно будет сказать еще до того, как в физическом теле появятся видимые признаки болезни, потому что аура позволяет обнаружить симптомы рака, туберкулеза и других болезней задолго до того, как они дадут о себе знать. Таким образом, эта заблаговременная диагностика болезни даст возможность врачу подготовиться к лечению и действовать безошибочно. К моему глубокому сожалению, западные медики не заинтересовались моим предложением. Они считают ауру какой-то выдумкой, вместо того, чтобы понять, что она реально существует. Каждый инженер знает, что провода высокого напряжения окружены коронным разрядом. Так же и человеческое тело. Аура — это обычное физическое явление, которое я предлагаю вниманию специалистов, однако они не слышат меня. Это трагедия. Но со временем их отношение изменится. Как это ни прискорбно, многие современные люди обречены на бессмысленные страдания и смерть до тех пор, пока мое предложение не воплотится в жизнь.

Моим попечителем был тринадцатый Далай-Лама. Он позаботился, чтобы я получил всевозможную поддержку в своих занятиях и приобрел разносторонний опыт. Он распорядился, чтобы меня научили всему, что я только мог воспринять. Поэтому наряду с

традиционным устным обучением меня обучали с помощью гипноза и многих других средств, говорить о которых здесь нет необходимости. Некоторые из этих способов описаны в данной книге, другие — в книге “Третий глаз”. Есть и иные, однако они настолько непривычны и невероятны, что пока не пришло время их обнародовать.

Благодаря своей способности к ясновидению я несколько раз помогал Высочайшему. Во время приема официальных делегаций я прятался в комнате, и благодаря этому во время разговора мог знать истинные мысли и намерения посетителей. Это в основном делалось для того, чтобы выяснить, насколько совпадают слова и намерения приезжающих к Далай-Ламе иностранных политиков. Я был невидимым наблюдателем, когда Великий Тринадцатый принимал китайскую делегацию). Я был скрытым наблюдателем и тогда, когда повидаться с Далай-Ламой пришел один англичанин. В этот раз я чуть было не выдал своего присутствия, потому что меня поразила удивительная одежда, которую носил тот человек. Таким было мое первое впечатление от европейской одежды.

Мое обучение было длительным и тяжелым. В монастыре существовало множество обязанностей, которые необходимо было исполнять как днем, так и ночью. Комфорт постелей был не для нас. Каждый из нас укутывался в одно одеяло и устраивался спать на полу. Учителя были по-настоящему строги, и мы должны были учиться, полагаясь лишь на свою память. Мы никогда не вели тетрадей.

Я изучал также и метафизические дисциплины. Мне они очень нравились, и я познакомился с несколькими из них: ясновидением, искусством совершать астральные путешествия, телепатией. На одном из этапов моего обучения я посетил тайные пещеры и тоннели, находящиеся под Поталой. Обычные люди ничего не знают о них. Эти пещеры — следы древних цивилизаций, которые почти стерлись, почти исчезли из человеческой памяти. На стенах там сохранились записи, среди которых есть иллюстрированные описания аппаратов, которые летали по воздуху и двигались под землей.

На другой стадии посвящения я видел прекрасно сохранившиеся тела гигантов, которые достигают десяти, а то и пятнадцати футов в высоту. Однажды я побывал по другую сторону смерти и узнал, что смерти не существует вернувшись оттуда, я стал Признанным Воплощением и был удостоен сана настоятеля. Но мне не хотелось оставаться привязанным к монастырю. Я хотел быть свободным ламой, который может путешествовать по всему миру и помогать другим, как и предписывало мне Пророчество. В сан ламы я был возведен самим Далай-Ламой, и им же направлен для продолжения обучения в Поталу. Даже теперь моя подготовка продолжалась. Я изучал различные западные науки, в частности оптику и другие родственные ей дисциплины. И наконец наступило время, когда Далай-Лама вызвал меня в очередной раз, и я получил окончательное наставление.

Он сказал мне, что я научился всему, чему мог научиться в Тибете, и что пришло время расстаться с ним — покинуть все, что я любил, все, к чему был привязан. Он сообщил мне, что в Чунцин уже отправлен посланник с тем, чтобы забронировать для меня место студента медицины и хирургии в одном из колледжей этого китайского города.

У меня щемило сердце, когда я покидал приемную Величайшего и шел к своему наставнику, ламе Мингьяру Дондупу, для того, чтобы рассказать ему о принятом решении. Затем я отправился домой и поведал обо всем своим родителям, сказав им, что должен покинуть Лхасу. Последние дни пребывания в Тибете пролетели очень быстро, и вот наступил миг прощания с Чакпори и Мингьяром Дондупом. Это был последний раз, когда я видел его живым. Я покидал Лхасу — святой город в живописной долине между высоких гор. Когда я обернулся на прощанье, последняя увиденная мной картина была символической: высоко над золотыми куполами Поталы парил одинокий воздушный змей.

ГЛАВА 1 НАВСТРЕЧУ НЕИЗВЕСТНОМУ.

Никогда еще я не чувствовал себя таким озябшим, таким покинутым, таким несчастным. Даже в каменной пустыне высокогорного массива Тянь-Шань. Тогда я находился на высоте 20000 футов над уровнем моря, где морозные ветры, несущие целые облака мелкого песка, так больно режут кожу, что на ней остаются кроваво-красные отметины. Но даже тогда мне не было так холодно, как сейчас. Воздух теперь был теплее, но ужасающий холод исходил из сердца. Я уезжал из своей любимой Лхасы.

Оглянувшись, я увидел небольшие фигурки, возвышающиеся над позолоченными крышами Поталы, а над ними парил одинокий воздушный змей. Он нырял и взмывал вверх на слабом ветру, нырял и взмывал, как будто говоря мне: “Прощай, дни твоих полетов на воздушных змеях прошли. Вперед, тебя ждут более важные дела!” Для меня этот воздушный змей стал символом. Он реял над городом среди необозримой небесной лазури и был связан со своим миром только тонкой длинной бечевою. Подобно этому змею, я уходил теперь в необозримые дали мира, за пределы Тибета, и оставался связанным с ним лишь тонкой нитью своей любви к Лхасе.

Я шел в чужой, зловещий мир, простирающийся за пределами моей отчизны. Мне было не по себе от тоски, которая охватила меня, когда я покинул дом и вместе со своими попутчиками двинулся навстречу неизвестному.

Они тоже грустили, но могли по крайней мере утешить себя тем, что вернуться домой из Чунцина, оставив меня там, на расстоянии 1000 миль отсюда. Они знали, что вернуться и на своем обратном пути будут чувствовать облегчение, с каждым шагом приближаясь к дому. Мне же предстояло вечно скитаться по далеким странам, среди чужих людей, подвергаясь на своем пути самым неожиданным ударам судьбы.

Когда мне было семь лет, пророки сказали мне, что я должен уйти в ламаистский монастырь. Там, как гласило Пророчество, меня будут вначале готовить к тому, чтобы я стал челою, потом траппой, а затем по прошествии какого-то времени смог сдать экзамен на получение статуса ламы. После этого, по словам астрологов, я должен буду покинуть Тибет, оставить свой дом и все, что люблю, и направиться в страну, которую все называли диким Китаем. Я должен буду отправиться в Чунцин и учиться там на доктора и хирурга. Священники-астрологи предрекли мне, что я столкнусь в своей жизни с войной, пройду через тюрьмы в далеких странах и должен буду подняться над всеми своими привязанностями и страданиями для того, чтобы помогать другим. Они говорили, что мне предстоит прожить очень нелегкую жизнь, что страдания, несчастья и неблагодарность будут повсеместно сопутствовать мне. Как точно сбылись их Пророчества!

Все эти далеко не радостные мысли переполняли меня, когда я подал команду двинуться в путь. Когда Лхаса скрылась из виду, мы остановили лошадей, соскочили на землю и для перестраховки убедились, что седла затянуты не слишком туго и не слишком слабо. Лошадям суждено было стать нашими верными друзьями в течение всего путешествия, и поэтому нам следовало быть столь же внимательными к ним, как и друг к другу.

Убедившись, что седла лошадей в порядке и что лошадям легко, мы снова пустились в путь, устремив свои взоры в даль перед собой.

Шло начало 1927 года. Мы оставили позади Лхасу и стали медленно приближаться к Джотангу — китайскому городу на берегу реки Врахмапутра. Мы многократно обсуждали возможные маршруты своего путешествия и в конце концов пришли к выводу, что удобнее всего будет двигаться по дороге, проходящей вдоль реки Кантинг. Я хорошо знаю Брахмапутру — мне даже посчастливилось летать над одним из ее истоков среди Гималаев на большом воздушном змее, который может поднимать в небо людей. Мы, жители Тибета, с благоговением относимся к этой реке, однако в других местах ее почитают еще больше. Сотнями миль ниже по течению, там, где Брахмапутра вливается в Бенгальский залив, ее считают священной рекой — почти такой же священной, как Ганг.

Нас учили, что именно Брахмапутра сотворила Бенгальский залив. Исторические предания гласят, что когда-то река текла медленно, была глубокой и приближалась к побережью океана почти по прямой линии. Она уносила с собой в океан всю почву, которая попадалась ей на пути. Так и образовался удивительно красивый залив. Мы проследовали через горные долины по течению реки до Сиканга. В старые добрые дни моей молодости Сиканг был частью Тибета, провинцией этой страны. Затем в Лхасу проникли британцы. Это послужило китайцам предлогом для того, чтобы вторгнуться в Сиканг и оккупировать его. Руководствуясь захватническими амбициями, они прошли по этой части нашей страны, грабя, убивая и насилуя мирных жителей. Так Сиканг стал китайским. Его наводнили китайские чиновники, которые проштрафились где-то в других местах и теперь были сосланы сюда в качестве наказания. К несчастью для них, китайское правительство почти никак их не поддерживало. Им приходилось полагаться только на свои силы. Мы видели, что эти китайские чиновники были беспомощны, как куклы, и не могли ничего поделать, даже когда мы насмеялись над ними. Разумеется, мы создавали видимость, что подчиняемся китайским властям, но делали это скорее из вежливости. Когда же они поворачивались к нам спиной, мы поступали по-своему.

Наше путешествие продолжалось. Мы делали привалы с таким расчетом, чтобы к вечеру оказаться поблизости от какого-нибудь ламаистского монастыря и остановиться там на ночь. Поскольку я был ламой и даже настоятелем — Признанным Воплощением, — встречая нас, монахи всячески старались оказать нам достойный прием. Более того, я путешествовал под личной протекцией Далай-Ламы, а это значило немало.

Мы приближались к Кантингу. Этот город славился своими ярмарками, на которых продавались яки. Однако больше всего он был известен как центр экспорта брикетного чая, который очень популярен в Тибете.

Этот чай завозится из Китая и представляет собой не просто сухие чайные листья, а довольно своеобразную смесь. Эта смесь содержит чайные листья вместе с веточками, соду, селитру и несколько других компонентов. Дело в том, что пища в Тибете имеется не в таком изобилии, как в других частях мира, и поэтому наш чай должен быть не только питьем, но и чем-то вроде супа. В Кантинге готовят эту чайную смесь, а затем прессуют ее в блоки, или брикеты, как их чаще называют. Эти блоки делают такого размера и веса, чтобы их было удобно перевозить сначала на лошадях, а затем на яках, которые доставляют их через высокие горные перевалы в Лхасу. Там их продадут на рынке, а после этого развезут по самым отдаленным уголкам Тибета.

Чайные брикеты должны быть специального размера и формы, а также особым образом упакованы. Это нужно для того, чтобы если лошадь споткнется во время пересечения горного ручья, с ее грузом ничего не случилось, даже если он окажется в воде. Поэтому брикеты заворачивают в свежую, или, как ее еще называют, “зеленую” шкуру, а затем на несколько мгновений погружают в воду. После этого их оставляют сушиться на солнце. По мере высыхания они ужимаются, и притом очень значительно. При этом содержимое брикетов спрессовывается еще сильнее. Высохнув полностью, шкура приобретает коричневый оттенок и становится твердой как бакелит, и даже еще тверже.

Эти высохшие брикеты, обтянутые шкурами, можно скатывать по горному склону — они остаются при этом неповрежденными. Их можно бросать в реку и, быть может, даже оставлять их там на несколько суток — вода не проникнет в них, и содержимое не испортится. Поэтому наши чайные брикеты, обтянутые высохшими шкурами, можно по праву назвать чудом упаковочного искусства. Чай, кстати, довольно часто используют в качестве валюты. Человек, истративший все свои деньги, может отломить часть брикета и уплатить таким образом за покупку. Поэтому тот, у кого есть чайные брикеты, может не заботиться о наличии денег.

Кантинг удивил нас своей суеливой атмосферой. Мы привыкли к спокойной Лхасе, но здесь, в этом городе, было много людей из разных стран мира. Мы видели тех,

кто прибыл сюда из далекой Японии, Бирмы, Индии, а также кочевников, пришедших из удаленных горных массивов Такла. Мы ходили по рынку среди торговцев и слышали незнакомые голоса, говорящие на самых разных языках. В узких проходах между рядами мы сталкивались плечами с монахами различных религий — здесь были последователи секты Дзэн и многие другие. А затем, продолжая удивляться пестроте этих мест, мы направились в ламаистский монастырь, расположенный дальше по дороге, за пределами Кантинга.

Здесь нас уже ждали. Хозяева даже начали волноваться оттого, что мы задержались в пути. Обменявшись приветствиями, мы объяснили им, что бродили по местному рынку и слушали рыночные сплетни. Настоятель встретил нас очень радушно и внимательно выслушал наши рассказы о Тибете. Его интересовало каждое наше слово, ведь мы пришли из Поталы — источника знаний — и видели на своем пути через Тянь-Шань великие чудеса. Слава о нас, казалось, шествует впереди и возвещает всех о нашем приходе.

Рано утром, после посещения богослужения в одном из храмов, мы снова пустились в путь, увозя с собой на лошадях некоторое количество продуктов питания, в основном тсампы. Дорога представляла собой узкую грунтовую тропу, пролегающую по самому краю пропасти. Внизу под нами были деревья, их было много — больше, чем каждый из нас когда-либо видел. Некоторые из них были скрыты в тумане, поднимавшимся над водопадом. В пропасти росли исполинские рододендроны, а земля под ногами была покрыта, словно ковром, многокрасочными горными цветами, которые благоухали и украшали собой горный пейзаж. Однако мы были подавлены и несчастны — подавлены оттого, что спускались с гор, и нам становилось все труднее дышать, и несчастны, потому что знали, что позади нас остался родной дом. Мы оказывались все ниже над уровнем моря, и дыхание затруднялось с каждым шагом.

Кроме того, была еще одна причина: в высокогорных районах Тибета вода закипает при низкой температуре, и поэтому мы привыкли пить кипящий чай. Мы всегда разогревали его над костром до тех пор, пока поднимающиеся пузырьки пара не говорили нам о том, что он готов. Путешествуя же в этих не столь высокогорных местах, мы поначалу сильно страдали от того, что ошпаривали себе губы всякий раз, когда пытались определить температуру воды. В Тибете человек волей-неволей должен привыкнуть пить чай прямо с огня, ведь там он остывает очень быстро. Однако во время этого путешествия мы еще не знали, что в более плотном воздухе температура кипения воды будет выше и что вода здесь остывает не сразу после того, как мы снимаем ее с огня.

Нам было непривычно трудно дышать на небольшой высоте над уровнем моря. Воздух, казалось, невыносимо давит на грудь и распирает легкие. Поначалу мы думали, что это как-то связано с нашей тоской по родной Лхасе, но вскоре убедились, что виной всему более плотный воздух, в котором мы буквально задыхались. Никто из нас никогда раньше не бывал на высоте ниже 10000 футов, тогда как Лхаса находится на высоте 12000 футов. Но иногда нам приходилось жить и на большей высоте, например, когда мы уходили в горы Тянь-Шаня, которые возвышались до высоты более чем 20000 футов. Мы часто слышали истории о тибетцах, которые уходили из Лхасы для того, чтобы искать счастья на равнинах. Ходили слухи, что через несколько месяцев они умирали в страшных мучениях, потому что у них отказывали легкие. Старушки из Святого Города явно изощрялись в своих баснях, преувеличивая опасности, которые ждут всякого, кто решиться уйти из Лхасы в другие края. Я знал, что это неправда, потому что мои родители бывали в Шанхае, где находилась часть их имущества. Они не раз уезжали туда и благополучно возвращались.

В детстве родители редко уделяли мне внимание, потому что были очень заняты государственными делами, которые не давали им возможности заниматься воспитанием детей. Поэтому я узнавал обо всем в основном от слуг. Теперь же меня начали сильно беспокоить эти ощущения: легкие были внутри будто высушены, а грудь, казалось, обтянута железными обручами, которые сильно затрудняли дыхание. Каждый вдох

давался невероятными усилиями, и стоило нам лишь немного ускорить шаг, как усталость тут же давала о себе знать сильными болями во всем теле. Мы продолжали путь, спускаясь все ниже и ниже. Воздух при этом становился все плотнее, а температура все выше. Эти условия: были для нас невыносимы.

В Тибете, в частности в Лхасе, погода всегда довольно прохладная. Это сухой, здоровый холод, и поэтому температура играет там второстепенную роль. Однако здесь, в этом плотном и насыщенном влагой воздухе, для того, чтобы двигаться дальше, нам приходилось напрягать последние силы. В конце концов мои попутчики начали убеждать меня в том, что будет лучше, если мы повернем обратно в сторону Лхасы. Они боялись, что мы погибнем, если будем продолжать упрямо двигаться все дальше и дальше. Однако я, припоминая слова Пророчества, твердо настаивал на том, чтобы идти вперед. Поэтому наше путешествие продолжалось. Когда температура стала еще выше, у нас начала кружиться голова. Нам казалось, что мы чем-то отравились и, кроме того, начинаем слепнуть. Мы не могли видеть так же далеко и отчетливо, как раньше, и в дополнение к этому мы не могли судить точно о расстояниях до окружающих предметов.

Впоследствии я понял причину этого. В Тибете самый чистый и прозрачный воздух в мире. Человек там может видеть то, что находится на расстоянии пятидесяти миль и более, так же четко, как мы обычно видим то, что отдалено от нас миль на десять. Здесь мы не могли видеть так далеко, а то, что мы видели, было искажено плотностью и загрязненностью воздуха.

Многие дни мы продолжали свой путь, спускаясь все ниже и ниже. Мы вошли в леса, в которых было больше деревьев, чем нам могло присниться. В Тибете деревья встречаются редко, а лесов нет и подавно. Поэтому первое время мы то и дело соскакивали с лошадей и подбегали к разным видам деревьев для того, чтобы касаться их руками и нюхать их листья. Все они казались нам очень странными, но больше всего нас поражало их количество. Рододендроны были, конечно, знакомы нам, потому что в Тибете их растет много. Соцветия рододендрона, если их правильно приготовить, были одним из наших любимых блюд.

Мы двигались дальше, удивляясь всему, что видели, всему, что отличало окружающую обстановку от того, к чему мы привыкли дома. Я не могу точно сказать, сколько длилось наше путешествие, сколько дней и часов ушло у нас на дорогу, потому что такие вещи нас тогда не интересовали. Времени у нас было вдоволь, мы еще ничего не знали о суетливости и беспокойстве цивилизованных людей. Но даже если бы мы знали об этом, все равно тогда это не имело бы для нас никакого значения.

Мы были в пути по восемь, а порой и по десять часов в день, и останавливались на ночь в попадавшихся нам по дороге монастырях. Не все монахи исповедовали нашу разновидность буддизма, но это не сказывалось на радушии, с которым нас каждый раз принимали. У нас на Востоке среди настоящих буддистов никогда не бывает никаких ссор, вражды и злопамятства, и поэтому к путешественникам всегда относятся как к желанным гостям. Обычай вменял нам в обязанность посещать все богослужения в том монастыре, в котором мы останавливались.

Мы никогда не упускали возможности перемолвиться словом с монахами, оказывающими нам такое гостеприимство. От них мы слышали много зловещих историй о том, как изменялась политика Китая. Они рассказывали нам, что китайцы становятся все более враждебными под влиянием русских — людей-медведей, которые делали все от них зависящее для того, чтобы навязать китайцам свои политические идеалы, казавшиеся нам всецело неприемлемыми. Нам представлялось тогда, что мировоззрение русских сводилось к словам: “Все ваше должно стать нашим, а все наше будет нашим всегда!” Монахи поведали нам также и о том, что японцы в нескольких местах вторглись в Китай, мотивируя вторжение перенаселенностью своей страны. Япония производила недостаточно пищи для того, чтобы прокормить всех своих жителей. Это послужило

предлогом для японцев завоевывать мирные страны, грабить их и вести себя в них так, словно кроме японцев в мире никого больше не существует.

В конце концов мы добрались до границы Сиканга и Сычуаня и пересекли ее. Еще через несколько дней мы вышли на берег реки Янцзы и остановились возле небольшой дереvушки. Вторая половина дня была на исходе, однако мы остановились не потому, что собирались здесь заночевать. Перед нами на дороге толпились люди. Казалось, они собрались на какой-то митинг. Мы подъехали к ним и, будучи на лошадях, без труда пробрались в центр толпы, где на телеге стоял высокий белый человек. Он выразительно жестикулировал и рассказывал присутствующим о чудесах коммунизма, стараясь подбить крестьян восстать против помещиков и убить их. Он держал в руке какие-то бумажки и размахивал ими, показывая толпе фотографию худощавого человека с бородкой, которого он называл Спасителем мира. Но на нас не произвели впечатления ни портрет Ленина, ни агитация этого пропагандиста. Мы с отвращением отвернулись от него и продолжили свой путь до следующего ламаистского монастыря, где собирались остановиться на ночлег.

Ламаистские монастыри были разбросаны по всему Китаю наряду с буддистскими монастырями и храмами. Среди жителей Сиканга, Сычуаня и Цинхя были люди, которые предпочитали исповедовать тибетский буддизм, и наши монастыри были построены в этих местах для поддержки этих людей. Мы никогда не пытались обратить кого-нибудь в свою веру, никогда не приглашали людей приходить к нам, потому что верили в свободу выбора каждого. Мы не любили тех миссионеров, которые ходили из одного города в другой и убеждали всех стать последователями их религии на том основании, что только она может даровать человеку спасение. Мы знали, что если кто-нибудь пожелает стать ламаистом, он станет им без нашей агитации. В нашей памяти были еще свежи впечатления от того, как тибетцы насмехались над миссионерами, которые приходили в Тибет и Китай с Запада. Нас сместило то, что люди должны становиться последователями чужой религии только потому, что миссионеры дарят им вещи и обещают так называемые преимущества.

Кроме всего прочего, старшее поколение тибетцев и китайцев — это очень вежливые и доброжелательные люди. Они пытались поддержать миссионеров и создать у них видимость, что их усилия не пропадают даром. Однако при этом эти местные жители ни на мгновение не могли поверить в слова миссионеров. Мы знали, что у миссионеров могут быть свои взгляды, но это вовсе не означало, что нам нужно начинать верить в их проповеди.

Мы продолжали путешествие и двигались вдоль русла реки Янцзы. В будущем мне суждено было ближе познакомиться с этой рекой, так как путешествовать по ней намного удобнее. Мы пришли в восторг, когда увидели большие лодки, плывущие по реке. Никто из нас никогда раньше не видел таких огромных лодок, хотя мы знали об их существовании по картинкам.

Правда, мне однажды пришлось увидеть пароход на специальном занятии по ясновидению, которое проводил со мной мой наставник, лама Мингъяр Дондуп. Однако об этом мы поговорим позже. В Тибете по горным ручьям плавают на небольших лодках с легким каркасом и обшивкой из шкур яков. Такая лодка может взять на борт всего лишь четыре или пять пассажиров. Постоянным пассажиром такой лодки зачастую является любимая коза хозяина лодки. Однако козе предстоит выполнять свою долю работы на суше, когда, высадившись на берег, лодочник нагружает на нее свои пожитки. Коза несет мелкие вещи и одеяла, а человек взваливает себе на плечи легкую лодку и поднимается с ней вверх, минуя участки быстрого течения, где лодка могла бы напороться на камень. Иногда тибетский крестьянин для переправы через реку пользуется надувной шкурой яка или козы, все отверстия которой зашиты и проклеены. Он использует шкуру для того же, для чего на Западе люди используют спасательный круг. Однако сейчас нас больше всего интересовали настоящие лодки с треугольными парусами, которые полоскались на ветру.

Однажды мы остановились на привал возле отмели. Нас поразило поведение двух местных жителей: они шли вдоль берега по воде и тянули длинную сеть. Перед ними двое других били по воде палками и истошно кричали. Поначалу мы думали, что это какие-то сумасшедшие, а те двое с сетью преследуют их для того, чтобы поймать и отвести куда следует. Мы увлеченно наблюдали за ними, и вот по сигналу одного из мужчин суматоха прекратилась, и те, что тянули за собой сеть, сошлись вместе. Они плотно связали оба конца сети и вытянули ее на берег. Оказавшись на безопасном от воды расстоянии, они вывернули сеть наизнанку, и на земле запрыгало множество серебристых рыбешек.

Мы были шокированы, потому что в Тибете никто не убивает живые существа. Там все верят, что убивать нельзя. Поэтому в тибетских реках рыба подплывает к протянутым в воду рукам. Мы можем кормить ее с рук. Она совсем не боится людей, которые часто ласкают ее как домашних животных. Но здесь, в Китае, на рыбу смотрят как на пищу. Мы не могли понять, как эти китайцы могут считать себя буддистами, если они убивают во имя собственной выгоды. Наш привал затянулся. Мы просидели на берегу реки час или два и не успели попасть до наступления сумерек в ближайший ламаистский монастырь. Поняв, что уже темно и продолжать путь дальше нельзя, мы решили заночевать на обочине дороги. Слева от дороги была небольшая рощица, через которую протекала река. Мы направились туда, соскочили с лошадей и отпустили их пастись по слишком уж пышной — как нам казалось — траве. Собрать дрова и развести костер не составило большого труда. Мы разогрели чай и ели тсампу. Затем некоторое время мы сидели возле огня, разговаривая о Тибете, об увиденном по ходу путешествия и о своих планах на будущее.

Мало-помалу все мои попутчики начали зевать. Вскоре они завернулись в одеяла и уснули. Когда костер догорел и наш лагерь погрузился во тьму, я тоже завернулся в одеяло и лег, но мне не спалось. Я вспоминал обо всех невзгодах, которые мне довелось встретить в своей жизни. Я думал о том, что в возрасте семи лет был вынужден оставить родительский дом и уйти в ламаистский монастырь, где жить было очень трудно и приходилось много заниматься. Я вспоминал о своих поездках в горы и о путешествии в удаленные районы высокогорного массива Тянь-Шань. Я думал также о Высочайшем, как мы называли Далай-Ламу. Затем мои мысли вернулись к моему возлюбленному наставнику — ламе Мингьяру Дондупу. Я почувствовал тоску разлуки, невыносимую грусть, а затем мне показалось, что вся местность вокруг озарилась, как в полдень. Я оглянулся вокруг и увидел, что рядом со мной стоит Наставник. — Лобсанг! Лобсанг! — воскликнул он. — Не падай духом. Разве ты не знаешь, что железная руда может думать о том, что ее бессмысленно подвергают пыткам, тогда как стальное лезвие, вспоминая свое прошлое, будет смотреть на него по-другому? Тебе приходилось туго по временам, но все это к лучшему для тебя, Лобсанг. Мы с тобой часто говорили о том, что это всего лишь мир иллюзий, мир снов. Тебе еще предстоит пережить многие невзгоды, пройти через многие нелегкие испытания, но в конце концов ты победишь, ты преодолеешь все препятствия и свершишь ту великую миссию, которая тебе суждена.

Я протер глаза и только тогда понял, что лама Мингьяр Дондуп пришел ко мне при помощи астрального путешествия. Я сам часто проделывал такие вещи, но в этот раз все произошло очень неожиданно для меня. Только теперь я понял, что он все это время думал обо мне и помогал мне своими мыслями.

Некоторое время мы с ним поговорили о прошлом, о слабости моего характера и тех мгновениях, которые мы провели вместе. На некоторое время меня охватило чувство теплоты и благоденствия, словно я встретился со своим отцом. Он показал мне при помощи ментальных проекций те трудности, которые мне предстоит преодолеть, а также — и это вселило в меня уверенность — тот окончательный успех, который ждет меня в будущем вопреки всем препятствиям. Я не могу сказать, сколько времени я провел в золотистом сиянии своего Наставника. Перед тем, как проститься со мной, он еще раз

произнес слова ободрения и надежды. Думая об этих его словах, я закутался в одеяло под неподвижным звездным небом и через некоторое время уснул.

На следующее утро мы проснулись очень рано и приготовили себе завтрак. У нас был обычай проводить утреннее богослужение, и я, как главный священник группы, совершил его, прежде чем мы отправились дальше в путь по битой дороге вдоль реки.

К полудню мы достигли места, где река круто сворачивала вправо, а дорога шла дальше прямо. Мы последовали по ней. Вскоре она вывела нас на другую дорогу, которая показалась нам очень широкой. В действительности, как я сейчас знаю, это было обычное шоссе, однако мы никогда до этого не видели таких дорог, построенных людьми. Мы ехали по ней вперед и удивлялись тому, как она сделана. Ехать по ней было очень приятно, ведь мы не должны были постоянно следить за тем, чтобы не споткнуться о корень дерева или выбоину. Лошади зашагали быстрее, и мы поняли, что через два или три дня будем в Чунцине. Но вскоре какое-то необъяснимое явление в атмосфере заставило нас с недоумением переглянуться. Один из нас случайно посмотрел на горизонт. Сразу после этого он привстал на стременах и начал жестикулировать с широко открытыми глазами:

— Смотрите! — кричал он. — Приближается пыльная буря!

Он указал туда, где на горизонте было серо-черное облако, которое стремительно приближалось. Пылевые облака, которые мы очень редко видели в Тибете, никогда не несут в себе мелких крупинок земли и песка. Такие облака движутся со скоростью не менее восьмидесяти миль в час, и люди должны прятаться при их приближении. Одни лишь яки могут безболезненно переносить эти бури, потому что их густая шерсть защищает их от летящего песка. Однако люди и все другие домашние животные, если они попадают в пыльную бурю, могут до крови ранить летящими камешками руки и лицо.

Мы были застигнуты врасплох, потому что это была первая буря, в которую мы попали с тех пор, как выехали из Тибета. Мы в суматохе оглядывались по сторонам в поисках укрытия, но ни одного подходящего места не было видно. Еще больше нас привело в смятение то, что вместе с облаком на нас надвигался какой-то странный звук. Он был похож на звук трубы, на которой играл бездарный монах. В страхе нам показалось, что целое полчище дьяволов надвигается на нас. “Трам-трам-трам”, — доносились до нас звуки — Они все нарастали и становились все необычнее и ужаснее. Вместе с ними послышался какой-то лязг и щелканье. Мы были слишком испуганы, чтобы что-либо предпринять или о чем-либо подумать. Облако вот-вот должно было накрыть нас.

Нас охватил ужас, и мы стояли словно парализованные. Мы снова вспомнили о пылевых облаках в Тибете, но ни одно из них никогда не приближалось к нам с грохотом. В панике мы снова обратили свои взоры по сторонам в поисках убежища — какого-либо укрытия от надвигающегося ужасного облака. Наши лошади оказались более проворными в поиске места, куда следует бежать. Они нарушили наш походный порядок, попятились и стали на дыбы. Мне казалось, что вокруг меня в воздухе висят подкованные копыта. Моя лошадь заржала, оказавшись в самом центре суматохи. Затем я ощутил сильный рывок в сторону и что-то где-то порвалось. “Должно быть, мне оторвало ногу!” — подумал я. Затем я отделился от лошади и, плавно описав в воздухе большую дугу, упал на спину на обочине дороги, больно ударившись.

Пылевое облако быстро приблизилось, и я увидел в нем самого Дьявола — черного ревущего монстра, который трясся и подпрыгивал. Он подкатил к нам и пронесся дальше по дороге. Лежа на спине и повернув голову, чтобы наблюдать за ним, я впервые в жизни увидел автомобиль, которым оказался старый громыхающий американский грузовичок. Он несся на максимальной скорости, а в его кабине сидел китаец и довольно улыбался. А какой смрад поднялся после грузовика! Запах Дьявола, как я его называл впоследствии. Это была смесь отработанного бензина, машинного масла и навоза.

Грузовик был загружен навозом, который на ухабах выплескивался из его кузова. Возле меня на дороге тоже упало некоторое его количество. Когда грохот и рев грузовика стали удаляться, я оказался погруженным в удушливое облако пыли и черной гари, валившей из его выхлопной трубы. Вскоре грузовик превратился в точку на горизонте, которая медленно покачивалась из стороны в сторону. Шум стих, а затем и вовсе прекратился. Молча я оглянулся по сторонам. Моих попутчиков и след простыл, но, что было еще хуже, нигде не было видно и моей лошади! Я попытался выпутаться из зацепившейся за мою ногу уздечки. Вскоре один за другим появились мои друзья. Они боязливо оглядывались по сторонам, беспокоясь о том, чтобы из-за поворота не появился какой-нибудь другой ревущий демон. Мы тогда еще не знали, что это было. Все произошло так стремительно, и к тому же пыль не дала нам возможности хорошо разглядеть автомобиль. Попутчики слезли со своих лошадей и помогли мне отряхнуть одежду. В конце концов я снова обрел приличный вид, но куда исчезла моя лошадь?

Мои попутчики пришли с разных сторон, но никто из них не видел моего коня. Мы оглядывались, звали его и присматривались к земле в надежде найти следы его копыт. Однако все наши старания не увенчались успехом. Создавалось впечатление, что проклятое животное вскочило в кузов грузовика и уехало. Устав от напрасных поисков, мы сели на обочине дороги, чтобы решить, что нам делать дальше. Один из спутников решил остаться здесь в хижине с тем, чтобы я взял его лошадь. Он сказал, что согласен пожить здесь до возвращения группы, которая, как было условлено, должна сопровождать меня до Чунцина.

Но вдруг, в ответ на ржание одной из оставшихся лошадей, из ближайшей лачуги, в которой жил китайский крестьянин, донеслось сдавленное ржание. Казалось, там кто-то сдавливает коню нос для того, чтобы он не мог подать голос. Нам сразу же все стало ясно. Быстро переглянувшись, мы поняли, что нам делать. Откуда в лачуге нищего крестьянина могла появиться лошадь? С виду лачуга не была похожа на жилище человека, который достаточно богат для того, чтобы иметь лошадь. Очевидно, он решил увести ее у нас.

Мы вскочили на ноги и стали искать внушительные палки. Не найдя подходящего оружия, мы срубили несколько деревьев, вырезали из них палки и направились к хижине. Мы были преисполнены решимости, хотя знали, что предстоящая встреча не обещает быть приятной. Лачуга была довольно ветхой, а в качестве петель для двери были использованы ремни. На вежливый стук в дверь никто не ответил. Внутри стояла тишина не было слышно ни звука. Наши настойчивые требования отворить дверь тоже не дали желаемого результата. Однако все мы слышали, как раньше оттуда доносилось сдавленное ржание лошади. Поэтому мы решили снять дверь силой. Некоторое время она выдерживала наш натиск, и когда она вот-вот должна была сорваться с ременных петель, кто-то ее поспешно открыл изнутри.

Перед нами стоял седой старик-китаец. Его лицо исказилось от страха. Домик изнутри напоминал грязную конуру, а сам хозяин был лишь отдаленно похож на человека — он выглядел как немощный нищий. Но все это нас не интересовало. Посреди лачуги стояла моя лошадь. Ее морда была обмотана мешком так, чтобы она не могла заржать. Поведение китайского крестьянина нам совсем не понравилось, и мы самым недвусмысленным образом выразили ему свое недовольство. Под давлением наших расспросов он сознался, что хотел украсть у нас лошадь. По его словам, мы были богатыми монахами, которые вполне могли позволить себе потерять в пути одну или две лошадки, а он был бедным крестьянином. Однако вид у него был такой, будто он думал, что мы собираемся убивать его. Должно быть, выглядели мы довольно сурово. Пропутешествовав больше чем восемьсот миль, мы устали и казались грубыми, на все способными людьми.

Однако у нас не было никаких кровожадных амбиций. наших совместных знаний китайского как раз хватило для того, чтобы выразить ему наше мнение о его поступке. Мы сказали, что он навлекает на себя плохую карму, которая может дать о себе знать и в этой,

и в последующих жизнях. Старик находился под впечатлением наших слов, пока мы, не обращая больше на него внимания, седлали мою лошадь. Убедившись, что подпруга хорошо затянута, мы пустились дальше в путь в сторону Чунцина.

Следующую ночь мы провели в небольшом ламаистском монастыре. В нем жило всего лишь шесть монахов, однако они радушно встретили нас. А ночь, последовавшая за этой, оказалась нашей последней ночью в пути. Мы пришли в монастырь, в котором нас встретили как и подобает встречать представителей Высочайшего. Нас накормили и устроили на ночлег.

Снова мы приняли участие в богослужении, а вечером долго разговаривали с монахами о последних событиях в Тибете, о нашем путешествии через Северные Горы и о Далай-Ламе. Мне было очень приятно узнать, что даже здесь хорошо знали моего наставника, ламу Мигьяра Дондупа. Я с интересом познакомился с японским монахом, который направлялся в Лхасу для того, чтобы изучать тибетские разновидности буддизма, так разительно отличающиеся от Дзэн.

Мы много разговаривали об изменениях, происходящих в Китае, о революции и о новом общественном порядке, при котором все землевладельцы будут лишены своих прав, а их место займут неграмотные крестьяне Русские пропагандисты везде обещали чудеса, которые станут реальностью, как только воцарится новый общественный строй. Однако мы не могли понять, как жизнь людей может улучшиться, если не будет сделано никакие конструктивных изменений, а лишь будут переданы и другие руки права на пользование землей. Нам казалось, что эти русские являются представителями самого дьявола, и их вмешательство в жизнь китайского общества подобно чуме, которая поражает тело здорового человека.

Благовонные палочки выгорели, и их заменили свежими. Затем они много раз догорали до самого основания, и их заменяли новыми, а мы все продолжали разговор. Нас беспокоили плохие предчувствия по поводу будущего Китая. Подлинные человеческие ценности искажались новой идеологией, а высокие духовные поиски сменялись стремлением приобрести мимолетную власть над другими. Мир был тяжело болен. Падучие звезды проносились по небу. Наш разговор длился до тех пор, пока все мы один за другим не уснули.

Утром мы поняли, что наше путешествие подходит к концу. Однако моим спутникам вскоре предстоял обратный путь в Тибет, и лишь я должен остаться один в этом чужом недобром мире, где все решает сила. Недаром в эту ночь мне едва удалось сомкнуть глаза.

После обычного утреннего богослужения в храме и очень хорошего завтрака мы снова вышли на дорогу, ведущую в Чунцин. Лошади бодро шагали после ночного отдыха. Машины попадались теперь намного чаще. Это были грузовики и прочий колесный транспорт. Наши лошади еще не успели привыкнуть к нему и каждый раз при виде автомобиля пугались. Им досаждал рев моторов и запах выхлопных газов. Поэтому удержаться в высоком седле иногда было нелегко.

Мы с любопытством наблюдали за тем, как местные жители работали в полях, которые террасами окаймляли холмы. В качестве удобрения здесь чаще всего использовали человеческие экскременты. Все люди, которых мы видели, были одеты в голубое и казались очень старыми и усталыми. Они шли, едва передвигая ноги, и можно было подумать, что жизнь для них — большая обуза, или же что их дух сломлен, и поэтому им незачем больше жить и не к чему больше стремиться. Мужчины, женщины и дети — все работали вместе.

От излучины реки мы проследовали прямо, и через несколько миль она вновь оказалась поблизости. Наконец мы увидели вдаль высокие холмы, на которых раскинулся древний город Чунцин. Для нас это был первый большой город, который мы видели за пределами Тибета. Мы остановились и пристально смотрели вдаль. Я всматривался в этот город и не чувствовал никакого страха перед грядущей жизнью в нем.

В Тибете я был влиятельной особой, потому что принадлежал к высшему сословию общества, пользовался авторитетом в монастыре и был приближенным Далай-Ламы. И вот сейчас я прибыл в чужой город в качестве студента. Этот факт пробуждал во мне яркие воспоминания детства. Поэтому едва ли я был счастлив, глядя на раскрывающуюся передо мной панораму. Я знал, что это всего лишь шаг на длинном пути, который сулит мне много страданий и невзгод. Этот путь пролегает на Запад, где люди поклоняются одному лишь золоту, и проходит через страны, еще более чужие мне, чем Китай.

Перед нами простиралась холмистая местность с полями-террасами. Заросли на вершинах холмов казались нам, видевшим на родине лишь одинокие деревья, настоящими лесами. И везде, куда ни посмотри, на полях работали голубые фигурки, возделывая землю так, как возделывали ее их предки в течение многих веков. По дороге катили двухколесные, запряженные пони повозки, на которых крестьяне везли на рынок в Чунцин свои товары. Странные это были тележки. Колеса проходили через середину кузова, оставляя место для груза лишь по краям. На одной из попавшихся нам на глаза повозок с одной стороны сидели две старухи, а с другой — двое ребятишек.

Чунцин! Конец скитаний для моих спутников и начало новой жизни для меня. И нет у меня ни одного друга в этих краях, думал я, глядя с крутого берега на петляющую между холмами реку. Город стоял на возвышенности, плотно застроенной домами. С того места, откуда мы смотрели, город казался островом вдаль, однако мы знали, что это не остров, потому что реки Янцзы и Чиалинг окаймляют его лишь с трех сторон.

У подножия холмов простиралась длинная песчаная отмель, которая обозначала место слияния двух рек. В будущем мне довелось часто бывать там. Не спеша мы снова сели верхом на лошадей и двинулись в сторону города. Подъехав поближе, мы заметили, что в нем много ступенчатых улочек. Тоска по дому охватила нас еще больше, когда мы поднялись по этим улочкам на семьсот восемьдесят ступеней вверх. Это напомнило нам Поталу. Но мы были в Чунцине.

ГЛАВА 2 ЧУНЦИН.

Мы проходили мимо магазинов с ярко освещенными витринами, в которых были выставлены вещи и продукты, доселе невиданные нами. Похожие витрины мы видели на иллюстрациях в журналах, привозимых в Лхасу через Гималаи из Индии, куда они в свою очередь попадали из сказочной страны — Соединенных Штатов. Молодой китаец чуть было не сшиб нас с ног, пронесшись мимо на самом удивительном приспособлении, которое мы когда-либо видели. Это была железная рама с двумя колесами, одно из которых было спереди, а другое — сзади. Он уставился на нас и долго *не* мог отвести взгляд. Это привело к тому, что он перестал смотреть, куда катит его рама. Еще мгновение, и переднее колесо ударилось о камень, вследствие чего железная штукавина отскочила в сторону, а наездник перелетел через переднее колесо и распластался на земле. Падая, он едва не сшиб с ног пожилую китайскую леди. Она обернулась и выругала молодого неудачника, который, как нам казалось, и без того уже достаточно пострадал. Он встал, отряхнулся и с необычайно глупым видом поднял свою железную раму, переднее колесо которой теперь было изогнуто. Положив ее на плечи, он, пошатываясь, направился вниз по извилистой улице.

Мне показалось, что мы попали в город безумцев, потому что каждый здесь вел себя в высшей степени странно. Мы медленно шли вниз по улочке, с удивлением разглядывая товары в витринах и пытаясь выяснить сколько могли стоить эти вещи и зачем они были нужны. Ведь несмотря на то, что раньше мы видели американские журналы, никто из вас не понимал в них ни слова мы просто с восторгом рассматривали иллюстрации.

Пройдя еще немного, мы подошли к колледжу, в котором я должен был в будущем обучаться. Мы остановились, и я вошел внутрь здания для того, чтобы сообщить о своем

прибытии. У меня были друзья, оказавшиеся в руках коммунистов, и поэтому я старался не сказать ничего лишнего. Мне нельзя было упоминать о них, чтобы никто не догадался о том, что я тесно связан с молодыми тибетцами из Движения Сопротивления. Мы в Тибете оказывали коммунистам самое активное сопротивление.

Я прошел через входную дверь внутрь здания. Перед собой я увидел три ступеньки. Поднявшись по ним, я вошел в комнату. Здесь стоял стол, за которым сидел молодой китаец. Он сидел на одной из тех странных деревянных подставок, которая опирается на четыре столбика и имеет с одной стороны еще две планки с поперечиной для того, чтобы опираться на нее спиной. *Едва* ли можно вообразить себе более неудобное положение, — думал я, — ни за что на свете я не буду так сидеть!

Парень казался еще совсем молодым. Он был одет в голубую рубашку подобно большинству китайцев. На отвороте рубашки у него был приколот значок, свидетельствовавший о том, что он работает в этом колледже. Когда он увидел меня, сначала у него широко открылись глаза, а затем рот. Потом он встал на ноги, всплеснул руками и низко поклонился мне.

— Я — один из новоприбывших студентов, — сказал я. — Я из Лхасы, что в Тибете, и у меня есть рекомендательное письмо от настоятеля ламаистского монастыря Потала.

Тут я протянул ему длинный конверт, который бережно хранил в течение всего нашего путешествия, стараясь не потерять. Он взял его из моих рук, еще три раза поклонился и сказал:

— Достопочтенный настоятель, не посидите ли здесь, пока я вернусь?

— Хорошо, у меня уйма времени, — сказал я и сел на полу в позу лотоса.

В его взгляде отразилось беспокойство, и он нервно забарабанил пальцами по столу. Затем он промямлил, переминаясь с ноги на ногу:

— Достопочтенный настоятель, с величайшим смирением и глубочайшим уважением разрешите мне предложить вам сесть на один из этих стульев, потому что в нашем колледже все должны сидеть именно так.

Я поднялся на ноги и неуклюже сел на одно из этих отвратительных приспособлений. Я думал тогда — и по-прежнему думаю, — что больше этого не повторится! Это приспособление казалось мне орудием пыток. Молодой человек ушел, оставив меня сидящим в комнате. Я все ерзал и ерзал на стуле. Вскоре у меня заболела спина, затекла шея и мне стало совсем не по себе. Почему, думал я, в этой несчастной стране человек не может даже сидеть правильно, так, как мы всегда сидим в Тибете? Почему здесь нужно отрывать от земли и подпирать себя чем-то для того, чтобы не упасть? Я покачался из стороны в сторону, и от этого стул закрипел, застонал и зашатался, после чего я больше не рисковал двигаться, опасаясь, чтобы вся эта конструкция не рухнула.

Молодой человек вернулся, поклонился мне снова и промолвил:

— Директор ждет вас, достопочтенный настоятель. Пройдите, пожалуйста, со мной.

Он жестами попросил меня пройти вперед. — Нет, — запротестовал я — Вы идите вперед, потому что я не знаю, куда идти.

Он снова поклонился и повел меня. Мне все это казалось необычайно глупым, ведь он сказал, что покажет мне, куда идти, а затем предложил мне пройти вперед. Как же я мог идти впереди, если я не знал, куда идти? Сейчас мне это кажется столь же нелепым, как и тогда.

Молодой человек провел меня по коридору, а затем постучал в дверь в самом его конце. Еще раз поклонившись, он открыл ее передо мной, а затем объявил:

— Достопочтенный настоятель Лобсанг Рампа. Вслед за этим он закрыл за мной дверь, и я оказался в комнате. Возле окна стоял пожилой человек. Это был приятный на вид китаец, лысый и с бородкой. Странно, но он тоже был одет в эту ужасную одежду,

которую я уже видел раньше и которую все называли западной. На нем был голубой пиджак и такого же цвета брюки с тонким белым ремешком, протянутым через петли на поясе. У него был белый воротничок и цветной галстук, и мне стало грустно, что такой солидный пожилой джентльмен должен носить такую никудышную одежду.

— Значит, вы — Лобсанг Рампа, — сказал он. — Я много слышал о вас и очень рад принять вас здесь в качестве одного из наших студентов. О вас сообщается еще в одном письме, которое я получил независимо от вашего. Уверяю вас, что все, чему вы научились ранее, не раз пригодится вам здесь. Мне писал о вас ваш наставник, лама Мингьяр Дондуп. Я близко познакомился с ним несколько лет назад в Шанхае до отъезда в Америку. Меня зовут Ли. Я — здешний ректор.

Мне пришлось сесть и отвечать на всевозможные вопросы для того, чтобы продемонстрировать свою осведомленность в анатомии и других науках. Те же знания, которые действительно чего-то стоили, знания Писаний, он и не собирался проверять. Я удовлетворен вашими познаниями, — сказал он. Однако вам придется еще немало позаниматься, ведь помимо китайской системы мы преподаем еще и американские медицинские науки и хирургию. Поэтому вам придется познакомиться с несколькими предметами, которых не было раньше в вашем расписании. Я получил диплом в Соединенных Штатах Америки. Комитет Попечителей доверил мне преподавать американскую медицину молодым людям и исследовать вопрос о том, как согласуются западные представления с традиционной китайской медициной.

Продолжив свой пространственный рассказ о чудесах американской медицины и хирургии, а также о современных методах диагностики, он затем сказал:

— Электричество, магнетизм, учение о тепле, свете и звуке — все это вам придется изучить в дополнение к тому, что вы узнали от своего наставника.

Я посмотрел на него в ужасе. Названия этих двух предметов — “электричество” и “магнетизм” — совершенно ничего не говорили мне. Поэтому я не имел ни малейшего представления о том, что он имеет в виду, когда упоминает о них. А вот в отношении тепла, света и звука, — что ж, думал я, о них знает каждый дурак. Тепло используют, когда разогревают чай, с помощью света видят, а звук дает нам возможность разговаривать. Что здесь еще можно изучать? Но тут он добавил:

— Следует предупредить вас, что хотя вы и привыкли много работать, здесь вам придется трудиться вдвое больше, чем остальным, потому что вам предстоит заниматься по двойной программе — изучать базовые предметы и одновременно собственно медицину. Принимая во внимание ваши многолетние занятия в монастыре, я думаю, что вы справитесь с этим. Через два дня начнутся занятия по медицине в одной из групп.

Он сел за стол и стал шуршать какими-то бумажками. Затем взял в руки то, что я знал по картинкам как чернильную ручку и теперь впервые увидел собственными глазами.

— Лобсанг Рампа, — бубнил он про себя, — поступает в особую группу изучающих электричество и магнетизм. Кстати, встретьтесь с мистером Ву. И имейте в виду, он дотошно присматривается к людям.

Он положил ручку, бережно промокнул написанное и встал. Самым любопытным мне показалось то, что он использовал какую-то особую бумагу для промокания. Мы для этой цели пользовались тщательно высушенным песком. Я заметил, что он стоит рядом и внимательно смотрит на меня.

— Вы достигли немалых успехов в изучении многих наук, — сказал он. — Из нашего разговора я могу сделать вывод, что вы знаете даже больше, чем некоторые наши профессора. Однако вам придется познакомиться с теми предметами, которых вы до сих пор не изучали.

Затем он позвонил в колокольчик и добавил:

— Я попрошу показать вам все наши здания и отделы. Уверен, что вам будет что вспомнить об этом дне. Если у вас возникнут какие-то сомнения или недоразумения,

обращайтесь ко мне, потому что я пообещал ламе Мингъяру Дондупу помогать вам по мере своих возможностей.

Он поклонился мне, и я искренне ответил ему тем же. В комнату вошел молодой человек в голубом. Директор заговорил с ним по-китайски. Затем он повернулся ко мне и сказал:

— Если вы изволите проследовать за господином А-фу, он покажет вам здания нашего колледжа и ответит на все ваши вопросы.

На этот раз молодой человек сам пошел впереди меня и аккуратно закрыл за собой дверь в кабинет директора. Когда мы вышли в коридор, он сказал:

— Сначала мы пойдем в регистратуру, потому что вам нужно поставить там свою подпись.

Мы прошли по коридору и пересекли большой холл с полированным полом. В его дальнем конце была еще одна дверь. Мы приблизились к ней и вошли внутрь. В комнате все активно работали: служащие были очень заняты, вероятно, составлением списков студентов, а возле их столов стояли молодые люди, записывающие свои имена в большие книги. Мой провожатый сказал что-то другому служащему, который после этого тут же скрылся за дверью соседнего подсобного помещения. Вскоре оттуда появился, лучезарно улыбаясь, низкий коренастый китаец. Он тоже был одет в западном стиле и носил очки с необычайно толстыми стеклами.

— А, — сказал он, — Лобсанг Рампа. Я слышал о вас много хорошего.

Тут он протянул мне руку. Я посмотрел на нее с недоумением, потому что не мог понять, что он хочет от меня получить. Через некоторое время я подумал, что он, должно быть, ждет от меня денег. Провожатый прошептал мне:

— Вы должны пожать ему руку, как это принято на Западе.

— Да, вы должны пожать мне руку, так, как это принято на Западе, — сказал толстенный коротышка. — Здесь все так делают.

Мне ничего не оставалось делать, как взять его руку и сжать ее.

— О-о-о! — завопил он. — Вы сломаете мне кости.

— Извините, я просто не знаю, как это делается, — сказал я. — В Тибете в качестве приветствия мы касаемся сердца. Вот так. — И я показал ему.

— Я слышал об этом, — сказал он, — но времена меняются. Сейчас мы пользуемся этим западным обычаем, А теперь возьмите мою руку, и я покажу вам, как нужно пожимать друг другу руки.

Затем он показал мне это. Я сделал так, как он сказал, но подумал, что это очень глупый обычай.

— Теперь вы должны записать свое имя в книгу и тем самым стать одним из наших студентов.

Он небрежно потеснил нескольких студентов, толпившихся возле одного из столов, лизнул свои указательный и большой пальцы и принялся листать большую конторскую книгу.

— Здесь вы должны, — сказал он, — записать свое полное имя и звание.

Я взял в руки китайское перо и записал в верхней части страницы свое имя. “Т. Лобсанг Рампа, — писал я, — лама из Тибета. Священник-хирург из ламаистского монастыря Чакпори. Признанное Воплощение. По должности — настоятель. Ученик ламы Мингъяра Дондупа”.

— Прекрасно! — воскликнул низкорослый китаец, уставившись в книгу и прочтя мои слова. — Вот и хорошо! Продолжим каждый свое дело. Я хочу, чтобы вы познакомились с обстановкой здесь. Я хочу, чтобы вы увидели все чудеса западной науки, которые у нас здесь есть. Вскоре мы снова встретимся.

Затем он поговорил с моим провожатым, и тот сказал мне:

— Сначала мы с вами побываем в научных лабораториях.

Мы вышли из комнаты, быстро пересекли двор и вошли в другое здание. Здесь во всех комнатах было много стеклянных предметов. Бутылочки, трубочки, колбочки — все это мы раньше видели только на картинках. Молодой человек проследовал в угол комнаты.

— А теперь, — воскликнул он, — смотрите сюда! — Он вертел в руках латунную плоску, а затем поднес к ней какую-то стекляшку. Размазав по дну плоски какую-то жидкость, он уставился на нее.

— Посмотрите! — еще раз воскликнул он, Я посмотрел. Там плавали какие-то букашки. Молодой человек посмотрел на меня и раздраженно спросил:

— Как? Вас это не удивляет?

— Нисколько, — ответил я. — В монастыре Потала у нас есть похожая штука, которую Далай-Ламе подарило правительство Индии. Мой наставник, лама Мингьяр Дондуп, показывал мне ее и часто разрешал пользоваться.

— Вот как! — разочаровано ответил молодой человек. — В таком случае я покажу вам еще что-то.

Мы вышли из этого здания, и он повел меня к следующему.

— Вы будете жить в монастыре, который находится на Горке, — сказал он, — но, мне кажется, вам будет интересно увидеть современное жилье, в котором посчастливилось жить здешним студентам.

Он открыл дверь, и я вначале увидел чисто выбеленные стены, а затем мой удивленный взгляд упал на черную железную раму, на которую было натянуто много изогнутых пружинок.

— Что это такое? — воскликнул я. — Я никогда ничего подобного не видел.

— Это, — сказал он, преисполненный гордости, — кровать. В этом здании их пока всего шесть. Это самая современная мебель.

Я с удивлением рассматривал то, что он мне показал. Я никогда не видел ничего подобного.

— Кровать, — повторил я новое слово. — А что они делают с этой штукой?

— На ней спят, — ответил он. — Это необычайно удобно. Лягте на нее, и вы сами в этом убедитесь.

Я посмотрел на него, затем на кровать и снова на него. Что ж, думал я, мне не следует выглядеть трусливым перед одним из китайских служащих. Поэтому я ваял да и сел на одну из кроватей. Она закричала и застонала подо мной, и мне показалось, что я проваливаюсь на пол. Я поспешно вскочил на ноги.

— Я, должно быть, слишком тяжел для нее, — сказал я. Молодой человек всячески старался подавить в себе смех.

— *Это* пружинная кровать, — ответил он. — Вот для чего она предназначена. — И он упал на нее всем своим весом, покачиваясь на пружинах, а я подумал, что никогда в жизни не сделаю этого.

Кровать казалась мне ужасным монстром. Я привык спать на полу, и это было вполне удобно для меня. Молодой человек снова запрыгал на кровати, но на этот раз он раскачался слишком сильно, и его выбросило в сторону. Он с грохотом шлепнулся на пол. Так ему и надо, подумал я, помогая ему встать.

— *Это* еще не все, что я собирался показать вам, — сказал он. — Посмотрите сюда. — И он подвел меня к стене, на которой висел тазик такого размера, что в нем можно было приготовить тсампу, наверное, для десятерых монахов.

— Посмотрите на это приспособление, разве оно не замечательно? — спросил он.

Я посмотрел. Внешний вид тазика ни о чем не говорил, и мне показалось, что он ни на что не пригоден.

— В нем нет ничего хорошего, — сказал я. — И к тому же здесь на дне есть дыра. Даже чая в нем не подогреешь.

Он засмеялся, словно мои слова показались ему очень забавными.

— *Это*, — ответил он, — нечто даже более современное, нежели кровать. Смотрите! — Он протянул руку и прикоснулся к металлической трубке, которая торчала из стены над тазиком.

К моему крайнему удивлению, из нее хлынула струя воды. Вода!

— Она холодная, — заметил он. — Довольно холодная. Смотрите. — И он протянул руку под струю. — Теперь вы попробуйте.

Я сделал так, как он мне показал. Это была обычная вода, подобная той, которая течет в реке. Возможно, она была немножко более застоявшаяся, и запах у нее был не столь приятный, но во всех остальных отношениях — обычная вода, бьющая ключом из куска металла. Кто мог подумать, что такое бывает!

Молодой человек протянул руку в сторону, взял небольшой черный предмет и вставил его в дыру, которая была проделана в дне тазика. Вода стала собираться. Вскоре она заполнила всю емкость почти до краев, но при этом не стала вытекать на пол. Очевидно, где-то было другое отверстие. Молодой человек снова коснулся металлической трубки, и поток воды прекратился. Затем он опустил обе руки в тазик с водой и принялся плескаться в ней.

— Посмотрите, какая прекрасная водичка, — сказал он. — В наши дни для того, чтобы получить ее вдоволь, не нужно ходить с ведром куда-то далеко и вытаскивать ее из-под земли.

Я тоже окунул руки в воду и поплескался в ней. *Это* было довольно удобно, ведь мне не нужно было становиться на колени для того, чтобы зачерпнуть ее рукой в реке. Затем молодой человек потянул за цепочку, и вода потекла в дыру, кряхтя и гукая, как умирающий старикашка. Он повернулся ко мне, протягивая что-то похожее на чей-то короткий передник.

— А теперь, — сказал он, — попользуйтесь этим.

Я с недоумением смотрел то на него, то на кусок ткани, который он мне протягивал.

— Зачем мне это? — спросил я. — Я уже полностью одет.

— О нет, это не одежда, — ответил он, снова смеясь. — Вы можете вытереть этим руки. Вот так. — Он показал мне, как, и протянул кусок ткани еще раз. — Насухо вытрите их.

Я сделал так, как он сказал, и подумал о том, что если бы я дал этот кусок ткани тем женщинам, с которыми был знаком в Тибете, они обязательно пошили бы из него что-то нужное. Здесь же такая хорошая ткань использовалась для того, чтобы вытирать о нее руки. Что бы сказала об этом моя мать, если бы только сейчас меня увидела!

Все, что я увидел, прямо-таки поразило меня. Вода, текущая из металла. Дырявые тазики, которые все же можно как-то использовать. А между тем молодой человек триумфально шествовал впереди меня. Мы сошли вниз по каким-то ступеням и вошли в комнату, которая находилась под землей.

— Вот здесь, — объяснил он, — мы храним тела, мужские и женские.

Он распахнул дверь, и мы вошли в помещение, где на каменных столах лежали тела умерших, полностью готовые к тому, чтобы начинать вскрытие. В воздухе стоял сильный запах какого-то вещества, используемого здесь для того, чтобы предотвратить разложение тел. Тогда я еще не знал о таких веществах, потому что в Тибете, где всегда холодно и сухо, тела могли долгое время храниться в обычных условиях. Здесь, в Чунцине, где все изнемогало от жары, в тело умершего почти сразу после смерти вводили определенное вещество. Благодаря этой инъекции оно могло храниться в течение нескольких месяцев, что и было нужно нам, студентам, которые изучали анатомию. Он подошел к небольшому шкафчику и распахнул его.

— Посмотрите, — сказал он. — Здесь мы храним самые современные хирургические инструменты американского производства. Они используются для вскрытия тел, для отрезания рук и ног. Посмотрите!

Я смотрел на все эти сверкающие металлические, стеклянные и хромированные изделия и думал о том, что едва ли они могут делать все это лучше, чем мы в Тибете.

После того, как моя приблизительно трехчасовая экскурсия по колледжу закончилась, я вернулся к своим спутникам, которые ожидали меня в квадратном дворике среди зданий и уже начали волноваться. Я рассказал им о том, что видел и что делал. Затем я предложил:

— Давайте пройдемся по городу, давайте посмотрим, что это за место. Мне кажется, что это какая-то дикая страна. Здесь очень шумно и невыносимо воняет.

Мы снова уселись на лошадей и поехали кататься по городу, разглядывая магазины, которых на узеньких извилистых улочках было очень много. Мы спускались на землю всякий раз, когда хотели поближе рассмотреть ту или иную диковинную вещь, продававшуюся на улице. Так мы ездили по улицам до тех пор, пока не попали на улочку, которая с одной стороны, казалось, не имела продолжения и внезапно заканчивалась на краю скалы. Это заинтересовало нас, и поэтому мы направились в этот конец улочки и заметили, что там она круто уходит вниз, спускаясь серпантинном к пристани. Глядя вниз с вершины этого холма, мы увидели гавань с большими торговыми судами и красивыми шхунами. У подножья холма был целый лес высоких мачт и треугольных парусов, лениво полоскавшихся на легком ветру. Портовые грузчики уныло носили на борт одного из судов какие-то тюки. Для этого тюки помещались в специальные корзины, привязанные к длинным бамбуковым шестам, которые грузчики клали себе на плечи. Было очень жарко, и мы истекали потом. Недаром Чунцин славится своей знойной погодой. Мы отправились дальше, ведя лошадей на поводу. Вскоре из облаков спустился на землю густой туман. Навстречу ему поднялся туман из реки, и мы продолжали бродить по городу словно во тьме. Чунцин — большой город, большой и какой-то беспокойный. Он раскинулся на крутых скалистых холмах. Численность его населения достигает почти двух миллионов. Его улочки порой поднимаются в гору так круто, что некоторые дома кажутся пещерами в скалах, тогда как другие производят впечатление легких строений, нависающих над пропастью. Здесь был использован каждый фут поверхности земли. Пространством здесь дорожили и ревностно охраняли его от чужих посягательств. Кое-где попадались полоски земли, на которых выращивали фасоль, рис или еще какой-нибудь злак, но нераспаханной или незастроенной территории мы не видели нигде. Везде, наклонясь низко к земле, работали люди в голубых одеждах. Казалось, что они так и родились в этом положении, выпалывая сорняки своими уставшими пальцами. Высшие сословия жителей города жили в долине Киалинг, пригороде Чунцина, где воздух был чист по китайским стандартам, которым до наших было все же довольно далеко. В этой долине земли были более плодородны, и магазины здесь попадались тоже получше. Тут росли деревья и протекали ручьи. Это было место не для нищих рабочих, а для процветающих бизнесменов и профессиональных специалистов, имеющих солидные доходы. Здесь жил градоначальник, а также другие богатые китайцы. Чунцин — огромный город — фактически, это был самый большой город из всех, которые мы когда-либо видели. Однако он не впечатлял нас.

Внезапно мы почувствовали, что сильно проголодались. Пицца у нас закончилась, и нам пришлось искать ресторанчик, для того чтобы поесть по-китайски. Мы зашли в какую-то забегаловку, яркая вывеска на которой гласила, что в ней без промедления подают самую лучшую еду в Чунцине. Мы вошли и сели за столики. Одета в голубое фигура подошла к нам и спросила, чего нам угодно отведать.

— Есть ли у вас тсампа? — спросил я.

— Тсампа?! — растерялся официант. — О нет, это, должно быть, одно из тех модных западных блюд. У нас такого нет.

— Что же тогда у вас есть? — снова спросил я.

— Рис, лапша, плавники акулы, яйца.

— Прекрасно, — ответил я, — давайте нам рисовые пирожки, лапшу, плавники акулы и бамбуковые побеги. И побыстрее, если можно.

Он поспешно ушел и через несколько мгновений вернулся, неся с собой все, что мы заказали. Все вокруг нас ели, и мы пришли в ужас от того, как в этом ресторанчике шумно и неуютно. В тибетских монастырях соблюдалось незыблемое правило, согласно которому во время приема пищи нельзя разговаривать. Это мотивировалось тем, что подобное поведение является проявлением неуважения по отношению к пище, и пища может за это отомстить сильными болями в теле. Во время еды в монастыре один из монахов всегда читал вслух Писания, а все остальные должны были внимательно слушать его. Здесь же все разговаривали, и при этом разговоры были далеко не серьезными. Нас это поразило и вызвало отвращение. Мы ели, не отрывая глаз от тарелок, как предписывал нам устав монастыря. Прислушавшись, я заметил, что присутствующие разговаривали вполголоса и о весьма важных вещах: о вторжении японцев на территорию Китая и о тех бесчинствах, которые они при этом творили. Тогда я еще не знал точно, что происходит в этой стране.

Как бы то ни было, нас не поразила ни еда в этом городе, ни сам этот город. Правда, одним этот прием пищи мне все же запомнился: впервые в жизни я должен был платить за еду. Подкрепившись, мы вышли на улицу и направились во двор одного из муниципальных зданий с тем, чтобы посидеть там и поговорить. Мы расседлали лошадей и отпустили их немного попасаться и отдохнуть, в чем они сильно нуждались, потому что на следующий день мои спутники должны были отправиться в обратный путь в Тибет. И вот теперь на манер туристов, которые объезжают весь мир и возвращаются домой, они гадали, что бы такого привезти своим друзьям в Лхасе. Я тоже призадумался над тем, что передать ламе Мингьяру Дондупу.

Мы поговорили некоторое время о подарках и сувенирах, а затем единодушно решили еще раз пройтись по городу и кое-что купить в магазинах. Вскоре мы снова вернулись в тот небольшой сад, где паслись наши лошади, сели на траву и долго разговаривали.

Стемнело. Приблизилась ночь. Звезды едва можно было различить сквозь дымку, потому что к этому времени туман развеялся, и осталась одна лишь дымка. Снова мы поднялись на ноги и отправились на поиски пищи. На этот раз нам удалось найти трактир, в котором подавали блюда, приготовленные из морских продуктов. Эта еда была совсем непривычной для нас и нам не понравилась, однако мы насытились” и это было главное. Поужинав, мы вернулись на старое место. Казалось, лошади ждут нас, потому что они приветственно заржали, когда мы приблизились. Они выглядели хорошо отдохнувшими, и мы убедились в этом, когда оседлали их. Я никогда не был хорошим наездником и поэтому предпочитал уставшего коня отдохнувшему. Мы выехали на улицу и направились по дороге, ведущей в Киалинг.

Мы покинули Чунцин и двигались по дороге, проходившей по окрестным полям, туда, где собирались провести ночь, — в тот ламаистский монастырь, где я должен был поселиться на время учебы в колледже. За городом мы свернули вправо и поднялись по склону лесистого холма. Оказалось, что в монастыре исповедуют как раз ту разновидность тибетского буддизма, которая была мне особенно близка, и поэтому я почувствовал себя почти как дома, когда вошел в один из храмов во время богослужения. Дым от благовоний клубился облаками, и я затосковал по дому, когда услышал, как высокие голоса новичков вторят низким голосам старших монахов. Мои спутники, казалось, догадывались о моих чувствах, поэтому молчали, оставив меня наедине с собой. Некоторое время после службы я неподвижно оставался на своем месте. Я все думал и думал. Я припомнил тот день, когда впервые поселился в ламаистском монастыре после нескольких лет неурядиц и страданий. Теперь я тоже страдал, возможно, даже больше, чем тогда, потому что тогда был слишком молод, чтобы разбираться в жизни. Теперь же я знал уже немало и о жизни, и о смерти.

Через некоторое время пожилой настоятель медленно приблизился ко мне.

— Брат мой, — молвил он, — нехорошо так много думать о прошлом, когда все будущее ждет нас впереди. Одно богослужение кончилось, брат, и скоро начнется другое. Отправляйся-ка спать, ведь завтра нас ждут новые дела.

Не говоря ни слова, я поднялся на ноги и проследовал за ним туда, где должен был отныне спать. Мои спутники уже отошли ко сну. Я прошел мимо их неподвижных фигур, завернутых в одеяла. Спят ли они? Возможно. Хотя кто знает? Возможно они мечтают о том, как будут долго возвращаться домой и увидят в конце концов родную Лхасу, Я тоже завернулся в одеяло и улегся, Тени от луны вытянулись и, когда я засыпал, стали невообразимо длинными.

Я проснулся оттого, что в храме пела труба и били в гонг. Пришло время подниматься и снова отправляться на богослужение. Служба в храме всегда осуществляет до завтрака, но я чувствовал, что голоден. Однако после нее, когда еда уже стояла передо мной, я потерял аппетит. Съел я мало, даже очень мало, потому что меня донимала тоска по дому. Мои спутники ели хорошо, с аппетитом, и не удивительно — ведь они должны были набираться сил перед тем, как отправиться сегодня в обратный путь. После завтрака мы немного прошлись по окрестностям. Во время прогулки мы практически ни о чем не разговаривали. Казалось, нам не о чем особо говорить. В конце концов я сказал:

— Передайте это письмо и этот подарок моему наставнику, ламе Мингъяру Дондупу. Передайте ему, что я буду писать ему как можно чаще. Расскажите ему о том, как я скучаю по нему и его наставлениям, ведь вы убедились в этом сами.

Затем я покопался немного в своих внутренних карманах и продолжил:

— А это, — сказал я, доставая пакет, — предназначается Величайшему. Отдайте это моему Наставнику, а он уж передаст Далай-Ламе.

Они взяли у меня пакет, и я отвернулся в сторону, потому что меня одолели эмоции. Я не хотел, чтобы другие видели их у меня, чтобы они знали, что я, главный лама группы, подвержен таким чувствам. К счастью, они ничего не заметили, потому что тоже были взволнованы. Ведь за это время между нами завязалась искренняя дружба, невзирая на все различия в нашем статусе, что в Тибете значит немало. Им было грустно проедаться со мной, ибо не хотелось оставлять меня одного в этом чужом нам всем мире, который они в глубине души ненавидели, возвращаясь в любимую Лхасу.

Некоторое время мы прогуливались между деревьями, рассматривая цветы на полянах, слушая голоса птиц, поющих на ветвях деревьев, и глядя на сверкающие облака среди небесной лазури. А затем пришло время расставания. Мы вместе вернулись в старый китайский ламаистский монастырь, утопающий в зелени деревьев на холме, который возвышался над Чунцином и рекой. Нам нечего было сказать друг другу, когда наше совместное пребывание подошло к концу. Мы чувствовали грусть и неловкость, направляясь в конюшню, где мои спутники неспешно оседлали лошадей. Они вывели за уздечку и мою лошадь, моего верного друга в пути, которая теперь — счастливое существо! — отправлялась обратно в Лхасу.

Мы обменялись еще несколькими словами, а затем они сели верхом на своих лошадей и двинулись в сторону Тибета, оставив меня стоять и смотреть им вслед. Они становились все меньше и меньше, пока не скрылись из виду за поворотом дороги. Топот лошадиных копыт затих в тишине. Небольшое облачко пыли на далеком повороте дороги развеялось. Я стоял, вспоминая прошлое и с ужасом вглядываясь в будущее. Не знаю, сколько я простоял в безмолвном забытии, пока приятный голос не прервал мои мрачные воспоминания.

— Достопочтенный лама, не забывайте, что в Китае живут люди, которые станут вашими друзьями. К вашим услугам, достопочтенный лама из Тибета, один из студентов медицинского колледжа в Чунцине.

Я медленно оглянулся и заметил рядом с собой приятного молодого монаха-китайца. Мне показалось, что он немножко волновался. Ведь он не знал, как я, настоятель

и высокопоставленный лама, отнесусь к нему, простому китайскому монаху. Но я был рад с ним познакомиться. Оказалось, что это Хуанг, человек, который впоследствии дал мне повод гордиться нашей дружбой. Мы вскоре близко познакомились, и мне было очень приятно, что он также является студентом, который приступает к занятиям завтра, как и я. Ему тоже предстояло познакомиться с этими загадочными предметами — электричеством и магнетизмом. Оказалось, что он обучается по той же программе, что и я, и поэтому нам было суждено много работать вместе.

Мы повернулись и направились к монастырю. Когда мы проходили через монастырские ворота, к нам подошел еще один китайский монах.

— Нам нужно явиться в колледж, — сказал он, — для того, чтобы зарегистрироваться.

— О, я уже сделал это, — ответил я. — Я зарегистрировался еще вчера.

— Это так, достопочтенный лама, — сказал он. — Однако тогда вы записались не в список студентов, а в список братства, ведь в колледже мы все становимся братьями, подобно студентам американских университетов.

Вместе мы снова вышли на дорожку, ведущую от монастыря в сторону главного пути, который пролегает между Чунцином и Киалингом. Эта дорожка проходила через рощу, где росло много самых разнообразных цветов. В обществе этих молодых людей моего возраста поход в город не показался мне долгим и скучным. Вскоре мы уже снова были возле зданий, которым было суждено стать нашим дневным домом. Мы вошли внутрь. Молодой служащий в голубой ситцевой рубашке был очень рад нас видеть.

— О, я так рад, что вы пришли, — сказал он. — Здесь к нам приехал американский журналист, который знает китайский язык. Ему не терпится увидеть высокопоставленного ламу из Тибета.

Он провел нас по коридору на этот раз в другую комнату, в которой никто из нас еще не был. Это было помещение для приема гостей. В нем сидело множество молодых людей, разговаривавших с девушками, вид которых меня поразил. Тогда я еще очень мало знал о женщинах.

Высокий молодой мужчина сидел в низком кресле. Ему было, как мне показалось, лет около тридцати. Когда мы вошли, он поднялся и коснулся груди в области сердца, как принято на Востоке. Я, разумеется, ответил ему тем же. Нас представили ему, и он протянул нам руку. На этот раз я, конечно, был готов к такому повороту событий и пожал ему руку по всем правилам.

— Вижу, что вы тоже переходите на западные обычаи, которые нынче распространяются в Чунцине, — заметил он смеясь.

— Да, — ответил я, — я уже дошел до той стадии, когда сидят на совершенно неудобных стульях и пожимают друг другу руки.

Это был вполне приятный молодой человек, и я до сих пор помню его имя. Со временем ему суждено было погибнуть в Чунцине.

Мы вышли во двор, сели на низкой каменной стене и долго разговаривали. Я рассказывал ему о Тибете и наших обычаях. Я успел поведать ему многое о своей жизни в Тибете, а он мне — о своей жизни в Америке. Я спросил его, что он делает в Чунцине, ведь невозможно было предположить, чтобы столь разумный молодой человек жил в этом душном месте без каких-либо оснований. Он сказал, что готовит цикл статей для одного из американских журналов. Он спросил, разрешаю ли я, чтобы он упомянул меня в своих заметках, на что я ответил:

— Мне бы не хотелось, чтобы вы делали это, потому что я здесь выполняю определенную задачу. Я обучаюсь для того, чтобы в дальнейшем путешествовать на Западе. Поэтому мне хотелось бы сделать вначале что-то достойное внимания, и только потом стать известным вашим читателям. Когда у меня будет чем похвастать, — продолжал я, — я найду вас и дам интервью, которое вы сможете поместить в журнале.

Он был сообразительным молодым человеком и быстро меня понял. Вскоре мы уже чувствовали себя старыми друзьями. Он разговаривал по-китайски довольно прилично, и поэтому мы без труда объяснялись с ним. Он сопровождал нас некоторое время по пути обратно в монастырь.

— Мне бы очень хотелось когда-нибудь посетить храм в вашем монастыре и поприсутствовать на богослужении, если это разрешается, — сказал он. — Я не исповедую вашу религию, но отношусь к ней с почтением и хотел бы отдать дань уважения храму.

— Хорошо, — ответил я, — вы побываете в нашем храме и примете участие в богослужении. Вы будете нашим желанным гостем, это я вам обещаю.

После этого мы простились, потому что нам предстояло еще многое сделать, чтобы быть готовыми к завтрашнему первому дню учебы. Подумать только, завтра первый день, когда меня назовут студентом, — как будто я не учился всю свою жизнь! Вернувшись в монастырь, я пересмотрел все свои вещи. Оказалось, что кое-какие из них испачкались в путешествии и нуждались в стирке. В соответствии с обычаем, во время учебы в колледже мы должны были одеваться, питаться и покупать себе личные вещи за свой счет. Кроме того, мы не имели права нанимать себе прислугу для выполнения грязной работы. Впоследствии я перешел на голубую одежду китайских студентов, потому что моя тибетская слишком сильно привлекала к себе внимание. Я не хотел постоянно быть в центре внимания, предпочитая учиться в спокойной обстановке.

Помимо таких бытовых мелочей, как стирка одежды, мы должны были посещать богослужения, и я, как ведущий лама, обязан был принимать участие в этих службах. Таким образом, днем я был студентом, ко, возвращаясь к вечеру в монастырь, я становился высокопоставленным священником, который должен выполнять определенные функции в соответствии со своим званием. Так подошел к концу день, который, как мне казалось, никогда не закончится, ведь я впервые в своей жизни оказался оторванным от своих близких и знакомых.

Утро в первый день занятий было теплым и солнечным. Мы с Хуангом вышли на дорогу, ведущую в город — путь к новой жизни в качестве студентов медицинского колледжа. Вскоре мы преодолели расстояние, отделявшее нас от города, и вошли во двор колледжа, где несколько сотен студентов ходили взад-вперед и время от времени поглядывали на доску объявлений. Мы тоже подошли к ней и внимательно прочли списки студентов. Наши имена оказались рядом, а это означало, что долгое время мы будем учиться вместе. Мы прошли через толпу студентов, читающих списки, и направились к той аудитории, где согласно расписанию у нас должны были проводиться занятия. Там мы сели, всему удивляясь — или, может быть, только я один удивлялся — мебели и всем тем хитроумным приспособлениям, которые нас окружали. Затем после, как нам показалось, целой вечности, в аудиторию пришли небольшими группами и заняли свои места остальные студенты. В конце концов зазвучал гонг, и в класс вошел китаец-преподаватель.

— Доброе утро, — сказал он.

Мы все вместе встали, потому что правила поведения предписывали таким образом выражать почтение преподавателю.

— Доброе утро, — ответили мы ему.

Преподаватель сказал, что даст нам небольшую контрольную работу для того, чтобы выяснить, что мы знаем, а чего не знаем. Поэтому он попросил не падать духом тех из нас, чьи познания окажутся неудовлетворительными. Он заявил, что не сможет обучать нас до тех пор, пока не выяснит точно, что каждый из нас уже знает.

Вопросы были очень разнообразными. Они затрагивали широкий круг предметов. Это был большой набор требований продемонстрировать осведомленность во всех областях китайских наук: арифметике, физике, анатомии, многих аспектах медицины, хирургии, а также других дисциплинах, которые должен был знать каждый, желающий

глубоко изучать медицину. Преподаватель попросил нас не писать, что мы не знакомы с тем или иным предметом, если мы не можем ясно ответить на соответствующий вопрос. Мы должны были по мере возможности очертить круг своих представлений об этом предмете с тем, чтобы он понял, где заканчиваются наши знания.

Затем преподаватель позвонил в колокольчик. Дверь открылась, и в аудиторию вошли два ассистента с кипами книг в руках. Они прошли между рядами и раздали книги, оказавшиеся на самом деле не книгами, а сшитыми вместе листами бумаги, на которых были написаны всевозможные вопросы и оставлены пустые строки для того, чтобы вписывать в них ответы. Затем пришел еще один ассистент и раздал всем карандаши. Нам предстояло пользоваться именно карандашами, а не перьями. Затем мы стали вчитываться в вопросы один за другим и отвечать на них по мере возможностей. Мы могли — или по крайней мере я мог — убедиться в том, что, судя по ауре лектора, он обладал глубокими знаниями и действительно хотел учить нас.

Дело в том, что мой наставник лама Мингьяр Дондуп, дал мне довольно разностороннее образование. По результатам контрольной работы, о которых нам сообщили через два дня, стало ясно, что я во многих отношениях лучше, чем мои однокурсники, разбираюсь во многих предметах, однако не обладаю никакими познаниями в области электричества и магнетизма.

Через две недели после контрольной работы мы провели занятие в лаборатории, где нам показывали опыты, целью которых было продемонстрировать суть этих наук тем, кто, подобно мне, не имел представления о смысле этих двух трудно произносимых слов. Лектор предварительно рассказал нам кое-что об электричестве.

— Теперь я продемонстрирую вам на опыте, как действует электричество, — сказал он затем. — Это будет вполне безобидный опыт.

Он дал мне в руки два провода и сказал:

— Не подержите ли вы эти проводки, пока я не велю вам их отпустить? Только держите крепко.

Мне показалось, что он хочет, чтобы я помог ему в каком-то опыте (только потом я понял, чего он на самом деле хотел!), и поэтому я взял из его рук проводки. И все же его аура говорила о том, что он замышляет что-то нехорошее. Я подумал, что, должно быть, неправильно понял его намерения, потому что во всех отношениях он казался мне хорошим человеком. Он обернулся и подошел к своему демонстрационному столу. Затем он щелкнул переключателем. Я увидел свет, исходящий из проводов, и ауру лектора, которая свидетельствовала о его сильном удивлении. Казалось, что он необычайно изумлен.

— Крепче сожмите пальцы, — сказал он. Я сдавил проводки еще сильнее. Лектор посмотрел на меня, а затем протер глаза. Он был поражен. Это теперь было ясно каждому, кто мог видеть ауру. Было очевидно, что этот человек уже давно так сильно не удивлялся. Другие студенты тоже наблюдали за всем происходящим, разинув рты от удивления. Они не могли понять, что это все значит. Они так и не поняли, что должно было со мной случиться. Вернув переключатель в обратное положение, лектор поспешно подошел ко мне и взял из моих рук проводки.

— Должно быть, где-то что-то не сработало, — сказал он. — Или обрыв в цепи.

Он взял в руки проводки и вернулся к столу. Один из них был у него в левой руке, а другой — в правой. Продолжая держать их, он протянул руку и слова щелкнул переключателем.

— 0-0-0! — завопил он. — Выключите! Меня убьет! При этом его тело стало трястись и корчиться, будто одновременно все мышцы оказались парализованными. Некоторое время он продолжал визжать и что-то выкрикивать, а его аура при этом сияла, как солнце. Как интересно, думал я, никогда не видел у людей таких красивых аур!

На продолжающиеся крики лектора прибежали люди. Одна мужчина с ходу оценил ситуацию, бросился к столу и что-то на нем переключил. Несчастный лектор упал на пол.

Его продолжало трясти, а на лице у него выступил пот. На него было жалко смотреть. Вдобавок ко всему, его лицо стало бледно-зеленым. Наконец ему удалось встать, держась за край стола.

— Это вы во всем виноваты, — обратился он ко мне.

— Я? Но ведь я же ничего не делал. Вы сказали мне держать проводки, и я держал их. А затем вы решили забрать их у меня и чуть было не умерли, — ответил я.

— Непостижимо, непостижимо, — бормотал он.

— Что непостижимо? — спросил я. — Я просто держал их так, как вы мне сказали. Чего же вы не можете понять?

Он взглянул на меня.

— Разве вы ничего не чувствовали? Разве проводки не щипали вам пальцы?

— Что ж, — ответил я. — Я действительно ощутил в них приятное тепло, но больше ничего не было. А что я должен был почувствовать?

Другой лектор, тот, который спас первого, сказал:— Может, попробуете еще раз?

— Конечно, попробую столько раз, сколько вам будет нужно, — ответил я.

Он снова дал мне в руки проводки.

— Внимание, я включаю. Говорите, что вы чувствуете, — попросил он, щелкая переключателем.

— Напоминает приятное тепло. В этом тепле нет совсем ничего страшного. Мне кажется, что я поднес руки близко к огню.

— Сожмите сильнее, — сказал лектор. Я так и сделал. Я сжимал проводки так сильно, что мышцы моих рук напряглись. Лекторы переглянулись, а затем выключили ток. Затем один из них взял у меня проводки, обернул их тканью и легонько прижал пальцами.

— Включай, — сказал он другому. Другой включил, и человек, который держал замотанные в ткань проводки, тут же выпустил их из рук.

— Да, напряжение есть, — сказал он.

Падая, концы проводов освободились от ткани и соприкоснулись. Произошла яркая вспышка света, и с концов проводов посыпались искры.

— Доигрался, — сказал один из лекторов. — Выбило пробки. — И он направился куда-то, должно быть, что-то ремонтировать.

Устранив неисправность, они начали читать нам лекцию по электричеству. Они сказали, что собирались подвергнуть меня удару электрического тока напряжением двести пятьдесят вольт для того, чтобы продемонстрировать возможности электричества. Оказалось, что у меня необычайно сухая кожа, и поэтому двести пятьдесят вольт ничуть не подействовали на меня. Я мог взять в руки оголенные провода и не пострадать от того, что они были подключены к источнику напряжения. А бедняга-лектор оказался совсем другим человеком — он был очень чувствителен к электрическому току.

— В Америке, если человек совершает убийство, — сказали они в ходе лекции, — и если правосудие признает, что он виновен, этого человека казнят при помощи электричества. С этой целью его привязывают к креслу, а затем подводят к его телу электрический ток, который убивает его.

Это очень интересно, думал я. Мне было любопытно, что они сделали бы со мной, однако садиться на настоящий электрический стул мне совсем не хотелось.

ГЛАВА 3 ДНИ УЧЁБЫ

Густой серый туман спустился на Чунцин. Он окутал дама, реку и мачты кораблей в гавани, он превратил витрины магазинов в расплывчатые, сияющие бледным оранжево-желтым светом очертания. Вокруг было необычайно тихо, и мне подумалось, что туман, похоже, делает Чунцин более привлекательным. Затем раздался шаркающий звук шагов

какого-то сгорбленного старичка, который растаял в тумане еще быстрее, чем появился из него. И опять эта странная тишина, сквозь которую до нас лишь изредка доносились случайные приглушенные звуки. Создавалось впечатление, что туман смягчает все шумы, как толстое одеяло.

Был поздний вечер. В тот день мы с Хуангом закончили занятия и собирались пройтись по городу, чтобы подышать свежим воздухом, подальше от помещений, где мы занимались вскрытием мертвых тел. И вот на улице нас встретил этот туман. Я ощущал сильный голод, как, очевидно, и Хуанг. Сырость забиралась под одежду, нам стало холодно.

— Давай пойдем куда-нибудь перекусим, Лобсанг, — сказал Хуанг. — Я, кстати, знаю здесь неподалеку хорошее местечко.

— Давай, — ответил я. — Я всегда готов побывать в новом интересном месте. Что ты мне собираешься показать?

— Я хочу показать тебе, что здесь, в Чундине, мы живем не так плохо, как тебе кажется.

Он повернулся и повел меня за собой. Однако лучше будет сказать, что он стал наощупь продвигаться во тьме до тех пор, пока не перешел на другую сторону улицы, где можно было прочесть вывески на магазинах. Некоторое время мы шли вниз по улице, а затем вошли в ворота, которые удивительно напоминали вход в горную пещеру. Внутри туман, казалось, был еще гуще, чем снаружи. Посетители курили здесь, выпуская в воздух густые облака зловонного дыма. Едва ли не в первый раз я видел, как столько человек курят одновременно. Меня тошнило от этой новой обстановки: люди сидели здесь с тлеющими углями во рту, испуская носом клубы дыма. Мой удивленный взор остановился на одном из мужчин. Дым у него валил не только из носа, но и из ушей. Я указал на него Хуангу.

— А, это любимец здешнего общества, — ответил Хуанг. — Он глух как пень. У него нет барабанных перепонок, поэтому ничто не задерживает дыма, который может выходить не только через рот и нос, но и через уши. Он подходит к иностранцу и говорит: “Дай мне сигарету, и я покажу тебе что-то такое, чего ты не можешь делать”. Таким образом ему удается постоянно курить за чужой счет. Но это не самое главное. Давай-ка я закажу еду. Меня здесь хорошо знают, поэтому мы получим самые лучшие места по самой низкой цене.

Меня это вполне устраивало. В течение последних дней я практически ничего не ел. Ведь в этом городе все казалось мне таким странным и чужим, включая еду. Хуанг сказал что-то одному из официантов, и тот сделал заметки в своем блокноте. Затем некоторое время мы сидели и разговаривали.

Еда была одной из моих проблем, потому что я не мог получить то, к чему привык. Мне приходилось есть, среди всего прочего, мясо животных и рыбу. Для меня, ламы из Тибета, это было совершенно невыносимо. Однако мои старшие друзья в монастыре Потала в Лхасе говорили мне, что мне придется привыкнуть к этой заморской пище. Они освободили меня от чувства вины, которое в противном случае постоянно преследовало бы меня. Ведь в Тибете священники не едят мяса — но мы находились в Китае и для того, чтобы выполнить свою миссию, мне приходилось есть любую здешнюю пищу. Здесь я не мог заказать себе то, что хотел. Поэтому мне приходилось покорно съедать те ужасные блюда, которые каждый раз мне подавали, и при этом притворяться, что они мне нравятся.

Подали наш ужин. На одной тарелке лежала половина черепахи, окруженная морскими ракушками. На другой же были тушеные лягушки среди капустных листьев. На вкус эти блюда оказались довольно приятными, но я бы предпочел свою тсампу. Поэтому, чтобы хоть как-то облегчить свою участь, я хорошенько заел лягушек лапшой и рисом. Мы пили чай. Единственным, к чему я не прикасался в Китае, невзирая на многочисленные предложения, были спиртные напитки. Никогда, никогда и еще раз никогда. Согласно нашим поверьям, нет ничего хуже этих опьяняющих напитков, нет

ничего хуже опьянения. В Тибете считают, что напиваться — тяжчайший грех, потому что, когда человек находится в состоянии опьянения, астральное тело — духовная составляющая человека — уходит из физического и оставляет его на растерзание паразитирующим сущностям. Дело в том, что жизнь возможна на многих уровнях, физическое тело — это лишь одно из проявлений нашей жизни, самое низшее ее проявление, и поэтому чем больше человек пьет, тем больше он повреждает себя на других уровнях существования. Общеизвестно, что пьющие временами видят красных слоников и другие существа, нетипичные для физического мира. Мы верим, что подобные существа являются проявлениями злых сил, которые пытаются воздействовать на физическое тело и вынудить его к дурному поведению. Ведь ни для кого не секрет, что выпивший человек “не совсем в своем уме”. Поэтому за все время пребывания в Китае я ни разу не прикоснулся к спиртному. Я ни разу даже не попробовал ни рисовой водки, ни настойки целебных трав на спирту.

Утка под соусом — это одно из самых вкусных блюд, но лишь для тех, кто любит мясо. Я же предпочитал бамбуковые побеги, которые как пища вообще неизвестны на Западе. Они больше всего напоминают один из выращиваемых в Европе сортов сельдерея. Английский сельдерей довольно сильно отличается от того, который я имею в виду.

Коль я заговорил о китайской кухне, будет не лишним отметить, что в Китае нет такого блюда, как чоп-сьюи. Это всего лишь общее название для китайской еды. Так называют еду вообще, *любую* китайскую еду.

Если кто-то пожелает отведать хорошие, подлинно китайские блюда, ему следует зайти в первоклассный китайский ресторан и заказать рагу из грибов и бамбуковых побегов. Кроме того, попробуйте рыбный суп или утку под соусом. В настоящем китайском ресторане вам не дадут ножа для того, чтобы разрезать утку. Официант подойдет к вам со специальным маленьким топориком и разрубит ее для вас на куски подходящего размера. Если вам она придется по вкусу, каждый кусочек будет завернут вместе с кусочком зеленого лука в сэндвич из пресного хлеба. Один такой сэндвич кладется в рот целиком. Еду, как правило, заканчивают листьями лотоса — или, если вы предпочитаете корни, корнями лотоса. Есть люди, которые предпочитают семя лотоса, однако что бы вы ни выбрали, вам обязательно нужно заказать побольше китайского чая.

Приблизительно так мы поели тогда с Хуангом в харчевне, в которой его так хорошо знали. Цены там оказались на удивление умеренными. Направляясь в конце концов к выходу, мы находились в блаженном состоянии сытых, отдохнувших и не истратившихся людей, и туман теперь был нам нипочем. Мы пошли по улице, которая выходила на дорогу в Киалинг и, пройдя некоторое время по этой дороге, свернули в сторону нашего храма. Когда мы пришли, как раз шло богослужение.

В храме на колоннах неподвижно висели Свитки. Не было заметно ни малейшего движения воздуха, в котором облака дыма от благовоний тоже висели неподвижно. Свитки были сделаны из красного материала, с написанными на них китайскими иероглифами. Это были Свитки Древних. В наших храмах их почитают так же, как в западных странах — могильные плиты умерших знаменитостей.

Мы поклонились Хо Тай и Куан Йин, богу благоденствия и богине сострадания, и направились в глубину тускло освещенного храма, чтобы принять участие в богослужении. Когда оно закончилось, мы не стали ужинать в монастырской трапезной, а завернулись в одеяла и отошли ко сну.

У нас никогда не было недостатка в телах для вскрытия. В те времена в Чунцине достать тело было очень легко. А впоследствии, когда началась война, у нас было больше трупов, чем мы могли вскрыть. Все тела, предназначенные для вскрытия, мы хранили в подвальном помещении, в котором тщательно поддерживалась низкая температура.

Как только нам удавалось раздобыть с улицы или из госпиталя свежее тело, мы вводили ему в пах очень сильный антисептик, благодаря которому оно могло храниться в

течение нескольких месяцев. Это было довольно трогательное зрелище: спускаешься в подвал и видишь там сложенные штабелями трупы, а затем замечаешь, сколь худощавы все эти тела. Зачастую мы долго спорили друг с другом, кому из нас досталось самое худое тело. Делать вскрытия полных тел был очень неприятно. Для того, чтобы выделить все нервы и артерии, приходилось то и дело снимать слои жировых тканей.

Тел, как я уже сказал, было достаточно. Часто у нас их было так много, что мы хранили их в больших емкостях с жидкостью, в так называемом рассоле. Получить тело из госпиталя было, разумеется, довольно сложно, потому что нередко родственники покойного не разрешали делать вскрытие. Однако в те дни на улицах утром часто находили трупы детей, нищие родители которых выносили их из дома под прикрытием темноты, потому что у них не было средств для похорон. Поэтому мы, студенты медицинского колледжа, бывало, выходили ранним утром на улицу для того, чтобы подобрать самые худые, а значит, самые “хорошие” тела.

Иногда каждый вскрывал одно тело, но чаще бывало так, что мы работали над одним трупом вдвоем: один из нас занимался головой, а другой — ногами. Так было даже лучше. Перед экзаменами, помнится, часто не хватало времени, и нам приходилось обедать на своем рабочем месте. Нередко можно было увидеть, как студент раскладывал еду на животе у трупа и ел, читая учебник, приставленный к бедру. Тогда нам как-то не приходило в голову, что мы могли заразиться от умерших и тоже заболеть.

Наш ректор, доктор Ли, был знаком с самыми современными достижениями американской медицины. В каком-то смысле он преклонялся перед всем американским, и все же он был хорошим человеком, одним из самых приятных китайцев, которых я когда-либо встречал. Посещать его занятия было очень приятно. В колледже я многое узнал и сдал большое количество экзаменов. Я до сих пор считаю, что изучал анатомию в лучших традициях тибетских вскрывателей трупов.

Наш колледж и прилегающий к нему госпиталь находились на той же ступенчатой улочке, с которой открывается вид на гавань, только на другом ее конце. Это тоже было прекрасное место, потому что и отсюда открывался живописный вид на реку и прилегающие поля-террасы. Ближе к гавани, в более деловой части улицы находился старый-престарый магазинчик, глядя на который нельзя было понять, как он до сих пор не развалился. Его деревянные стены были источены шашелем, а краска отваливалась со стен. Дверь была очень ветхой и едва держалась на петлях. Над ней находилась ярко нарисованная фигура тигра. Зверь был изображен так, словно его спина аркой нависала над дверью. Его когти и широко раскрытая пасть с ровными рядами острых зубов были изображены столь реалистично, что могли навести ужас на кого угодно. Тигр в Китае символизирует мужскую силу.

Этот магазинчик привлекал к себе тех мужчин, которые искали средства восстановить свою мужскую силу, желая приобрести бодрость и уверенность в себе. Женщины приходили сюда для того, чтобы купить особые снадобья — настойки различных частей тела тигра, женьшеня и других целебных трав, которые должны были помочь им родить детей, если они страдали бесплодием. Настойки различных частей тела тигра или женьшеня содержат большое количество веществ, которые благотворно влияют на организм в случае многих болезней.

Эти вещества лишь недавно были обнаружены западной наукой, которая разрекламировала свое достижение как новое открытие.

Китайцы и тибетцы не слишком много знали о современных открытиях, однако они используют эти снадобья уже три или четыре тысячи лет, не делая из этого большого события. Несомненно, что Запад смог бы многому научиться у Востока, если бы они только умели сотrudничать.

Однако вернемся к этому магазинчику, над дверью которого нарисован разъяренный тигр, а внутри полки ломаются от всевозможных странных мазей, порошков и пузырьков с разноцветной жидкостью. Эта лавка старомодного знахаря, где по-прежнему

можно приобрести порошок из истолченной лягушки, рогов антилопы и другие причудливые смеси, стимулирующие сексуальное желание. В этих густонаселенных местах, где живут в основном бедные люди, мало кто может заплатить за лечение в современном госпитале. Вместо этого бедный человек направляется в этот грязный ветхий магазинчик так же, как это делал его отец и, возможно, отец его отца. Здесь он излагает свои жалобы знахарю, который, подобно сове, восседает за деревянным барьером в очках с огромными линзами. Он расскажет все о проявлениях своей болезни, и тогда знахарь величаво покачает головой и, смыкая вместе кончики своих пальцев, выдаст рецепт нужного лекарства.

Согласно обычаю, каждый тип лекарств окрашивался в особый цвет. Эта традиция существует без изменений с незапамятных времен. Снадобья от болезней желудка, например, должны быть желтыми, тогда как человек, страдающий от болезней сердца и крови, должен принимать красные лекарства. Те же, кто страдает от болезней печени и желчного пузыря, а также люди с очень скверным характером должны принимать зеленые препараты. Те, у кого больны глаза, должны пить голубые настойки, а если у кого-то возникают кишечные расстройства, он должен принять коричневую таблетку.

Таким образом, цвет лекарства определяется особенностями болезни и темпераментом человека.

Будущая мать должна, согласно предписаниям китайских врачей, иногда принимать в пищу измельченное в порошок сухое мясо черепахи. В этом случае роды будут легкими и безболезненными. Она практически не почувствует их, и поэтому может до последнего момента спокойно заниматься своими делами. Один из рецептов так и гласит: “Проглоти этот порошок, а затем иди домой и работай на огороде. Только не забудь повязать передник между ног для того, чтобы новорожденный не упал на землю!”

Нигде не зарегистрированный традиционный китайский врач рекламирует свои услуги весьма оригинальным способом. Как правило, над его домом высится огромная ярко разукрашенная фигура, которая призвана сообщать всем о том, каким великолепным целителем он является. И это еще не все. В прихожей его дома и в комнате, где он принимает больных, обычно развешены огромные медальоны и вымпелы, которые он получил от своих состоятельных пациентов. Эти свидетельства их признательности говорят о том, что он с помощью своих микстур, порошков и мазей чудесным образом вылечил их от редких и загадочных болезней.

Зубным врачам здесь не так везет — традиционным китайским дантистам, конечно. Как правило, у дантиста нет помещения для приема больных. Чаще всего он лечит прямо на улице. Его страждущий пациент садится на ящик, а затем врач внимательно исследует его зубы, ковыряя и расшатывая их на глазах у целой толпы зевак. Затем, после ряда особых жестов он приступает к удалению больного зуба. “Приступает” — это как раз подходящее слово, потому что если пациент пугается или начинает истошно кричать, вырвать зуб удастся далеко не сразу. Иногда врач без колебаний просит нескольких человек из толпы зевак подержать несчастную жертву.

Традиционный китайский врач удаляет зубы без всякой анестезии. Он никогда не рекламирует свою работу так, как другие врачи, — с помощью медальонов и вымпелов. Однако вместо всего этого он носит на шее нитку, на которую нанизаны зубы, которые ему удалось вырвать. Вырвав очередной зуб, он бережно поднимает его, чистит и просверливает в нем дырочку. Затем этот зуб нанизывается на нить вдобавок ко всем другим, которые врач удалил раньше.

Часто пациенты, которых мы так долго лечили, о которых так много заботились и которые проходили курс лечения с использованием самых современных лекарственных средств, не долечившись до конца, украдкой убегали к традиционному лекару. Нас это очень раздражало, ведь нам казалось, что это мы его вылечили, тогда как знахарь утверждал, что это заслуга лишь его одного. Пациент чаще всего не говорил ничего — ему было достаточно того, что он был здоров.

По мере того, как мы становились все более опытными врачами и начали с видом знатоков расхаживать по больничным палатам, нас все чаще приглашали в качестве ассистентов ездить с квалифицированным доктором. Мы помогали ему лечить и оперировать больных на дому. Иногда нам приходилось спускаться со скалы в неприступное место, куда какой-нибудь неудачник свалился и сломал себе кости или почти безнадежно повредил тело.

Мы бывали также у тех, кто живет на реке в плавучих домах. В Киалинге есть люди, которые живут в домах-лодках и даже в небольших хижинах на бамбуковых плотках. Эти жилища на плаву обычно покачиваются на волнах недалеко от берега. Очень часто, особенно ночью, случалось так, что, пробираясь на них, неосторожный гость поскользнулся на узенькой кладочке или принимал плавающий в воде кусок бамбука за твердую кочку и падал в воду. После этого приходилось выбираться из воды под веселый визг мальчишек, всегда собиравшихся поглазеть на незнакомого человека.

Мы каждый раз удивлялись тому, что старые китайские крестьяне почти не ощущают боли. Они никогда ни на что не жаловались и всегда были рады, если нам хоть как-то удавалось им помочь. Мы делали все, что было в наших силах, чтобы облегчить страдания пожилых людей, и охотно помогали им. Иногда нам случалось убирать в их хибарках, готовить им пищу. Однако молодое поколение не производило такого хорошего впечатления. Молодые были беспокойными и носились с новомодными идеями, которые распространяли среди них люди из Москвы, приехавшие готовить китайцев к наступлению коммунизма. Мы предчувствовали грядущие бедствия, но ничего не могли поделать. Нам оставалось лишь стоять в стороне и наблюдать.

Однако, прежде чем мы сами начали лечить людей, нам пришлось много учиться. Мы занимались по четырнадцать часов в день. Среди новых предметов достаточно упомянуть лишь электричество и магнетизм. Хорошо помню свою первую лекцию по магнетизму. Тогда я практически ничего не знал об этом предмете, однако эта лекция запомнилась мне не меньше, чем первая лекция по электричеству. Наш преподаватель был не самым приятным человеком. Вот что тогда произошло.

Хуанг протискивался сквозь толпу, чтобы прочесть на доске объявлений, где будет наше следующее занятие.

— Эй, Лобсанг, — крикнул он мне из толпы, прочтя расписание, — сегодня после обеда у нас лекция по магнетизму.

Мы с Хуангом были очень довольны тем, что оказались в одной группе, ведь мы близко подружились еще до начала занятий. Мы вышли во двор, пересекли его и вошли в здание, где рядом с аудиторией, в которой изучали электричество, находилась та, где изучали магнетизм. Войдя в нее, мы увидели много оборудования, которое в общих чертах напоминало приборы из соседней лаборатории. Везде были разложены катушки с проволокой, а также странные куски металла, с виду напоминающие лошадиные подковы. Здесь были стальные и стеклянные палочки, пузырьки с жидкостями, похожими на воду, и различные коробочки, в которых находились кусочки дерева и свинца.

Мы заняли свои места, и тут вошел лектор. Он облокотился на стол, потому что был тяжелым человеком — и не только в прямом, но и в переносном смысле. Было видно, что он очень высокого мнения о себе. Его коллеги были явно иного мнения о его способностях. Он тоже ездил в Америку, но кое в чем отличался от своих земляков, побывавших там: они вернулись оттуда, понимая, что знают очень мало, тогда как он был убежден, что знает все и наделен безупречным разумом.

Он сел за свой стол, а потом зачем-то схватил деревянный молоток и грохнул им по столу.

— Тихо! — заорал он, хотя в аудитории все сидели молча. — Мы с вами будем изучать магнетизм. Для некоторых из вас это первая лекция, посвященная этому увлекательному предмету, — сказал он более спокойно.

Затем он взял в руки один из кусков металла, имеющий форму лошадиной подковы.

— Эта штука порождает вокруг себя *поле*, — сказал он, и я сразу же подумал о пасущихся в поле лошадях. — А сейчас я покажу вам, как определять направление магнитных полей с помощью магнитных опилок. Благодаря своим магнитным свойствам, — продолжал он, — каждая металлическая частичка притянется к этому куску железа, а все они выстроятся в соответствии с направлением силовых линий магнитного поля.

В этот момент я невзначай сказал Хуангу, сидящему рядом со мной:

— Зачем использовать опилки, если каждый дурак и так может видеть его?

Лектор, вероятно, расслышал мои слова, потому что он подпрыгнул на стуле и злобно произнес:

— Да, здесь есть великий лама из Тибета. И хотя он ни бельмеса не понимает в магнетизме, он утверждает, что может видеть магнитное поле. Это правда? — И он гневно показал на меня пальцем. — Значит, Вы, великий лама, можете видеть это таинственное поле? — спросил он и язвительно добавил: — Если это так, то вы будете первым из людей, кому это под силу!

Я встал. — Это правда, distinguished лектор. Я ясно вижу поле вокруг куска железа, — ответил я. — Я могу также видеть свет вокруг тех проводов.

Он снова схватил свой деревянный молоток и громко застучал им по столу.

— Вы лжете! — вскричал он. — Никто не может этого видеть. Но если вы так умны, пожалуйста, выйдите к доске и нарисуйте мне все, что вы видите. Пусть все посмотрят на эту чушь!

Я терпеливо вздохнул, взял со стола магнит, подошел к доске и вынул из ящичка мел. Магнит я приложил в доске, обвел его, а затем нарисовал вокруг точные очертания голубоватого света, который окружал магнит. Я нарисовал также более мелкие детали поля в местах излома линий вблизи магнита. Мне это не составило труда, потому что я отчетливо видел эти светящиеся линии. Я родился с этим даром, а впоследствии развил его с помощью особой операции.

Когда я закончил рисовать, в аудитории стояла мертвая тишина. Я повернулся к преподавателю. Он смотрел на меня выпученными глазами.

— Вы изучали это раньше! — заявил он. — Это притворство!

— Distinguished лектор, — ответил я, — до этого дня я не видел ни одного магнита.

— Я не знаю, как вам удалось правильно нарисовать это поле, — сказал он. — Я уверен, что это хитро подстроено вами, ведь в Тибете учатся только обманывать. Пока я не могу вам сказать, как вы это сделали.

Он взял из моих рук магнит, накрыл его тонким листом бумаги, а затем посыпал ее сверху железными опилками. Затем он пальцем легонько постучал по бумаге, и опилки выстроились в точно такие же линии, какие я нарисовал на доске. Он пристально посмотрел на них, затем на доску, а затем снова на опилки.

— Все равно я не верю тебе, человек из Тибета, — сказал он. — Я считаю, что это все подстроено.

Он устало сел и подпер голову ладонями. Затем он неистово подпрыгнул и замахал передо мной руками.

— Вы! — закричал он. — Вы утверждаете, что можете видеть магнитное поле. Вы сказали также: “Я вижу свет вокруг тех проводов”.

— Да, это так, — сказал я. — Я действительно его вижу. Это несложно.

— Прекрасно! — заорал он. — Теперь я докажу вам, что это не так, что вы меня обманываете!

Он так стремительно бросился в другой конец аудитории, что его стул перевернулся и упал. Он нагнулся и, крича, принес к столу железный ящик, из крышки которого торчали провода. Он поставил его на стол передо мной.

— Вот это, — сказал он, — очень интересный ящик, который называется генератором высоких частот. Если вы сможете нарисовать мне поле, которое существует вокруг этого ящика, я вам поверю. А теперь приступайте, рисуйте поле. — В его взгляде было написано: “Ну, теперь посмотрим!”

— Хорошо, мне это несложно сделать, — сказал я. — Давайте перенесем его поближе к доске, а то мне придется рисовать по памяти.

Он поднял один конец стола, я — другой, и мы вместе переместили его так, что он оказался рядом с доской. Я взял мел и повернулся к доске.

— О, теперь его уже нет, — сказал я. Я удивленно посмотрел на провода, которые не были теперь окружены полем. Я повернулся к лектору и заметил, что его рука касается переключателя. Он перед этим выключил ток. Когда я сказал ему, что поля больше нет, он озадачено уставился на меня.

— Значит, — сказал он, — вы действительно можете видеть его! Что ж, забавно, забавно...

Затем он снова включил ток и сказал:

— А теперь отвернитесь и говорите, когда я включаю, а когда выключаю.

Я отвернулся и говорил ему:

— Есть, нет, снова есть, снова нет.

В конце концов он выключил генератор и продолжал неподвижно сидеть на стуле как человек, который засомневался в том, во что всегда верил.

— Сегодня занятие отменяется, — сказал он отрывисто, А затем, повернувшись ко мне, добавил: — А вы останьтесь. Я хочу поговорить с вами наедине.

Все студенты недовольно бормотали. Они пришли на занятие, которое казалось им очень интересным, и вот теперь их выгоняли ни с чем. Однако они не могли ничего поделать: слово преподавателя — закон. А преподаватель не собирался изменять свое решение. Он даже сам вытолкнул нескольких медлительных студентов за дверь.

— А теперь расскажите мне об этом, — сказал он, закрывая дверь. — Как вам удалось столь ловко разыграть меня?

— Я вас не разыгрывал, — ответил я. — Это одна из моих врожденных способностей, которая была развита с помощью специальной операции. Я могу видеть ауры людей, и вашу тоже. Сейчас по вашей ауре я вижу, что вы не желаете мне верить. Вы не можете понять, как может человек обладать способностью, которой у вас нет. Вы любыми средствами хотите доказать себе, что я лгу.

— Нет, — сказал он. — Я не хочу доказывать, что вы лжете. Я хочу доказать, что мое образование и знания говорят правду. Если же вы можете видеть ауру, это означает, что все мои знания неправильны.

— Вовсе не так, — ответил я. — Я считаю, что ваши знания подтверждают существование аур, потому что сведения по электричеству, которые я уже успел получить в колледже, наводят меня на мысль, что каждый человек наделен электрической энергией.

— Какая чушь! Что за бред! — закричал он, вскакивая со стула. — Идемте со мной к ректору. Я вас выведу на чистую воду!

Доктор Ли сидел за столом, просматривая какие-то деловые бумаги. Когда мы вошли, он спокойно поднял голову и посмотрел на нас поверх очков. Затем он снял их, чтобы лучше нас видеть.

— Дistinguished ректор, — завопил преподаватель, — этот человек, студент из Тибета, утверждает, что может видеть ауры, которые есть у каждого из нас. Он пытается убедить меня в том, что знает больше, чем я, профессор электричества и магнетизма.

Доктор Ли спокойным жестом пригласил нас сесть и сказал:

— Ну, и в чем же дело? Лобсанг Рампа может видеть ауру. Я это знаю. На что вы жалуетесь?

У преподавателя от изумления открылся рот.

— Но, достопочтенный ректор, — воскликнул он, — неужели и вы верите в эту бессмыслицу, это шарлатанство, эту ложь?!

— Верю, и притом убежден, что аура существует, — сказал доктор Ли. — Ведь этот человек — выходец из самых достойных людей Тибета, и его рекомендовали мне не менее достойные люди.

По Чу выглядел как оплеванный. Доктор Ли повернулся ко мне и сказал:

— Лобсанг Рампа, я прошу вас рассказать об ауре своими словами. Объясните, будто мы ничего не знаем. Изложите нам суть дела так, чтобы мы поняли и по возможности сделали полезные выводы на основе вашего сообщения.

Что же, такой подход мне нравился. Доктор Ли был мне очень симпатичен. Было приятно наблюдать, как он ведет разговор.

— Доктор Ли, дело в том, что я от рождения наделен способностью *видеть* людей такими, какие они есть, — начал я. — Они окружены аурой, которая дает возможность судить о самой мимолетной их мысли, о состоянии их здоровья, а также о психическом и духовном состоянии. Эта аура представляет собой свечение человеческого духа. В детстве мне казалось, что все обладают подобным *видением* ауры, но вскоре я понял, что это не так. Затем в возрасте семи лет, как вы знаете, я поселился в ламаистском монастыре, где прошел особый курс подготовки. В этом монастыре мне сделали специальную операцию, которая дала мне возможность видеть ауру еще отчетливее, чем до этого. С тех пор я обладаю некоторыми неординарными способностями. В доисторические времена, как вы знаете, у человека был открыт третий *глаз*, — продолжал я. — По собственной глупости в наши дни человек потерял дар этого *видения*. Моя подготовка в монастыре Лхасы имела своей целью возвращение этой способности.

Я посмотрел на своих слушателей и понял, что они прекрасно понимали меня.

— Доктор Ли, — продолжал я, — человеческое тело прежде всего окружено слоем голубого свечения, толщина которого составляет от одного до двух дюймов. Этот слой окружает и защищает все тело человека. Он представляет собой то, что называется эфирным телом — самым низшим из энергетических тел человека. Оно выполняет роль связующего звена между физическим и астральным мирами. Яркость этого голубого свечения может меняться в соответствии со здоровьем человека. Кроме того, за пределами физического и эфирного тела есть *аура*. Ее размеры могут меняться в широких пределах в зависимости от стадии духовного развития человека, его образования и убеждений. Ваша аура простирается вокруг вас на расстояние, равное росту человека, — сказал я ректору. — По ней можно сказать, что это аура развитого человека. Каков бы ни был размер человеческой ауры, она состоит из разноцветных вьющихся энергетических волокон. Их цвета напоминают облака, плывущие по небу на закате. Они меняются в зависимости от того, о чем думает человек. Кроме того, человеческое тело имеет несколько зон, каждую из которых окружают энергетические волокна определенного цвета. Вчера, — сказал я, — когда я работал в библиотеке, мне на глаза попала книга с фотографиями, посвященная одной из западных религий. В ней были изображения людей с аурой вокруг головы. До сих пор я всегда считал, что западные люди менее развиты в этом смысле по сравнению с восточными. Однако эти картины свидетельствуют о том, что они тоже видят ауру, хотя и не так, как мы. На этих картинах, — продолжал я, — изображена аура только вокруг головы. Я же вижу ее вокруг всего тела, вокруг рук, ног и даже пальцев. Я так видел сколько себя помню.

Ректор повернулся к По Чу. — Приблизительно так я себе это представлял и раньше. Я знал, что Рампа наделен этой способностью. Он пользуется ею на благо тибетских лидеров. Он для того и обучается сейчас здесь у нас, чтобы впоследствии участвовать в создании прибора, который, как предполагается, сможет сослужить службу человечеству. Этот прибор поможет безошибочно ставить диагнозы и лечить болезни. Что вас вынудило прийти сюда? — спросил он у преподавателя.

Тот призадумался, а затем ответил:

— Мы только приступили к изучению магнетизма, и прежде чем я успел что-либо рассказать о магнитных полях, этот человек заявил, что может видеть эти поля в пространстве вокруг магнита. Я знал, что этого не может быть, и поэтому попросил его нарисовать на доске то, что он видит. К моему удивлению, — продолжал он, — он правильно изобразил на доске магнитное поле. Кроме того, он мог нарисовать поле, которое существует в пространстве вокруг генератора высоких частот. Когда же я выключил генератор, он сказал, что поле исчезло. Я был уверен, что меня дурачат. — И он вызывающе посмотрел на ректора.

— Нет, это не было хитростью с его стороны, — сказал доктор Ли. — Это не было уловкой. Я знаю, что он говорил правду. Несколько лет назад я встречался с его наставником, ламой Мингьяром Дондупом, одним из самых образованных людей Тибета. Тогда он добровольно согласился принять участие в нескольких экспериментах, которые я на правах старого друга провел с ним. Результат этих экспериментов убедил меня, что он может делать то же самое, что и Лобсанг Рампа. В составе особой группы исследователей я глубоко изучал эти способности. Однако, к несчастью, предрассудки, зависть и консерватизм взглядов современных ученых не дали нам возможности опубликовать результаты своих изысканий. Я до сих пор очень сожалею об этом.

Некоторое время мы молчали. Я думал, что со стороны ректора было очень мило поддержать меня своей убежденностью. Преподаватель выглядел очень мрачно, словно на него неожиданно свалилась какая-то неприятность.

— Если вы обладаете такими способностями, зачем вам изучать медицину? — спросил он.

— Я изучаю медицину и западную науку для того, — отвечал я, — чтобы трудиться над созданием приспособления, подобного тому, которое я видел во время экспедиции в горы Тянь-Шаня.

— Да, я знаю, что вы были одним из членов этой экспедиции, — перебил меня ректор. — Расскажите нам, пожалуйста, больше об этом приборе.

— Не так давно небольшая группа людей, — сказал я, — по инициативе Далай-Ламы отправилась в одну безлюдную долину в горах Тянь-Шань. Там мы нашли город, который был построен в доисторический период исчезнувшей цивилизацией. Этот город был заморожен в большой ледник. Однако в более теплой части долины, где ледник растаял, дома и все, что в них находилось, были доступны для осмотра и исследованы. В одном доме мы обнаружили прибор в виде небольшого ящичка, с помощью которого можно было наблюдать человеческую ауру. По этой ауре, ее цвету и общему виду можно было судить о состоянии здоровья человека. Более того, с помощью этого прибора можно было выявлять то, что не было доступно объективным наблюдениям, потому что болезнь отражается на ауре даже в инкубационный период, когда она еще не проявилась в теле. Так, например, о наличии в организме возбудителей обычной простуды можно судить задолго до того, как они дадут о себе знать в теле привычным образом. Болезнь вылечить намного легче, если знать о ее приближении на самых ранних стадиях. Таким образом, есть возможность вылечить ее еще до появления симптомов.

— Это все чрезвычайно интересно, — сказал ректор, одобрительно кивая головой.

— Я приблизительно представляю себе современный вариант этого древнего прибора. Мне бы хотелось работать над его созданием. С помощью этого прибора даже врач или хирург, не обладающий даром ясновидения, сможет наблюдать разноцветную ауру больного и получать тем самым информацию о протекании болезни. Тогда с помощью специальных пособий, в которых содержатся данные об аурах, можно будет без труда отслеживать все нежелательные процессы, протекающие в организме человека.

— Но вы опоздали, — сказал лектор. — Ведь уже существует рентгеновский аппарат!

— Рентгеновский аппарат? — переспросил доктор Ли. — Да ведь он бесполезен в данном случае, коллега. Он дает возможность увидеть только серые тени костей. Лобсанг

Рампа не интересуется формой костей. Ему нужно знать, как по телу циркулирует жизненная энергия. Я прекрасно понимаю, что он имеет в виду, и уверен, что больше всего трудностей у него возникнет с преодолением профессиональных предрассудков и консерватизма медиков. — Он снова повернулся ко мне. — Скажите, можно ли лечить с помощью этого аппарата душевные расстройства?

— Многоуважаемый директор, — сказал я, — если у человека наблюдается раздвоение личности, это незамедлительно отразится на его ауре, которая в данном случае будет двоиться. Я предполагаю, что психические расстройства можно будет лечить с помощью специального приспособления, которое даст возможность соединять эти ауры — возможно, с помощью высокочастотных электрических колебаний.

Сейчас, описывая все это для людей Запада, я обнаруживаю, что подобные возможности вызывают у людей повышенный интерес. Многие выдающиеся медики прислушались к моим словам, однако в разговорах со мной все они просили меня не упоминать их имена, потому что это повредит их репутации!

Возможно, следующие несколько замечаний покажутся кому-то интересными. Наблюдали ли вы когда-нибудь за высоковольтными проводами в тумане? Если да, то вы, наверное, видели, особенно в горных районах, корону, окружающую провод. Она представляет собой тусклый нимб мерцающего света. Если у вас достаточно хорошее зрение, вы увидите, как он мерцает, то затухая, то разгораясь в соответствии с тем, как в проводе колеблется сила тока. Человеческая аура очень похожа на эту корону.

Когда-то в древности наши прапрадеды, очевидно, видели ауры, потому что на старинных картинах святые изображены с нимбами вокруг головы. Эти световые гало на картинах едва ли можно приписать фантазии художников, потому что теперь мы уже знаем, что вокруг головы действительно есть электрическое поле. Современная наука уже измерила электромагнитные волны, которые порождаются в мозге и теле человека.

Несколько лет назад в одном из самых знаменитых госпиталей мира проводились исследования рентгеновской аппаратуры. Исследователи обнаружили, что иногда им удается сфотографировать человеческую ауру, однако они не понимали тогда, что это такое. Результаты их исследований никого не заинтересовали, потому что они пытались сфотографировать кости, а не разноцветные полосы вокруг тела. Так и случилось, что они смотрели на ауру на снимках как на нежелательную помеху. К несчастью, все, что имело отношение к изображениям аур, было положено на полку. Ученые продолжали изучать возможности рентгеновских снимков, которые, по моему скромному мнению, только заводят исследования в тупик.

Я полностью убежден, что стоит лишь ученым и врачам провести некоторый объем исследований в этом направлении — и они получат необычайно эффективное средство для лечения больных. Мне сейчас видится — как виделся еще много лет назад — специальный аппарат, который каждый врач сможет носить у себя в кармане. В любое время он сможет вынуть его и взглянуть с его помощью на пациента во многом подобно тому, как любители смотрят на солнце через кусок задымленного стекла. С помощью этого устройства он сможет видеть ауру больного, по цветам энергетических линий и по нерегулярности очертаний которой он сможет точно узнать, что беспокоит пациента. Однако это еще не самое главное, ведь важно знать, как лечить больного в том или ином случае. Лечение станет возможным, когда в дополнение к задуманному мной прибору врач сможет пользоваться специальными средствами воздействия на ауру, подобные тем, которые я предложил применять в случае душевных расстройств.

ГЛАВА 4 ПОЛЁТ.

Был теплый и безветренный летний вечер. Облака над скалистыми холмами, по которым мы прогуливались, висели на высоте, должно быть, футов двести. Эти сверкающие белые очертания напомнили мне о Тибете. Фантастическая форма некоторых

облаков вызвала в памяти образы далеких горных массивов. Мы с Хуангом много часов занимались вскрытием трупов. Это было нелегко, потому что мы работали с залежалыми телами, запах которых был невыносим. Вонь разлагающихся органических тканей, запах антисептика и другие ароматы анатомического отделения прямо-таки измотали нас. Я постоянно спрашивал себя, зачем мне уезжать так далеко из тех мест, где чисты и воздух, и намерения людей.

Закончив занятия, мы помылись и отправились пройтись по холмам. Что может быть лучше, думал я, чем прогулка вечером по столь красивым местам? Мы видели не только великолепную панораму природы: подходя к обрыву, мы могли разглядывать деловито проплывающие по реке суда. У подножия холма работали портовые грузчики, вечно несущие на шестах, перекину через плечи, корзины с грузом, вес которого был не меньше девяноста фунтов. Корзина сама по себе весила пять фунтов, поэтому каждый грузчик от зари до зари таскал на себе не меньше ста девяноста фунтов. Их жизнь была беспросветной. Они работали до самой смерти, а умирали очень рано. Они работали на износ, как тягловые лошади, и обращались с ними хуже, чем с дикими зверями. Нередко, отработав своё они умирали, но продолжали служить людям. Так происходило, когда они попадали к нам в подвал, где будущие врачи и хирурги резали их тела, приобретая навыки для работы с живыми людьми.

Когда мы отошли от края скалистого холма, на нас подул легкий ветерок, несущий сладкий запах деревьев и цветов. Прямо перед нами находилась небольшая рощица, и мы слегка изменили направление своей прогулки, чтобы войти в нее. Пройдя несколько ярдов, мы замерли, почувствовав какое-то странное неудобство, какое-то напряжение, необъяснимо мешающее нам. Мы вопросительно переглянулись, не понимая, что это такое.

— Это не может быть гром, — с сомнением в голосе произнес Хуанг.

— Конечно, — отметил я, — Это ничто очень странное, полностью новое для вас.

Мы замерли в нерешительности, слегка повернув голову для того, чтобы лучше слышать. Оглянувшись вокруг себя, посмотрев на землю и на деревья, мы *подняли* глаза к небу. Именно оттуда доносился звук. Это было монотонное урчание “брам-брам-брам”, которое становилось все отчетливее, отрывистее и громче. Посмотрев вверх, мы заметили, как промежуток между облаками пересек большой темный летательный аппарат с крыльями. Едва появившись, он сразу же скрылся за другим облаком.

— Вот это да! — воскликнул я. — Одно из небесных божеств снизошло для того, чтобы унести нас с собой ввысь!

Мы не знали что делать, и поэтому стояли и ждали, что будет дальше. Звук усилился и стал подобен грому. Такого звука ни один из нас раньше не слышал.

Затем перед нашими изумленными взорами из облака неожиданно возникла странная машина. Казалось, облако совсем не является для нее препятствием. Теряя высоту, она с ужасающим ревом и свистом пронеслась как пуля прямо над нашими головами и скрылась из виду за краем холма.

Затем наступила полная тишина. Мы были ошеломлены и испуганно переглянулись. Единодушно повинувшись какому-то импульсу, мы повернулись и побежали к кромке скалы, чтобы посмотреть, что случилось дальше с удивительной штуковиной, которая с ревом упала с неба. На краю пропасти мы распластались на земле и посмотрели вниз на сверкающую под солнцем реку.

Дивный крылатый монстр стоял неподвижно на полоске земли, которая тянулась вдоль реки. Присмотревшись, мы заметили, что он чихает, изрыгая из отверстия языка пламени и клубы черного дыма. От удивления мы побледнели и чуть было не свалились в пропасть. Но это было еще не самое странное. К нашему величайшему изумлению, этот дьявольский аппарат раскрылся, и оттуда вышли два человека. Тогда мне показалось, что это самое странное из всего, что я когда-либо видел. Внезапно мы поняли, что теряем время, сидя на вершине холма. Вскочив на ноги, мы что есть мочи пустились бежать по

извилистой тропинке вниз. Оказавшись на ступенчатых улочках, мы неслись во весь дух в направлении реки, где приземлился этот дивный объект. Нам так не терпелось добраться туда, что на своем пути мы не замечали ни транспорта, ни людей.

Мы подбежали к реке и остановились, разочарованно переминаясь с ноги на ногу. Поблизости не было ни одной лодки, которая могла бы перевезти нас на ту сторону. Все лодчонки сами уплыли туда, чтобы быть поближе к центру событий. Но нет! Одна лодка все же стояла поблизости за камнем. Мы устремились к ней, намереваясь вскочить в нее и переправиться на ту сторону. Однако, подбежав к лодке, мы заметили ветхого старика, который ковылял к ней с охапкой рыбачьих сетей в руках.

— Эй, отец, — кричал Хуанг, — будь добр, переправь нас на ту сторону реки.

— Я не собираюсь туда плыть, — ответил старик. — Хотя... Сколько ты заплатишь? — И он неспешно подошел к лодке и стал раскладывать там свои сети, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Попыхивая старой потрескавшейся трубкой, он выглядел так, словно собирался возиться с сетями до вечера. Нас охватило нетерпение.

— Ну, дедушка, сколько ты хочешь?

Старик назвал фантастическую сумму, за которую, как мне показалось, мы могли купить у него старую прогнившую лодку с сетями в придачу. Но нас охватило такое жгучее желание переправиться на другую сторону реки, что мы могли, казалось, пожертвовать для этого всем. Хуанг стал с ним торговаться.

— Давай дадим ему половину того, что он просит, и пусть везет нас поскорее.

Услышав мои слова, старик подскочил на месте, ведь мы платили ему раз в десять больше, чем он надеялся из нас выудить. На большее надеяться он не мог, и мы прыгнули в его лодку.

— Потихе, потихе, молодые люди, — промямлил он, — вы разломаете мне лодку.

— Успокойся, дедуля, — ответил Хуанг, — и поторапливайся, ведь скоро вечер.

Старик лениво взялся за шест, недовольно ворча и побряхтывая от ревматических болей. Затем он оттолкнул лодку от берега. Мы не могли успокоиться, мысленно подталкивая лодку вперед, однако ничто не могло смутить спокойствия старика. В фарватере мы попали в водоворот, закруживший нас. Однако старик вскоре совладал с течением, и мы поплыли дальше в сторону другого берега. Для того, чтобы хоть как-то отвлечься и сэкономить время, я отсчитал деньги и протянул их старику. Мне понравилось, с какой быстротой он взял их из моих рук. Не дожидаясь, пока старик причалит, мы выпрыгнули за борт и по колено в воде побежали к берегу.

Скоро мы стояли рядом с той удивительной, невероятной машиной, которая опустилась с небес и принесла в себе человека. При мысли о том, что мы осмелились так близко подойти к ней, нас охватывал благоговейный трепет. Здесь уже собралось много зевак, но все они держались от нее на почтительном расстоянии. Мы же подошли прямо к ней, залезли под нее и принялись ощупывать руками резиновые шины колес. Мы заглянули в кабину и увидели, что там нет обычного руля. Вместо него в кабине торчали железные палки с ручками и крюки с подошвами на конце.

— Это, должно быть, тормоза, — заметил я. — Они нужны для того, чтобы замедлять движение при посадке. Нечто подобное было в тех больших воздушных змеях, на которых я летал в Тибете.

Мы робко ощупывали пальцами обшивку машины. То, что мы обнаружили, казалось нам невероятным: это была особым образом окрашенная ткань, натянутая на деревянный каркас. И тут случилось нечто чрезвычайно любопытное. Где-то в середине промежутка между крыльями и хвостом внезапно открылась дверь, и мы обмерли, увидев, что оттуда появился человек.

— Да-а-а, — сказал он, — видать, вы не на шутку заинтересовались этой машиной.

— Вы правы, — ответил я. — Я уже летал когда-то в Тибете на беззвучных аппаратах, похожих на этот. Он посмотрел на меня широко открытыми глазами.

— Ты сказал — в Тибете? — переспросил он.

— Да, — ответил я.

— Мой друг — живой будда, тибетский лама, обучающийся в Чунцине, — объяснил Хуанг. — Он когда-то летал на воздушных змеях, которые могут поднимать в небо человека.

Тот, кто появился из чрева летательного аппарата, казалось, заинтересовался.

— Забавно, — сказал он. — Не пожалуете ли внутрь, где можно будет посидеть и потолковать?

С этими словами он повернулся и поманил нас за собой.

Что ж, подумал я, видал я в жизни и не такое. Если этот человек может входить в это чудовище и вылезать из него невредимым, почему я тоже не могу этого сделать? Поэтому я последовал за ним, а Хуанг — за мной. Я видел когда-то еще больший летательный аппарат, на котором небесные божества прилетали в этот мир. Однако он был устроен по-другому и не выглядел таким страшным, потому что летал и приземлялся беззвучно, а не так, как этот монстр, — с ревом, свистом и грохотом.

Внутри были сидения, и притом, следует отметить, довольно удобные. Мы сели. Наш новый знакомый задал мне много вопросов о Тибете, большинство из которых мне показались очень глупыми. Тибет мне всегда представлялся таким привычным и обыденным, а вот эта машина, внутри которой он сидел и расспрашивал меня о чудесах, — она-то и была настоящим чудом. В конце концов нам удалось, приложив немало усилий, получить некоторые сведения о том, что нас заинтересовало.

Оказалось, что эта машина называется аэропланом — летательным аппаратом, оснащенным двигателями, которые поднимают его в небо. Именно эти моторы наделали столько шума, когда аэроплан пролетал над нами, сказал этот человек. Сам аэроплан был сделан в Америке и куплен китайской фирмой в Шанхае, которая намеревалась открыть воздушное сообщение между Шанхаем и Чунцином. Три человека, с которыми мы в этот вечер познакомились, были пилот, штурман и инженер, осуществлявшие пробный полет. Наш знакомый оказался пилотом.

— Мы прилетели для того, — объяснил он, — чтобы продемонстрировать состоятельным людям возможности летательной техники. Если нам это удастся, они будут финансировать наше начинание.

Мы понимающе кивнули в ответ и сказали, что было бы замечательно, если бы им удалось прокатить нескольких знаменитостей, которые потом восторженно рассказывали бы об этом другим.

— Ну вот ты, например, разве не знаменитость из Тибета? — спросил пилот. — Как насчет того, чтобы прокатиться вместе с нами?

— О, какое счастье! — радостно воскликнул я. — Хоть сию минуту!

Пилот кивнул Хуангу, намекая, что он должен остаться на земле.

— Нет, нет, — запротестовал я. — Если летит один из нас, должен лететь и другой.

Таким образом, Хуангу разрешили лететь с нами (о чем он впоследствии сильно пожалел!). Пилот подал знак своим товарищам, которые долго махали руками собравшимся людям. Затем они подошли к носу аэроплана. Вскоре оттуда донесся резкий громкий звук, после чего пилот некоторое время возился в кабине. И вдруг поднялся страшный гул, и все вокруг начало ужасно трястись. Из последних сил мы цеплялись за то, что попадалось под руку, думая, что случилась какая-то авария, и аэроплан вот-вот развалится на куски.

— Держитесь хорошенько! — крикнул нам пилот, но он с таким же успехом мог и промолчать, потому что мы и без того что было мочи уцепились за сидения. — Мы вырисуемся на взлет!

Аэроплан некоторое время качался и подпрыгивал на кочках. Мне было намного неприятнее, чем в тот день, когда я впервые поднялся в небо на воздушном змее. Ведь теперь, кроме толчков, был еще рев, самый оглушительный рев, который только можно себе вообразить. Затем самолет швырнуло так сильно, что голова у меня чуть было не

оторвалась от тела. Однако после этого толчки прекратились, и я почувствовал, что меня сильно прижимает к сиденью и спинке кресла. Я заставил себя выглянуть в окошко, находившееся рядом со мной. Мы летели по воздуху, набирая высоту.

Под нами оказалась река. Она вытянулась по земле серебристой нитью, которая в одном месте разделялась на две. Мы видели под собой речные суда и лодки, которые с этой высоты выглядели игрушечными корабликами, вырезанными из дерева.

Затем мы посмотрели на Чунцин, на его улицы, по ступеням которых нам так часто приходилось взбираться вверх. С высоты птичьего полета они казались совсем плоскими, и лишь поля-террасы, которые льнули со всех сторон к холмам, были похожими на ступени. Мы видели, как на них, совсем не обращая на нас внимания, работают крестьяне.

Внезапно нас со всех сторон окутала белизна, и из окошка больше ничего не было видно. Даже рев двигателей казался теперь приглушенным. Мы летели внутри облака. В течение нескольких минут панорама за окошком то открывалась нашему взору, то опять сменялась молочной белизной. Затем мы поднялись над облаками, и сверху было лишь ослепительное солнце и голубое небо. Внизу теперь простирались ярко освещенные снежные вершины, белизна которых слепила глаза. Мы поднимались все выше и выше. Вдруг до меня донесся голос пилота:

— Ты ни разу в жизни не поднимался на такую высоту, — сказал он. — Мы сейчас летим намного выше, чем ты когда-либо бывал.

— Это не так, — ответил я. — Ведь когда я летал на воздушном змее, я стартовал с высоты семнадцать тысяч футов над уровнем моря.

Мои слова удивили его. Он выглянул в боковое окно, а затем сделал так, что одно крыло самолета ушло вверх, а сам он начал пикировать вниз. Лицо Хуанга стало мертвенно-бледным, и тут с ним начало происходить то, о чем лучше не писать. Он выпал из своего сиденья и распластался на полу аэроплана. Смотреть на него было очень неприятно, ведь в этот день ему пришлось очень нелегко. Я-то привык к головокружительным полетам, от которых теперь получал лишь утонченное удовольствие. Но это не распространялось на Хуанга, которому было не по себе. К моменту приземления он представлял собой трепещущую массу, которая иногда тяжело стонала. Да, Хуанг явно не был рожден летать!

Перед посадкой пилот выключил моторы, и мы некоторое время беззвучно плыли по небу, опускаясь все ниже и ниже. До нас доносились лишь свист ветра и хлопанье обшивки за бортом — единственное напоминание о том, что мы находимся внутри построенного людьми летательного аппарата. Когда мы приблизились к земле, пилот неожиданно для меня снова запустил моторы, и наши уши опять заложило от оглушительного рева двигателей мощностью в несколько сотен лошадиных сил.

Описав в воздухе большой круг, мы приземлились. Снова удар о землю и скрежет тормозных колодок. Самолет прокатился некоторое расстояние по земле и замер. Пилот заглушил моторы, и мы с ним поднялись, чтобы выйти из аэроплана. Бедняга Хуанг не мог стоять на ногах. Нам пришлось взять его под руки, вывести из самолета и положить на земле.

Боюсь, что многим я покажусь бессердечным. Хуанг лежал лицом вниз на длинной песчаной отмели, которая находилась в середине реки шириной в одну милю. Он лежал ничком и издавал нечленораздельные звуки. Я же был рад, что он не может встать, потому что это давало мне хороший повод задержаться на некоторое время возле аэроплана и поговорить с пилотом.

Разговор действительно оказался интересным. Однако, к несчастью для меня, его больше всего интересовал Тибет. Есть ли там на что смотреть с воздуха? Есть ли там места, где можно посадить самолет? А как насчет того, чтобы доставлять туда войска, выбрасывая десантников с парашютами? И хотя я не имел ни малейшего представления о том, что такое парашют, на последний вопрос я на всякий случай не задумываясь ответил “Нет!”.

Наконец мы с пилотом договорились. Я буду рассказывать ему о Тибете, если он будет рассказывать мне о летательной технике.

— Ты меня многим обяжешь, если встретишься с моими друзьями, которые тоже очень интересуются тайнами Тибета.

Но если задуматься, зачем мне было встречаться с этими людьми? Я был всего лишь студентом колледжа, который желает научиться летать по воздуху. Пилота же, кроме общественных порядков в Тибете, ничто не интересовало. В Тибете я был одним из немногих людей, которые поднимались в воздух на змеях. Я парил высоко над горами в невероятной тишине и чувствовал себя при этом удивительно хорошо. Но при этом змей всегда был привязан к земле, и я мог всего лишь подниматься в воздух, а не летать над землей, как пилот на аэроплане. Летая на змее, я был привязан, как як к пастбищу. Поэтому мне хотелось как можно больше узнать об удивительной машине, которая могла унести меня, как мечта, куда угодно, в любую страну мира. А пилота интересовали лишь мои рассказы о Тибете!

Некоторое время мы не могли прийти к соглашению. Мы сидели друг перед другом, тогда как несчастный Хуанг стонал рядом, забытый нами. В конце концов мы договорились. Я согласился встретиться с его друзьями и рассказать им кое-что о тайнах Тибета. Я пообещал прочесть им несколько лекций на эту тему. Пилот, в свою очередь, обязался летать со мной на самолете и объяснять, как работает эта машина.

Сначала он водил меня вокруг аэроплана, показывал разные его части и объяснял, зачем они нужны. Я узнал, где находятся закрылки, рули управления, рули высоты — все детали. Затем мы забрались в кабину и сели рядом, плечо к плечу. Перед нами находились штурвал в виде полудуги, которую можно было вращать, и рычаг управления, который можно было толкать вперед и возвращать в исходное положение. Он объяснил мне, как движение рычага приводит в действие механизм, который заставляет самолет уходить носом вниз или вверх. Он указал на различные кнопки и переключатели. Затем он включил моторы, и я увидел, как стрелки приборов на панели управления пришли в движение. Он объяснил, как показания приборов зависят от количества оборотов в секунду того или иного двигателя. Мы просидели в кабине довольно долго, и он хорошо выполнял обещанное: понятно рассказал мне обо всем. Затем, заглушив двигатели, мы вылезли из кабины и пилот снял обтекатель для того, чтобы показать мне, как устроены моторы, где находятся карбюраторы, свечи зажигания и многие другие детали.

В этот вечер я, как и обещал, встретился с его друзьями. Все они, разумеется, были китайцами и имели какое-то отношение к армии. Один из них сказал мне, что лично хорошо знает Чан Кай Ши и что генералиссимус делает все от него зависящее для того, чтобы повысить технический уровень армии. Он, согласно словам моего слушателя, всячески старается улучшить условия службы. Мне сказали также, что через несколько дней еще один или два меньших самолета прилетят в Чунцин. Все эти самолеты, как мне объяснили, были куплены в Америке. Узнав об этом, я не мог отделаться от желания пролететь хоть раз самому. Но как мне добиться этого? Как мне научиться управлять аэропланом в полете? Как мне научиться летать?

Через несколько дней, мы с Хуангом выходили из госпиталя. И тут на фоне облаков, тяжело нависающих у нас над головами, откуда ни возьмись, появились два серебристых одноместных истребителя, прилет которых из Шанхая был тогда обещан мне. Они сделали круг над городом, а затем еще один. Потом они, двигаясь в едином строю, одновременно ушли носом вниз, словно зная, где им нужно приземлиться. Мы не теряли больше времени и тут же направились к песчаной взлетно-посадочной полосе. Там мы встретили двух китайских пилотов, которые стояли рядом со своими машинами и деловито стирали с лобовых стекол капли влаги, образовавшиеся на них после полета через облака. Мы с Хуангом подошли к ним и напомнили о себе начальнику группы, капитану По Ку. А Хуанг между тем недвусмысленно дал мне понять, что ни за что на

свете больше не поднимется в воздух снова. Он сказал, что чуть было не умер во время своего первого — и последнего — полета.

— О да, мне о вас рассказывали, — сказал капитан По Ку. — Я даже думал о том, как мне встретиться с вами.

Это мне очень польстило. Мы с ним некоторое время поговорили. Он рассказал мне, чем отличается его машина от того пассажирского самолета, который мы уже видели. Это, как он напомнил нам, был одноместный одномоторный аэроплан, тогда как тот был многоместным трехмоторным. К сожалению, у нас тогда не было времени для того, чтобы слишком долго разговаривать с ними потому что нас ждали занятия в колледже. Лишь большим усилием воли мы заставили себя проститься и направиться обратно в город.

На следующий день у нас было целых полдня свободно, и поэтому мы отправились к самолетам как можно раньше. Я спросил у капитана, когда он выполнит свое обещание и научит меня летать на аэроплане.

— О, я не могу тебя научить, — ответил он. — Ведь я прибыл сюда по приказу Чан Кай Ши. Я уполномочен лишь демонстрировать возможности этих машин.

Однако я еще долго упрашивал его, и поэтому, увидев меня на следующий день, он обратился ко мне со словами:

— Если хочешь, можешь посидеть в машине. Уже этого тебе может оказаться вполне достаточно. Залезай в кабину и подергай рычаги управления. Вот как они работают, смотри.

И он подошел к кабине, показывая, какой рычаг приводит в действие ту или иную часть самолета.

Все работало почти так же, как в трехмоторном самолете, и даже еще проще. В этот вечер, оставив полицейского охранять истребители, летчики отправились с нами в монастырь, который стал нашим домом. И хотя всю дорогу я приставал к ним, мне так и не удалось добиться от них обещания научить меня летать.

— Это все делается не так быстро, как ты думаешь, — предупредил меня капитан. — На то, чтобы научиться летать, уходят месяцы. Никому не удастся научиться управлять самолетом с наскака. Сначала будущий пилот заканчивает специальную летную школу подготовки, затем летает в двухместной машине с инструктором, и лишь потом после многих месяцев настойчивых занятий ему разрешают впервые самому подняться в воздух на таком самолете, как этот.

На следующий день мы с Хуангом снова пересекли реку и оказались возле аэропланов. Шла вторая половина дня, и пилоты сидели в одиночестве возле своих машин, стоящих на некотором расстоянии одна от другой. Очевидно, с самолетом друга По Ку было что-то не в порядке, потому что он снял обтекатель и разложил вокруг себя много инструментов. Сам По Ку тоже ковырялся в моторе. Вероятно, он настраивал его. Несколько раз он заглушал мотор, что-то вертел в нем, а затем снова включал. Мотор работал неравномерно и временами чихал. Пилот, казалось, совсем не замечал нас, стоя на крыле и глядя то в мотор, то в кабину. Вскоре, однако, мотор заработал ровно, тихо — он урчал, словно довольная кошка. Со счастливым видом По Ку выпрямился и вытер руки о промасленную тряпку. Он повернулся к нам и готов был заговорить, когда его спутник настоятельно потребовал, чтобы он поспешил к нему. По Ку собирался было заглушить двигатель, однако его друг нетерпеливо замахал руками, и поэтому он был вынужден тут же спрыгнуть на землю и побежать к нему.

— Вот теперь как раз пришло время, — сказал я, поглядывая на Хуанга. — Разве он не говорил мне, что я могу сидеть в кабине? Вот я и посижу.

— Лобсанг, — тревожно сказал Хуанг, — ты, кажется, задумал совершить безрассудство!

— Никакого безрассудства, — ответил я. — Я могу летать на нем. Я все о нем знаю.

— Одумайся, друг, — взмолился Хуанг, — ты разобьешься!

— Чепуха! — ответил я. — Разве я не летал уже на воздушных змеях? Разве я не поднимался уже в воздух на самолете? Разве у меня на высоте кружилась голова?

Несчастный Хуанг был, вероятно, очень обеспокоен моим намерением, вспоминая, как плачевно закончился его первый полет.

Я посмотрел в сторону другого аэроплана: пилоты были слишком увлечены чем-то, чтобы смотреть по сторонам. Они на коленях стояли на песке и копались в моторе. Очевидно, ничто другое в этот момент их не интересовало. Поблизости, кроме Хуанга, никого не было, и поэтому я решительно шагнул к самолету. Я сделал так же, как делают пилоты: выбил ногой башмаки, препятствовавшие движению машины вперед, и быстро вскочил в кабину. Аэроплан начинал разгоняться. Я знал, как управлять им, потому что перед этим мне несколько раз объяснили работу всех устройств. Я помнил, где находится рычаг газа, и представлял себе, что должен делать.

Я нажал на газ — нажал до упора, причем сделал это так решительно, что едва не вывихнул себе левую кисть. Двигатель заревел на полных оборотах, будто собирался вырваться на свободу. И вот я начал разгон, набирая скорость на взлетной полосе. Вдруг я заметил, что приближаюсь к тому месту, где кончается песчаная отмель и начинается вода. На мгновение меня охватил страх, но затем я вспомнил: тяни рычаг управления на себя. Я сильно потянул его — и вот нос самолета ушел вверх, а колеса оторвались от земли, лишь немного задев воду. Во все стороны полетели брызги, но я уже был в воздухе.

Было ощущение, что огромная тяжелая рука с невероятной силой прижимает меня к сиденью, не давая возможности пошевелиться. Мотор ревел, а я думал: “Я не должен взлетать так быстро. Нужно отпустить немного газ, а то он сейчас развалится на куски!” Поэтому я вернул рычаг назад на четверть его хода, и теперь мотор перестал реветь так надрывно. Я выглянул вниз и был потрясен: белые скалистые холмы Чунцина остались далеко внизу. Я был высоко, очень высоко — так высоко, что едва ли мог точно определить свое местопребывание.

И я продолжал набирать высоту. Что это там далеко внизу, белые холмы Чунцина? Вот это да! Если поднимусь еще выше, я, должно быть, вылечу за пределы этого мира, думал я.

Внезапно самолет швырнуло в сторону, он ужасно затрясся, и я подумал, что он разваливается на куски. Рычаг управления вырвался из моих рук. Меня швырнуло в сторону и ударило о борт самолета, который задрожал, сильно накренился и, вращаясь, начал падать вниз. На мгновение меня охватил ужас.

— Вот и все на этот раз, Лобсанг, мой мальчик! — сказал я себе. — Ты был слишком самонадеянным. Еще несколько секунд, и тебя размажет по тем скалам. О, зачем я вообще покинул Тибет?!

Затем я вспомнил то, что узнал из разговоров с пилотами, и то, что знал из опыта полетов на воздушном змее. Вращение: рычаг управления не работает, и поэтому мне следует дать полный газ с тем, чтобы стабилизировать направление полета. Стоило этой мысли прийти мне в голову, как я сразу же нажал на газ, и мотор снова заревел. Я изо всех сил вцепился в рычаг управления и вернул себя обратно в кресло. Упираясь в рычаг руками и ногами, я толкнул его вперед. Нос самолета резко ушел вниз, и мне показалось, что из мира вывалилось дно.

Я не был привязан ремнями безопасности, и если бы не ухватился мертвой хваткой за рычаг управления, снова вывалился бы из кресла. Мне показалось, что в моих жилах застыл лед, а на спину кто-то сыпанул снега. У меня появилась необычайная слабость в коленях, а мотор ревел все громче и громче. Голова у меня была гладко выбрита, однако, я уверен, что если бы на ней были волосы, они встали бы дыбом, несмотря на сильный поток воздуха.

— Опять я лечу слишком быстро, — сказал я себе и мягко, очень мягко, чтобы снова не сорваться, отпустил газ. Постепенно, до ужаса плавно нос самолета стал подниматься. От радости я забыл выровнять полет. Нос ушел еще дальше вверх, и вдруг

какое-то странное ощущение заставило меня посмотреть вниз (или теперь это уже был верх?). Я обнаружил, что вся земля оказалась у меня над головой!

Некоторое время я не мог понять, что со мной происходит. Затем самолет накренился и снова нырнул вниз так, что земля, весь твердый земной мир, оказалась у меня перед пропеллером. Только что я сделал сальто в воздухе, пролетев вверх ногами, цепляясь руками за все вокруг и вися вниз головой без ремней безопасности и практически без всякой надежды. Признаю, что испугался, но сказал себе:

— Что ж, если я могу сидеть на спине у лошади, я смогу сидеть и в этой машине.

Теперь я дал возможность самолету некоторое время падать носом вниз, а затем потянул рычаг управления на себя. Снова я почувствовал, будто могучая рука давит на меня. Однако в этот раз я тянул за рычаг плавно и все время следил за горизонтом, чтобы выровнять полет, как только самолет вернется в горизонтальное положение. В течение нескольких мгновений после того, как полет стабилизировался, я просто сидел и вытирал пот со своего лица, думая о том, в какую только что попал переделку. Сначала падал вниз, потом летел вверх, затем вверх ногами, и вот теперь не знал, где нахожусь. Выглянув за борт, я стал пристально разглядывать землю. Я все крутил и крутил головой и никак не мог понять, куда залетел. Возможно, это пустыня Гоби*, подумал я. В конце концов, когда я оставил последнюю надежду сориентироваться на местности, мне в голову пришла спасительная идея — посмотреть, где река. Если я найду реку, думал я, тогда я, очевидно, смогу лететь вдоль нее в том или ином направлении и в конце концов куда-нибудь прилечу.

Поэтому я сделал небольшой круг, оглядываясь по сторонам. К счастью, в одном месте на горизонте мне удалось обнаружить едва заметную серебристую полоску. Я повернул самолет и полетел в этом направлении. Затем я добавил газу для того, чтобы добраться туда побыстрее. Скоро, правда, я снова сбросил его, чтобы ничего не случилось, ведь мотор ревел очень громко. Я заметил, что неприятности начинаются только тогда, когда я прибегаю к крайностям. Когда я резко добавлял газу, нос самолета начинал неконтролируемо подниматься, когда же я резко сбрасывал его, он быстро опускался, что очень тревожило меня. Теперь же я понял, что нужно делать все очень мягко. В этой ситуации моя новая стратегия доказала свою правильность.

Долетев до реки, я повернул вдоль нее и отправился на поиски холмов, на которых раскинулся Чунцин. К несчастью, я не мог их обнаружить. Затем я решил спуститься еще ниже. Опускаясь все ниже и ниже, я глядел по сторонам, ища те белые скалистые холмы с лесенками на склонах, которые соответствовали бы полям-террасам. Найти их оказалось очень нелегко. В конце концов мне пришлось в голову, что небольшие пятнышки на поверхности реки вполне могут оказаться речными судами возле Чунцина. Я заметил колесный пароход, грузовые суда и рыбацьи лодки.

Еще больше сбавив высоту, я увидел едва различимую на фоне реки полоску песка. Теперь я кружился над ней, как ястреб в поисках добычи, постепенно теряя высоту. Песчаная отмель становилась все больше и больше. Скоро я заметил на ней трех мужчин, ошеломленно глядящих вверх на меня. Все трое. По Ку, его друг и Хуанг, признались мне впоследствии, что не надеялись увидеть меня живым. Однако теперь я был уверен в своих силах, даже, можно сказать, чрезмерно самоуверен. Поднявшись в воздух, я полетал вверх ногами и снова отыскал Чунцин. Теперь, думал я, во всем мире не сыщешь пилота лучше меня.

Внезапно я почувствовал резкую боль в левой ноге, в том ее месте, где был большой шрам со времен пожара в монастыре. Повинуясь неосознанному импульсу, я потерял это место на ноге. Самолет закачался и суший ураган ударил мне в левую щеку. Нос ушел вниз, крылья начали трястись, а весь самолет стремительно скользнул на крыло. Я снова добавил газу и что было мочи потянул за рычаг управления. Самолет вибрировал, а крылья так трясло, что, казалось, они вот-вот отвалятся! Но каким-то чудом они уцелели.

Самолет стал на дыбы, как необъезженная лошадь, а затем перешел в горизонтальный полет. Мое сердце громко стучало от напряжения и страха.

— Что ж, опять тебе повезло, — сказал я себе. — Теперь тебе осталось посадить его. Как это сделать?

Река здесь была шириной с милю. Мне же казалось, что она не шире нескольких дюймов, а полоска песка, на которую я должен был сесть, была вообще едва заметной. Я описал круг в воздухе, размышляя о том, что мне делать. Я вспомнил, что мне говорили о посадке самолетов. Оглядевшись вокруг, я заметил в одном месте костер и по дыму определил, куда дует ветер. Я знал, что садиться следует против ветра, который в данном случае дул против течения реки. Поэтому я повернулся и пролетел несколько миль вверх против течения реки, а затем направился в обратную сторону, по течению реки и против ветра.

Подлетая к Чунцину, я сбросил газ. Самолет опускался все ниже и ниже. Однако я переусердствовал с уменьшением оборотов двигателя, отчего машина почти остановилась, покачнулась и начала падать вниз, как камень. При этом мне показалось, что мое сердце и желудок остались висеть на облаках. На этот раз я довольно быстро справился с трудностью, добавив газу и оттянув на себя рычаг управления. Однако мне пришлось еще раз зайти на круг, пролетев несколько миль против течения реки, и начать все сначала. Я уже устал от постоянного напряжения и жалел о том, что впутался в эту историю. Одно дело подняться в воздух, думал я, а совсем другое — сесть на землю и притом не разбиться.

Рев мотора стал монотонным. Мне было приятно снова видеть приближающийся Чунцин. Теперь я уже летел на небольшой высоте и продолжал снижаться дальше. Подо мной несла свои воды широкая река, а по ее берегам высились белые скалы, которые в лучах вечернего солнца потемнели и отсвечивали зеленым. Я приближался к такой узенькой песчаной отмели в центре столь широкой реки! Как бы мне хотелось, чтобы эта полоска песка была пошире и подлинней!

На отмели возбужденно прыгали и махали руками три маленькие фигурки. Я принялся наблюдать за ними с таким увлечением, что полностью позабыл о необходимости вести самолет на посадку. Когда же я вспомнил, было уже слишком поздно, и полоска осталась далеко позади хвостового костыля самолета. Мне ничего не оставалось делать, как вздохнуть и снова потянуть за этот опротивевший рычаг газа с тем, чтобы набрать скорость. Затем я снова взялся за рычаг управления и стал поднимать самолет вверх, делая крутой поворот влево. И опять я полетел против течения реки на очередной круг, чувствуя бесконечную усталость. Вид Чунцина с воздуха и вся окружающая панорама казались мне самым противным зрелищем в мире.

И снова я летел против ветра вдоль течения реки. Справа от меня был очаровательный пейзаж. Солнце садилось за горизонт. Оно было красным и очень большим. Оно садилось. Это напомнило мне о том, что я тоже должен как-то сесть на землю. Я подумал, что, возможно, разобьюсь при посадке и погибну, но при этом я чувствовал, что еще не готов присоединиться к богам и что мне еще многое предстоит совершить в этом мире. Это напомнило мне о Пророчестве. Я успокоился, потому что знал теперь, что мне ничто не угрожает. Это Пророчество! Разумеется, я приземлюсь успешно, и все будет хорошо.

Думая обо всем этом, я чуть было не забыл о Чунцине. Он простирался рядом со мной под левым крылом самолета. Я легонько отпустил рычаг газа и убедился, что желтая песчаная полоска лежит прямо по курсу. Я и дальше сбавлял высоту. Самолет медленно снижался. Находясь на высоте десять футов над водой, я отпустил рычаг газа полностью, и мотор заглох. Для того чтобы избежать воспламенения самолета, если я вдруг разобьюсь, я отключил зажигание на панели управления.

Очень, очень медленно я отводил рычаг управления вперед с тем, чтобы самолет опустился еще ниже. Прямо перед собой я увидел окруженную со всех сторон водой

полоску песка и устремился к ней. Потом еще мягче я потянул рычаг управления на себя. Самолет дернуло, толкнуло, а затем он подпрыгнул. И снова рывок, толчок и прыжок, за которым последовал ужасный скрежет. Мне показалось, что все разлетается на куски. Однако скоро все стихло. Самолет стоял на земле. Он сам посадил себя.

Некоторое время я не двигался, все еще с трудом представляя себе, что все закончилось успешно и что рев мотора давно уже стих, а шум раздается лишь у меня в ушах. Я огляделся по сторонам. По Ку, другой пилот и Хуанг с раскрасневшимися лицами подбежали ко мне и замерли возле кабины. По Ку посмотрел на меня, на самолет, а затем снова на меня. Затем он побледнел и облегченно вздохнул. После стольких волнений он не мог даже сердиться.

— Теперь все ясно, — сказал он после длительного молчания. — Тебе придется поступить в армию. В противном случае мне несдобровать.

— По рукам, — ответил я. — Меня это вполне устраивает. Летать на самолете совсем не сложно. Но мне все же хотелось бы научиться летать по всем правилам!

По Ку снова покраснел, а затем засмеялся.

— Ты родился летать, Лобсанг Рампа, — сказал он. — В свое время у тебя будет возможность обучиться всему как следует.

Это был первый мой шаг к тому, чтобы покинуть Чунцин. Как хирург и как пилот я найду себе работу где угодно.

Позже в этот день, когда обсуждали происшедшее, я спросил По Ку, почему, если он так сильно волновался, он не поднялся в воздух на другом самолете, чтобы показать мне в воздухе, как управлять самолетом.

— Я так и сделал бы, но ведь ты улетел со стартером, без которого я не мог завести другой самолет, — ответил он.

Хуанг, разумеется, рассказал эту историю своим друзьям. То же самое сделали По Ку и его друг. В результате через несколько дней все в колледже и госпитале только обо мне и говорили. Это мне очень не нравилось. Доктор Ли официально объявил мне взыскание, а неофициально поздравил меня. Он сказал, что в молодые годы сделал бы то же самое.

— Однако, Рампа, тогда не было самолетов, — продолжал он. — Мы могли лишь ходить пешком или ездить на лошади. Кто бы мог подумать, что этот молодой тибетец окажется таким бесстрашным и удивит старика-ректора так, как его еще никто в жизни не удивлял. Скажи, Лобсанг, как выглядели их ауры, когда ты кружился над ними, а они думали, что ты вот-вот упадешь и разобьешься?

Он весело смеялся, когда я сказал ему, что они были насмерть перепуганы, и поэтому их ауры превратились в компактные бледно-голубые пятна, кое-где испещренные темно-бордовыми полосками.

— Я рад, что в небе не было никого, кто мог бы посмотреть на мою ауру, — добавил я. — Представляю, какой ужасной она была. Я не думал о ней тогда, но чувствовал ее.

Вскоре меня нашел представитель генералиссимуса Чан Кай Ши. Он предложил мне поступить в китайскую армию и начать учиться в летной школе.

— Если японцы не оккупируют нашу страну в ближайшие годы, мы создадим эскадрилью особого назначения, в составе которой будут служить пилоты-врачи. Эти люди смогут вылетать на места катастроф и оперативно помогать пострадавшим на месте события.

Так и получилось, что у меня появилось кроме медицинского колледжа еще одно место учебы. Мне пришлось изучать не только обращение крови, но и обращение горючего в двигателе внутреннего сгорания. Наряду с устройством человеческого тела я познакомился с устройством летательных аппаратов. И то, и другое было мне очень интересно. К тому же эти предметы имели между собой много общего.

Шли годы. Вскоре я стал квалифицированным врачом и опытным пилотом, работая в госпитале, а в свободное время летая на самолетах. Хуанг не разделял моего увлечения авиацией. Его нисколько не интересовали полеты высоко в небе, а одна лишь мысль об аэроплане заставляла его бледнеть. По Ку же стал моим верным другом, и мы с ним неоднократно убеждались в том, что вместе представляем собой очень неплохой коллектив.

Полет в самолете — незабываемое переживание. Пребывать высоко в небе на хорошей надежной машине — одно из самых приятных занятий для меня. Ведь при этом паришь подобно птице, забывая о своей связи с земным миром. Полеты в аэропланах напоминают об астральных путешествиях, которые мне хорошо знакомы. Я считаю, что любой человек, если у него достаточно здоровое сердце, может научиться путешествовать в астральном теле, стоит лишь ему этого захотеть.

А Ты знаешь, что такое астральное путешествие? Неужели Ты не припоминаешь это великолепное ощущение парения над крышами домов, океанами и горами в направлении какой-то далекой страны? Все мы можем делать это. Полет астрального тела начинается, когда более тонкая часть человеческого существа отделяется от более грубой, физической. Тогда эта тонкая сущность получает возможность проникать в другие измерения и посещать разные части этого мира, перемещаясь по ним на конце “серебряной нити”. В таком способе перемещения по удаленным местам нет ничего плохого, ничего сверхъестественного. Это здоровый, естественный способ посещения недоступных для физического тела мест. Когда-то все люди без исключения могли свободно совершать астральные путешествия.

В наши дни этим искусством владеют лишь посвященные в Тибете и Индии. Они могут перемещаться в астральном теле из одного места в другое и не считают при этом, что делают что-то необычное. Во всех религиозных писаниях мира, в Библиях всех религий есть упоминания о таких вещах, как “серебряная нить” и “золотая чаша”. Эта нить представляет собой всего лишь волокно лучистой энергии, которое может неограниченно вытягиваться в длину. Это не материальное волокно, подобное мышечным волокнам, артериям или кусочкам струн. В этом волокне сосредоточена вся жизнь человека, потому что оно соединяет физическое и астральное тела.

Человек обладает многими телами. Сейчас мы сравним физический и астральный миры. Кому-то может показаться, что для прохождения сквозь любую стену или другое препятствие достаточно лишь перейти в другое, менее плотное состояние. Действительно, перейдя в такое состояние, мы сможем проходить сквозь стены, но не через все, а лишь через стены определенной плотности. Для астральной сущности вещи физического мира не являются препятствиями. Так, дверь физического дома беспрепятственно пропускает гостя в астральном теле. Однако в астральном мире тоже существуют двери и стены, которые могут послужить препятствием для астральной сущности. На том уровне бытия они являются такими же твердыми, как и физические двери в материальном мире.

Видел ли Ты когда-нибудь духа? Если да, то скорее всего это была астральная сущность. Это могла быть астральная проекция одного из твоих знакомых или же существо, пришедшее из другого мира. Может быть, Ты когда-либо видел очень яркий сон. Возможно, Тебе снилось, что Ты паришь, как воздушный шарик, высоко в небе, оставаясь привязанным к земле лишь тонкой растяжимой нитью. Если Ты переживал нечто подобное, скорее всего Ты припомнишь, что мог тогда смотреть вниз на землю. Быть может. Ты даже видел внизу, на другом конце ниточки свое бледное и безжизненное тело, которое неподвижно лежало на земле. Если эта неприглядная картина все же не смутила Тебя, вполне могло случиться, что вскоре Ты уплыл в какие-то далекие края, как тополинный пух на ветру. Возможно, впоследствии Ты очутился в какой-то чужой стране или в каком-то знакомом, но удаленном месте. Утром Ты наверняка счел все это обычным сном. Однако в действительности это было астральное путешествие.

Попробуй сделать так: ложась вечером спать, твердо скажи себе, что собираешься посетить человека, которого хорошо знаешь. Подумай о том, как бы Тебе хотелось до него добраться. Это может быть кто-то в Твоем городе.

Итак, Ты успокаиваешься, глубоко расслабляешься и неподвижно лежишь на своей кровати. Закрой глаза и вообрази себе, что отрываешься от кровати, вылетаешь в окно и летишь через улицу. Знай, что ничего плохого в этом случае с Тобой не может случиться: Ты не упадешь, а когда захочешь, всегда сможешь вернуться назад. В воображении пройди по всему пути, который Ты себе наметил. Следуй по этому пути от дома к дому, от улицы к улице до тех пор, пока не доберешься до нужного места. Затем вообрази себе, что собираешься войти в него. Не забывай, что дверь теперь Тебе не нужна, поэтому незачем в нее стучать. Пройдя в дом. Ты встретишь в нем человека, которого решил навестить. Точнее, Ты его встретишь, если Твои намерения чисты. При этом Ты не столкнешься ни с какими трудностями, не будет никаких опасностей, никаких последствий. Следуй лишь одной заповеди: твои намерения должны быть чисты.

Сейчас я, возможно, повторю то же самое. Ведь очень важно подойти к этому вопросу с разных точек зрения с тем, чтобы Ты понял, как просто и естественно астральное путешествие. Ляг в свою постель и позаботься о том, чтобы никто не мог беспокоить Тебя. Для этого лучше запири дверь в спальню на ключ, чтобы никто не мог туда войти неожиданно для Тебя. Расслабься и представь себе, что выходишь из физического тела. Это полностью безвредно, ничто не может причинить Тебе боль. Вообрази, что мало-помалу покидаешь тело, ощущая при этом легкие толчки и едва слышимые звуки. В конце концов духовная сущность освобождается полностью и висит над телом.

Представь себе теперь, что создаешь невесомое астральное тело, во многом похожее на физическое. Оно парит на некоторой высоте над кроватью. Если Тебе удастся это сделать, ты почувствуешь, что легонько покачиваешься вверх-вниз и из стороны в сторону. При этом ничего не нужно бояться, ни о чем не нужно беспокоиться. Все это естественно и безобидно. Если Тебе удастся сохранить спокойствие, скоро Ты заметишь, что освобожденный таким образом дух сам по себе отплывет на несколько футов в сторону. Посмотри теперь вниз, на свое физическое тело. Ты заметишь, что физическое и астральное тела соединены друг с другом тонкой серебряной нитью. Она пульсирует и отсвечивает голубоватым цветом, в котором как бы отражается Твоя решимость переходить от одного уровня существования к другому. Все это полностью безвредно до тех пор, пока Твои намерения чисты.

Почти у каждого есть воспоминания об астральных путешествиях. Покопайся в своих воспоминаниях и найди среди них нечто сродни следующему. Ты уснул, затем Тебя качнуло, и Тебе показалось, что Ты все падаешь и падаешь вниз — до тех пор пока внезапно не проснешься от мысли, что еще мгновение, и Ты ударился бы о землю. Это было астральное путешествие, выполненное неправильно, и поэтому неприятное. Однако нет никаких причин для того, чтобы повторять этот неудачный, неприятный опыт. Ведь в этом случае астральный полет прерывает несогласованность вибраций астрального и физического тел, которой можно избежать. Возможно, возвращаясь из астрального путешествия. Ты подплывал к физическому телу и уже собирался нырнуть в него, как вдруг какой-то шум, напряжение или чье-то влияние помешали Тебе. В результате в момент слияния произошло небольшое смещение астрального тела по отношению к физическому. Оно-то и привело к возникновению ощущения падения и толчка.

Это переживание можно сравнить со спрыгиванием с движущегося автобуса. Автобус, то есть астральное тело, движется со скоростью, например, десять миль в час. Земля, которую мы здесь считаем физическим телом, не движется. В течение короткого времени, пока Ты летишь от автобуса к земле. Ты должен замедлить свою скорость движения относительно земли. В противном случае последует толчок. Таким образом, это переживание падения во сне наверняка связано с неудачным астральным путешествием.

Ты вполне можешь и не помнить, что Ты делал во время путешествия и что видел, потому что информация о происшедшем стирается во время “неудачного приземления”. Как правило, те, кто никогда этим специально не занимался, принимают свои путешествия в астральном теле за обычные сны. Поэтому утром они думают, что все это им приснилось. “Прошлой ночью мне приснилось, что я посетил такие-то места, — говорят они, — и повидал таких-то людей”. Скажи, сколько раз Ты сам говорил так? Ты считал все это снами! Однако были ли это сны?

Немного позанимавшись, Ты сможешь совершать астральные путешествия в полностью бодрствующем сознании, и при этом всегда будешь помнить все, что видел, и знать все, что делал. Некоторым недостатком астральных путешествий является то, что Ты не можешь ничего взять с собой в другой мир и ничего не можешь принести оттуда. Поэтому руководствоваться практическими мотивами при астральных путешествиях не приходится: Ты не можешь взять туда ни свои деньги, ни даже нос вой платок, лишь свой дух.

Люди с плохими намерениями не должны заниматься астральными путешествиями. Это опасно в первую очередь для них. Однако никакой опасности не существует для тех, кто чист сердцем, потому что до тех пор, пока Твои намерения чисты, пока Ты не замыслишь ничего плохого, с Тобой ничего плохого не случится.

Хочешь ли Ты научиться путешествовать в астральном теле? Вот как лучше всего это делать. Прежде всего помни этот основополагающий психологический закон: в поединке между волей и воображением всегда побеждает воображение. Поэтому прежде всего вообрази себе то, что хочешь сделать, и если Ты вообразишь свою цель достаточно хорошо. Ты обязательно ее достигнешь. Мы можем достичь всего, чего захотим. Следующий пример проиллюстрирует то, что я имею в виду.

Ты можешь сделать все, что Тебе удастся ярко вообразить, каким бы сложным и даже невозможным оно ни казалось для других людей. Поэтому если воображение говорит Тебе, что нечто невозможно, оно действительно невозможно, как бы долго Ты ни старался этого достичь. Теперь смотри. Предположим, что на расстоянии десяти футов друг от друга стоят два дома высотой по тридцать пять футов. Между их крышами перекинута доска шириной два фута. Если случится так, что Тебе придется пройти по этой доске, воображение сразу начнет рисовать тебе всевозможные трагические случайности. Оно подскажет Тебе, что внезапно может налететь порыв ветра или же что на ней, откуда ни возмись, окажется сук, за который Ты залепишься и упадешь. У Тебя — напомним воображение — может закружиться голова. Однако, что бы оно Тебе ни говорило, оно внушает Тебе невозможность перехода по доске на крышу другого дома. Оно уверяет Тебя, что Ты обязательно упадешь и разобьешься.

И что же? В том случае, когда воображение смогло убедить Тебя в невозможности какого-нибудь действия, сколько бы Ты ни пытался. Ты действительно не сможешь ничего добиться. Таким образом, этот простой переход по дощечке с одной крыши на другую окажется для Тебя невыполнимым. Никакие усилия воли не помогут Тебе спокойно пройти по ней. И в то же время, если бы эта доска лежала на земле. Ты бы прошел по ней с закрытыми глазами. Что побеждает в этом случае, воля или воображение? Однако, если Ты вообразишь себе, что сможешь пройти по доске между двумя домами. Ты сделаешь это с легкостью. В этом случае Тебе не помешают ни ветер, ни прогиб доски, если, конечно. Ты постоянно будешь думать, что это полностью безопасное занятие. Ведь есть люди, которые ходят по натянутому канату и даже ездят по нему на велосипеде. Все это делается с помощью воображения, а не силы воли.

Использование в данном случае слова “воображение” неудачно, потому что на Западе это слово обозначает способность измышлять что-то невероятное. И все же речь здесь идет о воображении в самом непосредственном смысле этого слова. Воображение может заставить человека считать, что он влюблен, и поэтому любовь становится второй по значимости действующей силой. Нам следует называть его “контролируемым

воображением”. Но как бы мы его ни называли, нужно помнить: в поединке между волей и воображением воображение всегда побеждает. Поэтому на Востоке мы не заботимся о развитии силы воли, которая, по сути, является ловушкой, цепью, не дающей человеку оторваться от земли. Мы достигаем всего, полагаясь лишь на *контролируемое воображение*.

Так, предположим. Тебе нужно сходить к дантисту и удалить зуб. Задолго до выхода из дома Ты воображаешь себе все ужасы будущей агонии, все стадии будущего удаления. Возможно, Ты начинаешь с того, что представляешь себе, как врач делает укол и вводит обезболивающее средство, а затем долго примеряется, как ему лучше захватить больной зуб. Ты воображаешь себя теряющим сознание, кричащим или умирающим от потери крови. Ты знаешь, что все это бессмыслица, но тем не менее все это очень реально для Тебя. И поэтому Ты начинаешь страдать еще задолго до того, как садишься в кресло. Это пример неправильного использования воображения. В данном случае оно является неконтролируемым, обезумевшим. Никогда нельзя допускать такого поведения с его стороны.

Еще одним примером могут служить ужасные истории, которые рассказывают женщинам об опасностях и страданиях, которые сопутствуют родам. Наслушавшись таких рассказов, будущая мать ожидает приближающихся страданий, напрягается, и все происходит в точности так, как ей описывали. Это еще раз убеждает ее в истинности всех этих историй, и она напрягается еще больше, что в свою очередь усиливает страдания. Так и получается, что роды превращаются для многих в сущий ад. На Востоке женщин воспитывают в совсем других традициях. Их учат воображать себе, что рождение ребенка протекает легко и безболезненно — и так оно и происходит. Женщины на Востоке рожают, а через несколько часов, как правило, продолжают заниматься своими обычными делами. Так происходит потому, что они умеют контролировать свое воображение.

Слышал ли Ты что-нибудь о “промывании мозгов”, которое практикуется среди японцев и русских? Оно представляет собой своеобразный способ пленения воображения, в результате которого жертва обработки воображает себе лишь то, что нужно правительству. С помощью пропаганды ему удается настолько подчинить воображение многих людей, что они могут даже не осознавать, что идут на смерть во имя бессмысленных идей. Искусство контролировать свое воображение дает возможность избегать пагубного влияния “промывания мозгов” и даже не бояться пыток. Ведь если человек является хозяином своего воображения, он всегда может вообразить себе все что пожелает, отвергая те ужасы, которые ему навязывает обычная интерпретация событий.

Знаешь ли ты, как человек обычно реагирует на боль? Давай попытаемся проколоть иглой палец. Стоит только нам поднести к пальцу иглу, как мы уже начинаем воображать себе боль, которую почувствуем, когда из ранки потечет кровь. Мы сосредоточиваем всю свою душевную энергию на ощущениях, которые поступают от прокалываемого пальца. Если до этого у нас болела нога, поднося иглу к пальцу, мы полностью забудем о ней. Наше воображение предстоящих страданий вытесняет из сферы внимания все страдания существующие.

Однако восточный человек, если он прошел соответствующую подготовку, будет вести себя по-другому. Он не станет сосредоточивать своего внимания на пальце, который должен быть уколот. Он рассредоточит свое воображение — в данном случае *контролируемое воображение* — по всему телу. В результате боль, которую он чувствует, кажется ему распределенной по всему телу. Поэтому маленькая ранка, оставляемая на пальце кончиком иглы, нисколько не беспокоит его. *Это* одна из возможностей *контролируемого воображения*. Мне доводилось видеть, как людей прокалывают штыком, и они при этом не теряют сознания, не кричат, несмотря на то, что видят, как штык приближается к их телу. Секрет их поведения в том, что с помощью своего *контролируемого воображения* они могут распределять ощущение боли по всему телу,

которая от этого теряет остроту. Таким образом, человек может легко переносить даже боль от удара штыком.

Гипноз дает возможность еще лучше понять особенности воображения. Дело в том, что при гипнозе человек открывает свое воображение для любых влияний со стороны гипнотизера. Для этого подвергающийся гипнотическому воздействию просто воображает себе, что отдается во власть другого. Он воображает себе, что на него находит сонливость, которая поможет гипнотизеру овладеть его волей. Вот и получается, что если гипнотизер достаточно убедителен и ему удастся оказать на воображение гипнотизируемого требуемое воздействие, воля последнего начинает подчиняться командам первого — только и всего.

Подобно этому, если человек занимается самогипнозом, он просто воображает себе, что попадает под влияние — самого себя! Таким образом, управление его главными функциями переходит к его Высшему Я. Исцеление верой основывается именно на этом эффекте, имеющем место в воображении. Человек сначала долго внушает себе, что нечто обязательно поможет ему, будь то посещение какого-то места или встреча с каким-то человеком. Когда же они действительно осуществляют этот визит, именно их собственное сознательно подготовленное воображение исцеляет тело. Исцеление, кстати, работает до тех пор, пока в воображении человека содержится соответствующая убежденность, до тех пор, пока в него не закрадется сомнение.

И еще один простой пример для правильного понимания *контролируемого воображения*, ведь здесь идет речь о чем-то чрезвычайно важном. Различие между успехом и неудачей, здоровым состоянием и болезнью определяется воображением. Человек может контролировать это различие при условии, что он может управлять своим воображением. Случалось ли Тебе когда-нибудь ехать по дороге на велосипеде и вдруг увидеть перед собой большой камень, лежащий, возможно, в нескольких футах от переднего колеса велосипеда? Если в таком случае Ты успеваешь подумать: “О, я не успею свернуть в сторону!”, Ты обязательно врезался в него. Ты мог пытаться повернуть руль в сторону, однако как бы Ты ни петлял, камень впереди притягивал Тебя, словно магнит. Никакая сила воли не поможет Тебе в подобной ситуации избежать столкновения с камнем. Однако если Тебе удавалось вообразить себе, что Ты успеешь свернуть в сторону, Ты успеваешь это сделать, как бы близко он ни был.

Обязательно помни это простое правило. Оно поможет Тебе радикально изменить свое поведение. Ведь если Ты будешь постоянно прилагать усилия воли, тогда как воображение отрицает возможность успеха, — рано или поздно у тебя случится нервный срыв. В этом источник многочисленных душевных болезней. Жить в наше время нелегко, и поэтому многие пытаются подавить свое воображение с помощью воли (вместо того, чтобы научиться управлять им). Так возникает постоянный конфликт между реальным и желаемым, который приводит к развитию неврозов и даже сумасшествию. Психиатрические лечебницы переполнены людьми, которые желали совершить то, что им запрещало воображение. И в то же время очень несложно научиться управлять своим воображением и заставить его работать на благо человека.

Ведь именно воображение — *контролируемое воображение* — дает человеку возможность подниматься на неприступные вершины, летать на скоростных самолетах, устанавливать новые рекорды и совершать все те подвиги, о которых мы часто слышим. Именно *контролируемое воображение* делает все это возможным. Человек воображает себе, что он может сделать то или иное, и после этого он действительно может. Он обладает воображением, которое говорит ему, что он может сделать это, после чего его воле остается лишь немножко “захотеть” — и дело сделано. Поэтому, если Ты хочешь превратить свою жизнь в праздник, а свое путешествие через этот мир — в приятную прогулку, забудь о воле, подобно восточному человеку. Ведь воля — это ловушка и иллюзия, тогда как воображение — это все. Стоит лишь Тебе что-нибудь по-настоящему

вообразить, и можешь не сомневаться, что Ты это получишь. И к тому же, разве воображение и вера — не одно и то же?

ГЛАВА 5 ПО ТУ СТОРОНУ СМЕРТИ.

Старый Тсонг-тай умер. Он лежал, свернувшись калачиком, и, казалось, спал. Нам было очень грустно. Все в палате молчали. Мы были знакомы со смертью. Мы сталкивались со смертью и страданиями в течение всего дня, а иногда и в течение всей ночи. Как бы то ни было, старик Тсонг-тай был мертв.

Я посмотрел на его морщинистое загорелое лицо. Кожа была натянута на него, как бумага на рамку, как бечева парящего на ветру воздушного змея. Старый Тсонг-тай был благородным пожилым человеком. Я взглянул на его худощавое лицо, на его гордую голову и на редкую седую бороду. Много лет назад он был высокопоставленным служащим при дворе императора в Пекине. Затем началась революция, и старика погнала из столицы гражданская война. Так он попал в Чунцин, где устроился работать рыночным садовником, начав свою карьеру с самого начала, и ему удалось вырастить на бесплодной земле удивительные растения. Он был образованным стариком, с которым было приятно разговаривать. И вот теперь его голос смолк навеки, хотя мы и сделали все от нас зависящее, чтобы спасти его.

Его погубила тяжелая жизнь. Однажды утром, работая на своем поле, он потерял сознание и пролежал без движения многие часы, затем очнулся, но был не в силах позвать на помощь. Ему на помощь пришли тогда, когда было уже слишком поздно. Мы взяли его в свой госпиталь, и я пытался выходить его, моего друга. Теперь же я больше ничего не мог для него сделать. Мне оставалось лишь проследить за тем, чтобы его похоронили так, как он сам хотел бы этого, а также за тем, чтобы его пожилая супруга ни в чем не нуждалась.

Я с почтением закрыл его глаза. Эти глаза больше не будут озадаченно смотреть на меня, как было всякий раз, когда я задавал ему вопросы. Я убедился в том, что повязка вокруг его челюсти достаточно туга, и когда через некоторое время ее снимут, рот у него не откроется. Этот человек так часто успокаивал и воодушевлял меня, он так много рассказал мне о Китае и его истории. Как часто по вечерам, прихватив с собой какой-нибудь небольшой подарок, я отправлялся к старику на посиделки. Я накрыл его белой простыней и выровнял ее. Выл поздний вечер. В другой день я бы уже давно ушел из госпиталя, но в этот я находился у кровати больного больше семнадцати часов. Стараясь помочь ему, стараясь спасти его.

Пройдя мимо ярко освещенных витрин магазинов, я в темноте поднялся на вершину холма. Я прошел мимо последнего дома. Было облачно. Дул ветер, и в гавани, которая находилась внизу у основания холма, волны разбивались о пристань и покачивали речные суда.

Когда я шел по дороге в монастырь, ветер грустно завывал в соснах. Почему-то меня охватила дрожь. Мне стало очень страшно. Я не мог избавиться от мысли о смерти. Почему люди должны умирать в таких страданиях? Над головой у меня куда-то спешили, подобно деловым людям, облака, закрывая от меня луну. Однако иногда она показывалась, и тогда широкие полосы лунного света бороздили темные верхушки елей. Но затем облака опять сгущались, полосы света растворялись в жутком зловещем мраке. Я дрожал.

Идя по дороге, я слышал, как в тишине раздается звук моих шагов, и мне постоянно казалось, что за мной по пятам кто-то идет. Мне снова стало страшно. Я задрожал и поплотнее завернулся в свою мантию.

— Со мной что-то происходит, — сказал я себе. — Откуда это странное чувство? Ума не приложу.

Как раз в этот момент я подошел к повороту на небольшую тропинку, которая вела вверх по склону холма к ламаистскому монастырю. Я повернул направо, подальше от главной дороги. Некоторое время я шел по ней, затем вышел на небольшую поляну, на которой одно дерево, падая, повалило за собой еще несколько. Оно лежало на земле, тогда как другие нависали над ним под различными углами.

— Сяду-ка я здесь, передохну. Сам не знаю, что со мной творится, — сказал я сам себе.

С этими словами я свернул на поляну и нашел чистое место на стволе упавшего дерева. Сев на него, я обмотал накидку вокруг своих ног для того, чтобы защитить их от холодного ветра. Ночные шорохи, непонятные звуки и тихий треск веток где-то вдали — все это было жутким. У меня забегали мурашки по коже. И вдруг облака у меня над головой разошлись, и оттуда выглянула луна, заливая своим светом всю поляну. Стало светло, как днем. Мне казалось странным, что лунный свет может быть столь ярким, почти таким же, как солнечный. Мне стало не по себе, и я тревожно вскочил на ноги.

Неожиданно я заметил, что ко мне приближается человек. Он вышел на поляну с противоположной стороны. Я не мог поверить своим глазам — это был тибетский лама. Он подошел ко мне, и я увидел, что из его груди, стекая по мантии, струится кровь и что руки у него тоже все в крови. Он подошел ко мне, и я попятился, едва не споткнувшись о ствол лежащего дерева. Ноги у меня подкосились, и я сел на дерево.

— Лобсанг, Лобсанг, ты что, не узнаешь меня? — услышал я столь знакомый голос. Я медленно поднялся, протер глаза и бросился навстречу ламе.

— погоди, погоди! — остановил он меня. — Ты не должен прикасаться ко мне. Я пришел к тебе, чтобы попрощаться, ведь сегодня — мой последний день на земле. Скоро я отправлюсь в иные миры. Может, сядем и поговорим?

Ошарашенный, перепуганный, не в состоянии вымолвить ни слова, я снова сея на упавшее дерево. Над нашими головами проносились облака, на деревьях тихонько шелестели листья, а ночные птицы кружили во тьме в поисках добычи, не обращая на нас никакого внимания. Неподалеку от конца ствола, на котором мы сидели, появилось мелкое ночное животное. Оно попискивало и, шурша травой, искало себе корм.

Я сидел на одинокой, продуваемой ветром и освещенной луной поляне и разговаривал с духом своего наставника, ламы Мингьяра Дондупа, который пришел из потусторонней жизни поговорить со мной. Он сидел рядом со мной так, как это часто бывало в Лхасе. Я не мог коснуться его, потому что он находился на расстоянии нескольких ярдов от меня.

— Отправляясь из Лхасы, ты спрашивал меня, сколько лет я еще пробуду на земле. И вот теперь я покидаю землю. Прежде чем отправиться дальше, я решил повидаться с тобой.

Я смотрел на него. Это действительно был тот человек, которого я знал лучше всех. Я смотрел на него и — хотя и был весьма сведущ в таких вещах — не мог поверить, что сейчас он находится рядом со мной не во плоти. Мне казалось невероятным то, что это всего лишь дух, серебряная нить которого порвана, а золотая чаша — разбита. Он по-прежнему казался мне нормальным земным человеком — каким я его всегда знал.

На ламе была его обычная одежда: бледно-красного цвета ряса и золотистая накидка. Он выглядел уставшим, словно прибыл издалека и пережил по пути много невзгод. Я понял, что в течение многих лет он заботился о других в ущерб себе. “Как он бледен!” — подумал я.

Тут наставник немного повернулся в сторону, сделав одно из знакомых мне движений. При этом я увидел, что в спине у него торчит кинжал. Он немного повел плечами и снова сел лицом ко мне. Я замер от ужаса, когда понял, что кончик кинжала торчит из его груди, а по золотистой накидке стекает выступившая из раны кровь. Кровь я заметил на его одежде и руках с самого начала, однако только теперь, когда я посмотрел пристальнее, до меня дошло, что она значит. Руки были в крови, потому что он прижимал

их к тому месту на груди, откуда торчал кончик кинжала. Меня бросило в дрожь и стало морозить. Посмотрев на меня и поняв мое состояние, он сказал:

— Я специально явился перед тобой, Лобсанг, в таком виде для того, чтобы ты мог увидеть воочию, что случилось со мной. Теперь, когда ты уже все знаешь, я верну себе прежний вид.

Пятна запекшейся крови вмиг исчезли. Произошла яркая вспышка света, и перед моим взором предстало видение невероятной красоты. Это была Сущность, ушедшая очень далеко по стезе духовного совершенствования. Это был человек, достигший состояния будды.

Затем его чистый, подобный колокольному звону голос зазвучал во мне — и не в физических ушах, а где-то в сознании. Это был невообразимо прекрасный, сочный, могущественный голос того, кто познал жизнь. Большую Жизнь.

— Времени у нас немного, Лобсанг, ибо я отправляюсь в путь, и сейчас меня ждут. Однако я решил перед отправлением повидаться с тобой, мой друг, мой спутник в этой жизни. Я пришел, чтобы воодушевить тебя и попрощаться до лучших времен. Лобсанг, мы так много разговаривали с тобой когда-то обо всем этом. Но все же я напомним тебе, что твой путь долог, тяжел и исполнен опасностей. Однако в конце концов тебя ждет впереди большая удача, несмотря на недоброжелательность и зависть людей Запада.

Довольно долго мы разговаривали о том, что не перескажешь. Мне было тепло и уютно, как в погожий полдень. Золотистое сияние освещало поляну ярче солнечного света. Я был исполнен подлинной Любви. И вот мой Наставник, мой возлюбленный лама Мингъяр Дондуп, поднялся на ноги. В этот момент я заметил, что его ноги не касаются земли. Он поднял руки у меня над головой, благословляя меня, и сказал:

— Я буду наблюдать за тобой, Лобсанг. Я буду помогать тебе по мере своих сил. Но знай, что твой путь нелегок, и впереди тебя ждут многие удары судьбы. И даже сегодня тебе предстоит пережить еще одно потрясение. Крепись, Лобсанг, и терпи, как ты терпишь уже многие годы. Мое благословение да пребудет с тобой!

Я поднял глаза, и он растворился прямо перед моим взором. Образ исчез, а вместе с ним и золотое сияние. Ночные тени, казалось, приблизились, и подул холодный ветер. Над головой у меня куда-то вдаль неистово неслись облака. Маленькие ночные существа шуршали и попискивали в траве. Где-то в чаще, в предсмертной агонии закричало животное, став жертвой ночного хищника.

Некоторое время я не мог прийти в себя и стоял, неуверенно оглядываясь по сторонам. Затем я повалился на землю рядом с упавшим деревом и зарыдал, уцепившись руками в мох. Некоторое время я не был самим собой, несмотря на то, что многое знал и прошел серьезный курс подготовки в монастыре. Затем до меня донесся голос изнутри:— Не падай духом, дорогой Лобсанг, не падай духом, ведь это еще не все, ведь за наши усилия нам воздадут сторицею. Это не конец, и все то, что будет, должно осуществиться.

Пошатываясь, я поднялся на ноги и привел в порядок свою одежду и мысли. Отряхнув от сора руки, я продолжил свой путь по тропинке вверх, к ламаистскому монастырю.

— Что есть смерть? — думал я. — Я сам был по ту сторону смерти и вернулся. Вот теперь мой Наставник ушел из мира навсегда. Ему больше не страшны земные бедствия и страдания. Он ушел, и я остался один, совсем один.

С такими мыслями в голове я вошел в монастырь. У входа я встретился с несколькими монахами, которые тоже только что вернулись, но по другой тропе. Ничего не видя перед собой, я протиснулся между ними, вошел в самый темный закоулок храма, где на меня с пониманием и состраданием взирали священные образы. Я всматривался в Свитки Древних — красные полотнища с китайскими иероглифами, написанными золотой краской. Я видел, как поднимается к потолку и лениво повисает там, словно небольшое облако, душистый дымок никогда не гаснущих благовоний. Я забился в самый дальний угол, в подлинно святое место и услышал вновь:

— Не падай духом, дорогой Лобсанг, не падай духом, ведь это еще не все, ведь за наши усилия нам воздадут сторицею. Это не конец, и все то, что предстоит, должно осуществиться. Не падай духом.

Я сел в позу лотоса и погрузился в медитацию о прошлом и будущем. Сколько я просидел так, я не знаю. Казалось, мой мир рассыпается вокруг меня на куски. Неприятности окружали меня со всех сторон. Вот и мой Наставник оставил этот мир. Однако он *сказал* мне: “Это не конец. Все это должно случиться”.

Вокруг меня монахи занимались своими обыденными делами: подметали, готовили храм к богослужению, возжигали новые благовония, пели мантры. Однако ни один из них не помешал мне в моем горе, когда я одиноко сидел в углу храма.

Ночь подходила к концу. Монахи готовились в утренней службе. Эти китайские монахи в черных мантиях и с гладко выбритыми головами, на которых благовониями были выжжены особые отметины, казались мне подобными бликам в мерцающем пламени масляной лампы. Священник храма, на голове у которого была корона с пятью ликами Будды, прошел мимо меня, распевая сутру. Зазвонили колокольчики, возвещавшие о начале богослужения. Медленно поднявшись на ноги, я неохотно направился к Настоятелю. С ним я обсудил происшедшее и попросил у него разрешения не присутствовать на утренней службе в храме. Я сказал, что разбит горем и не хочу давать о нем знать другим молящимся.

— Это не так, брат мой, — ответил он, — у тебя есть повод для того, чтобы радоваться. Ты был по ту сторону смерти и вернулся оттуда, а сегодня ты встретился со своим Наставником и получил живое доказательство его состояния будды. Брат, ты не должен горевать, ведь вы с ним простились ненадолго. Остайся на богослужении, брат, и возрадуйся. Ведь ты видел то, что дано видеть немногим.

“Я действительно много знаю, — думал я. — Я знаю, в частности, что смерть на земле есть рождение в Большую Жизнь. Я знаю также, что смерти не существует и что мы живем в Мире Иллюзий, и что наша подлинная жизнь начинается только после смерти. Ведь умирая, мы просто покидаем эту кошмарную сцену, эту землю, которая является всего лишь школой, куда мы пришли, чтобы подучиться. Смерть? Нет такой вещи. Почему же я так страдаю?”

Ответ пришел ко мне даже раньше, чем сформулировался вопрос. Я страдаю из-за собственного эгоизма, ведь я потерял человека, которого любил, и он теперь ушел туда, где я не могу с ним больше встретиться. Если я страдаю, значит, я и вправду эгоистичен, ведь этот человек ушел в прекрасные миры, и о нем не стоит беспокоиться. Я же по-прежнему привязан к этой грешной земле, оставлен здесь дерзать, страдать и выполнять задачу, которая является целью моей жизни. Подобно этому ученик школы учится в ней до тех пор, пока не сдаст выпускной экзамен. Затем, приобретя знания, он возвращается в большой мир для того, чтобы жить по-новому. Я эгоистичен, потому что хочу удержать моего возлюбленного Наставника на этой ужасной земле с тем, чтобы одному мне от этого было лучше.

Смерть? Ее нечего бояться. Нам следует бояться жизни, в течение которой мы можем совершить множество ошибок.

Нам не нужно бояться смерти. Ведь это всего лишь переход в Большую Жизнь. Нам не нужно бояться ада, потому что в действительности такого места нет, так же, как и не будет никогда никакого Страшного Суда. Человек сам себя судит, и не может быть более страшного обвинения, чем то, которое человек сам предъявляет своим слабостям и недостаткам, когда выходит за пределы земной жизни. Тогда ложность его системы ценностей становится ему очевидной, ведь он постигает Истину.

Поэтому Ты, если боишься смерти, внемли гласу того, кто был по ту ее сторону и вернулся. Смерти нечего бояться. Нет никакого Страшного Суда, если Ты сам не устроишь его себе. Нет никакого ада. Каждый, что бы он ни сделал и кем бы он ни был, имеет шанс. Никто никогда не погибает. Нет столь плохого существа, чтобы ему было

отказано в еще одной попытке. Мы боимся смерти других, потому что она лишает нас возможности наслаждаться их присутствием. Мы боимся ее, потому что эгоистичны и думаем о своей собственной не стать уж отдаленной смерти, которая представляется нам уходом в Неизвестное — то, чего мы не знаем и поэтому опасаемся.

Однако смерти нет, есть лишь рождение в Большую Жизнь. Когда-то в прошлом этому учили все религии: смерти — нет, есть лишь рождение в Большую Жизнь. Однако поколение за поколением жрецы искажали подлинное содержание учения до тех пор, пока не дошли до того, что пугают теперь людей сказками об аде. Все это они делают для того, чтобы получить власть над людьми.

— Мы — священники, — говорят они. — У нас ключи от врат рая. Подчиняйтесь нам, а то мы упечем вас в ад.

Однако я побывал по ту сторону смерти и вернулся, как и многие другие ламы. Мы знаем истину. Мы знаем, что у каждого есть надежда. Что бы человек ни сделал, каким бы виноватым он себя ни чувствовал, он должен продолжать жить и не терять надежду.

— Поприсутствуй на богослужении, брат мой, — попросил меня настоятель монастыря, — и расскажи мне, что ты сегодня видел.

Мне очень не хотелось оставаться в храме. Это было для меня настоящим испытанием. Я был разбит горем. Мне было невыносимо тяжело даже медитировать, сидя в своем углу. И все же я вернулся туда.

Так прошел этот ужасный вечер, в течение которого минуты тянулись, как часы, а часы — как дни, и мне казалось, что он никогда не закончится. Монахи входили в храм и выходили из него. Вокруг меня совершались всевозможные ритуальные действия, однако я оставался наедине со своими мыслями, цепляясь за прошлое, опасаясь будущего.

Однако в этот день мне было не суждено досидеть до начала полуночного богослужения. Как предупреждал меня ранее мой наставник, лама Мингьяр Дондуп, в этот вечер я должен был пережить еще один удар судьбы, ужасный удар. Я медитировал в своем уголке храма, мысленно обращаясь то к прошлому, то к будущему. Около одиннадцати часов вечера, когда на время все монахи удалились, я увидел, что ко мне приближается человек. Это был старый-старый лама из Лхасы, один из представителей элиты, живой будда, которому уже недолго оставалось ходить по земле. Он появился из глубокой тени, куда не проникает свет масляных ламп. Когда он приблизился ко мне, я заметил вокруг него тусклое голубоватое сияние, которое над головой становилось желтым. Он подошел ко мне с вытянутыми перед собой руками, держа их ладонями вверх.

— Сын мой, сын мой, у меня грустная весть для тебя, — сказал он. — Высочайший, наш 13 Далай-Лама, последний представитель своей линии вскоре должен покинуть этот мир.

Старик-лама, посетивший меня, сообщил, что приближается конец этого земного воплощения Далай-Ламы и что вскоре он должен будет на время покинуть нас. Он сказал, что мне следует поторопиться с возвратом в Лхасу с тем, чтобы еще успеть повидаться с ним. Он сказал мне об этом, а затем добавил:

— ТЫ должен поторопиться. Не теряй ни минуты. Тебе следует отправиться в дорогу прямо сейчас, ночью.

Он посмотрел на меня, и я поднялся на ноги. Однако после этого он сразу же исчез, вернувшись в затененный угол. Духа старого ламы больше не было поблизости. Он улетел к своему телу, которое все это время не покидало храма Джо Кант в Лхасе.

События следовали одно за другим слишком стремительно — трагедия за трагедией, несчастье за несчастьем. Происходящее не укладывалось у меня в голове. Судьба действительно не щадила меня. Когда-то меня учили тому, что такое жизнь и что такое смерть. Меня учили не проявлять никаких эмоций при столкновении со смертью, но как я мог не проявлять эмоций, когда мои самые добрые друзья умирали один за другим? Можно ли в такой ситуации остаться бессердечным, бесстрастным, незадетым? Можно ли при этом не проявить человеческих чувств? Ведь я любил всех этих людей. И я узнаю в

течение одного дня, что все они — старик Тсонг-тай, мой наставник — лама Мингьяр Дондуп — и 13 Далай-Лама — умерли или находятся при смерти. Двоих из них уже нет, а третий... кто знает, сколько ему еще отмерено? Возможно, несколько дней. Я должен торопиться, думал я. Я повернулся и вышел из центральной части храма в ту его служебную часть, где находилась комната настоятеля. Однако не успел я в нее войти, как до меня донесся какой-то шум, а затем звук падения. Я поспешил в направлении звука.

Оказалось, что еще один тибетский лама. Джерси, приехавший не из Лхасы, а из Чамбо, тоже получил только что телепатическое сообщение из Тибета от другого ламы. Ему тоже велели покинуть Чунцин и вернуться в Тибет в качестве моего спутника. Это был человек, который изучал устройство автомобилей и других видов современного транспорта. Однако он слишком поторопился. Как только посланец из Тибета исчез, он вскочил и побежал по коридору в направлении комнаты настоятеля. Но на одном из поворотов коридора какой-то нерадивый монах пролил масло. Лама, который должен был стать моим спутником, поскользнулся на нем и тяжело упал. В результате падения и удара о пол он сломал себе руку и ногу. Подоспев к месту происшествия, я увидел, что он лежит, тяжело дыша, а из открытой раны торчит конец сломанной кости.

Настоятель тоже вышел на шум из своей комнаты.

Вместе с ним я склонился над пострадавшим братом. Настоятель держал его за плечи, пока я, оттягивая кисть упавшего, возвращал сломанную кость на место. Затем я велел принести лубки и повязки. Вскоре Джерси был перевязан по всем правилам — и рука, и нога. С ногой, правда, пришлось сложнее, потому что кость в ней была сломана в нескольких местах, и нам пришлось отнести пострадавшего в келью и уже там оказать ему помощь. Затем я оставил его на попечении других.

Потом мы с настоятелем отправились в его комнату, и я поведал ему о том сообщении, которое получил из Тибета. Я описал ему свое видение, и он согласился, что мне следует срочно отправляться в путь. Было решено, что я безотлагательно выеду из монастыря. Настоятель тут же послал одного из монахов на лошади в Чунцин с особым заданием. Я задержался на несколько минут, чтобы поесть и взять себе еды на дорогу. Прихватив в собой также несколько одеял и смену одежды, я вышел из монастыря и направился вниз по тропинке в сторону большой дороги. Я прошел мимо поляны, где в этот вечер в последний раз встретился со своим наставником, ламой Мингьяром Дондупом. Я шел и чувствовал глубокие человеческие эмоции, которые мне приходилось сдерживать, чтобы не потерять бесстрастный вид, приличествующий ламе. Так я пришел к концу тропинки в том месте, где она сливается с главной дорогой. Как мы и договорились с настоятелем, здесь я остановился и стал ждать.

На холме у меня за спиной я услышал звук бронзовых гонгов, которые возвещали о начале полуночного богослужения. Звон серебряных колокольчиков перемежался мелодиями, исполняемыми на флейтах и трубах. Вскоре из темноты ночи донесся гул мощного мотора, а далекие холмы осветил серебристый луч фар. Быстроходная легковая машина подкатила ко мне и остановилась рядом, взвизгнув тормозами.

— Достопочтенный Лобсанг Рампа, машина в вашем распоряжении, — сказал шофер. — Разворачиваемся?

— Нет, — ответил я, — поедем в долину, а затем повернем налево. — И я вскочил в кабину.

Специальное поручение, с которым настоятель отправил монаха в Чунцин, состояло в том, чтобы нанять там эту машину. Автомобиль был действительно очень хорошим. Это был большой черный американский монстр. Я сидел рядом с шофером, и мы сквозь темноту мчались по дороге в Ченгту — городок, находившийся миль за двести от Чунцина. Лучи от фар металась перед нами, как два больших светящихся призрака. Они освещали выбоины на дороге и деревья на обочинах. Причудливые тени, отбрасываемые окружающими предметами, казалось, хотели, чтобы мы ехали все быстрее и быстрее, но все же никогда не догнали их. Эжен был хорошим водителем.

Чувствовалось, что он опытен и может вести машину долго, не подвергая пассажиров риску. Мы ехали очень быстро и едва могли разглядеть что-то по сторонам — все вокруг сливалось в одно большое размытое пятно. Я откинулся на спинку сиденья и думал, думал.

У меня в голове вертелись мысли о моем возлюбленном наставнике, ламе Мингьяре Дондупе, о том, как он обучал меня, и о том, как много он сделал для меня. Этот человек значил для меня больше, чем мои собственные родители. Кроме того я думал о своем возлюбленном повелителе, 13 Далай-Ламе, последнем в своей линии. Его считали последним, потому что, согласно древнему Пророчеству, вскоре после его смерти в Тибете должен был воцариться новый общественный строй. Так и произошло. В 1950 году китайские коммунисты начали вторжение в Тибет, но коммунистическая третья колонна действовала в нем задолго до этого. Тогда, в 1933 году, я думал обо всем этом, потому что знал о неизбежности такого поворота событий. В действительности я узнал обо всем этом задолго до 1933 года — когда познакомился с Пророчеством, в точном соответствии с которым происходили все эти перемены.

В темноте мы проехали двести миль и прибыли в Ченгту, где заправились бензином, отдохнули десять минут и перекусили. И снова в дорогу. Нам предстояло проследовать в темноте еще сто миль от Ченгту до Яана. Там нас встретила утренняя заря. С первыми проблесками солнца на востоке дорога кончилась, и дальше машина везти меня не могла. Я зашел в местный ламаистский монастырь, в котором уже получили телепатическое известие о моем скором прибытии. Здесь меня ждала оседланная хорошая лошадь, она била копытом землю, но у меня не было времени приноравливаться к ней. Я вскочил на нее и почувствовал, что лошадь понимает всю важность моей миссии и сделает все от нее зависящее, чтобы я прибыл в Тибет вовремя. Конюх передал мне в руки узду, и я понесся вдаль, поднимаясь на горные перевалы и спускаясь в долины, отделявшие Китай от Тибета. Шоферу предстояло вернуться в Чунцин на комфортабельной скоростной машине, а мне нужно было скакать в высоком деревянном седле все дальше и дальше, меняя по пути лошадей. Поскольку я не мог терять ни минуты, после изнурительного многочасового переезда мне каждый раз давали в местном ламаистском монастыре свежего скакуна, который нес мета дальше.

Не стоит вспоминать все трудности, которые выпали тогда на долю одинокого всадника. Не стоит сейчас описывать переправу через реку Янцзы и подъем на перевал Верхний Сальвин. Я все скакал и скакал вперед. Я невероятно устал в пути, однако вернулся в Тибет вовремя. После очередного поворота на горной дороге перед моим взором вдруг открылись золотые купола Поталы. Я смотрел на купол усыпальницы Далай-Ламы, где почивали останки его многих тел, и думал, что вскоре к ним прибавится еще одно.

Я скакал дальше и вновь пересек Счастливую Реку. Однако в этот раз она не была такой счастливой, как когда-то. Когда мое стремительное и изнурительное путешествие подошло к концу, я узнал, что торопился не зря. Я принял участие во всех традиционных церемониях, и притом играл в них одну из главных ролей.

В эти дни произошел еще один неприятный случай. Время от времени я сталкивался в храме с одним иностранцем, который хотел, чтобы все на него обращали внимание. Ему казалось, что мы все — дикари, а он — цивилизованный человек и поэтому вправе указывать нам, что нужно делать. Он везде совал свой нос и хотел быть в центре внимания. Поскольку я не мог этого выносить, он даже попытался подкупить меня и моего друга, предлагая взять его часы! Этот номер не прошел, и с тех пор он стал относиться ко мне враждебно и делать все для того, чтобы досадить и помешать мне. Однако об этом можно было бы и не упоминать, если бы не подтверждалась еще раз правильность слов моих учителей. Они неоднократно говорили мне, что меня всю жизнь будут преследовать недоброжелатели.

В эти дни мне пришлось очень нелегко. Я не буду здесь описывать, чего стоило пережить одни лишь церемонии погребения Далай-Ламы. Скажу лишь, что его тело было мумифицировано в соответствии с традиционными методами. Затем в усыпальнице его усадили в позе лотоса лицом на юг, как того требовала традиция. Время от времени его голова поворачивалась на восток. Многие рассматривали это как сигнал, доходящий до нас из потустороннего мира. Мы поняли, что должны ожидать перемен, надвигающихся с востока. И действительно, вскоре оттуда пришли в Тибет китайские оккупанты. Значит, этот поворот головы на самом деле был знаком, предостережением. Если бы мы только могли как-то предотвратить надвигающееся бедствие!

Я вновь побывал в доме своих родителей. Старый Тзы умер. Многие мои знакомые сильно изменились. Все выглядело чужим. Я больше не чувствовал себя здесь как дома. Я был всего лишь странствующим ламой, который на время приехал из Китая для того, чтобы провести несколько церемоний в храмах Лхасы. Меня попросили задержаться, чтобы повидаться с родителями. Через некоторое время меня провели к ним. Наш разговор был натянутым, в нем чувствовалось напряжение. Я был теперь уже не членом семьи, а посторонним человеком. Однако я был все же не совсем посторонним человеком, потому что мой отец пригласил меня проследовать за ним по внутренним покоям своего дома. Там он достал из сейфа нашу Родословную Книгу и аккуратно развернул ее золотой переплет. Не говоря ни слова, я записал свое имя в том месте, где была последняя запись. Я указал свое звание и медицинскую квалификацию. Затем Книгу торжественно закрыли и водрузили обратно в тайник, находящийся под полом комнаты. Мы вместе вернулись обратно в комнату, где нас ждали мать и сестра. Я распрощался с ними и ушел. Во дворе конюх ждал меня с лошастью. Я вскочил на нее и в последний раз проехал через ворота родительского дома.

С тяжестью на сердце я свернул на Лингхорскую дорогу и направился в сторону Мензеканга — самого крупного в Тибете госпиталя. Когда-то я работал здесь и вот теперь решил навестить тучного старого монаха Чинробнобо, который заведовал госпиталем. Я хорошо знал его. Это был приветливый пожилой человек, который многому научил меня, когда я проходил у него практику после окончания медшколы на Железной Скале. Он пригласил меня в свою комнату и стал расспрашивать о китайской медицине.

— Китайцы утверждают, что первыми начали использовать акупунктуру и прижигание, однако я уверен, что это не так, — сказал я ему. — Мне известны старые предания, которые гласят, что эти средства лечения пришли в Китай из Тибета много веков назад.

Он проявил немалый интерес к моим словам о современных исследованиях как в Китае, так и на Западе, к вопросу о том, почему эти средства обладают исцеляющим эффектом, очевидным для многих.

Акупунктура представляет собой особый метод лечения укалыванием разных частей тела очень тонкими иглочками. Они должны быть такими тонкими, чтобы пациент вообще не ощущал боли. Эти иглы втыкают в особые точки тела, и это вызывает исцеляющий эффект. В настоящее время используются иглы из радия, воздействие которых удивительно, однако в течение столетий на Востоке с неменьшим успехом применяли иглы из других материалов.

Кроме того, мы пользуемся прижиганием. Этот метод предполагает приготовление специальных сухих смесей различных трав и веществ. Смесь зажигают и в тлеющем виде подносят близко к коже, вследствие чего целительные компоненты смеси оказывают на организм лечебный эффект. Эти два метода используются уже очень давно, однако до сих пор никому не удалось установить, в чем именно состоит причина их воздействия на организм.

Я еще раз побывал в большом хранилище, где собрано великое множество различных тибетских трав. Мне сказали, что их здесь не меньше шести тысяч. Большинство из них в Китае и во всем остальном мире просто неизвестны. *Татура,*

например, представляет собой корень дерева, обладающий сильными обезболивающими свойствами. Он может глубоко усыпить человека на двадцать четыре часа, и если его предписывает опытный специалист, у пациента не возникнет никаких побочных эффектов. Я слушал рассказы моего старого друга и, несмотря на то, что был знаком с китайской и западной медициной, не мог найти ни одного изъясна в старой тибетской традиции исцеления с помощью трав. Эта традиция за многие века зарекомендовала себя очень хорошо.

Следующую ночь я спал на своем старом месте, как и в те дни, когда проходил курс обучения в монастыре. Вся окружающая обстановка напоминала мне о прошлом. Сколько воспоминаний вызывал вид каждого камешка! Утром, когда уже рассвело, я поднялся на высочайшую точку Железной Скалы и посмотрел оттуда на Поталу, Змеиную Вершину, Лхасу и великолепную панораму окружающих ее гор со снежными вершинами. Долго я смотрел на все это, а затем отправился в мед-школу, попрощался со своими друзьями и взял мешок с тсампой. Свернув свои одеяла и скромные пожитки, я оседлал лошадь и направился вниз по склону холма.

Когда я спустился в долину, солнце скрылось за черной тучей. Проходя через деревню Сьо, я встречал людей, которые съехались отовсюду для того, чтобы поклониться Потале. Предсказатели судьбы выкрикивали свои Пророчества. Продавцы различных мазей и настоек живо торговали своим товаром. После недавних церемоний на Священной Дороге по-прежнему толпились купцы, торговцы, горожане и нищие. Мимо меня прошел в направлении Западных Ворот караван Яков, груженный товарами для лхасского рынка. Я остановился и глядел, думая, что больше никогда не увижу всего этого, и почувствовал боль в сердце.

Внезапно ко мне сзади кто-то подошел.

— Приветствую вас, достопочтенный врач-лама, — произнес знакомый голос.

Я обернулся и узнал одного из “вскрывающих тела”, который в прошлом много помогал мне. Помнится, тогда по приказу 13 Далай-Ламы этот человек занимался со мной анатомией. Тогда у нас ушло много времени, чтобы добиться разрешения нарушить старую традицию, согласно которой тела нельзя было вскрывать. Однако, поскольку я занимался по специальной программе, мне разрешили вскрывать трупы под руководством этого человека. Я тепло приветствовал его, радуясь, что хоть кто-то в этой толпе знаком мне.

— Занятия с вами незабываемы, — сказал я ему. — Ведь вы тогда обучили меня таким вещам, о которых не знают даже в медицинском колледже в Чунцине.

Он был очень польщен моими словами и показал мне язык, как это делали когда-то слуги в знак преданности своим хозяевам. Не оборачиваясь он отошел в сторону, как требовала в таких случаях традиция прощания, и затерялся в толпе возле Ворот.

Еще несколько мгновений я постоял рядом со своей лошадью, глядя на Поталу и Железную Гору, а затем отправился дальше между деревьями в сторону моста через реку Кии. Земля здесь зеленела от хорошо орошаемой травы. Это был рай на высоте 12000 футов над уровнем моря, окаймленный со всех сторон горами, которые вздымались к небу на высоту еще 6000 футов. Буквально на каждом повороте здесь находился большой или маленький ламаистский монастырь, а на неприступных скалах иногда можно было увидеть одинокие хижины монахов. Постепенно дорога становилась все более крутой, то поднимаясь на перевал, то спускаясь с него. Моя лошадь была отдохнувшей, сытой и ухоженной. Ей хотелось скакать побыстрее, но я сдерживал ее. На моем пути встречались торговцы и монахи. Они удивленно поглядывали на меня, потому что я отступил от традиции и путешествовал один. Так дорога занимала меньше времени. А вот мой отец, например, никогда не отправлялся в путь без огромной свиты сопровождающих. Это приличествовало его социальному статусу, однако я принадлежал современному миру. Вот почему многие встречные взирали на меня с недоумением, в том числе и знакомые, которые приветствовали меня. В конце концов моя лошадь поднялась на перевал. Возле

дороги я заметил целую кучу камней. Я понял, что с этого места в последний раз взгляну на Лхасу. Я слез с лошади, спутал ее и долго смотрел вдаль, на родной город.

Небо было необычайно синее. Глубину этому цвету придает высота над уровнем моря. Белоснежные облака лениво плыли у меня над головой. Горный ворон сел рядом со мной и поклевал мою мантию. Следуя традиции, я добавил еще один камень к огромной куче камней возле дороги. Эти камни стаскивали сюда путники в течение столетий, потому что это было место, с которого человек бросал первый и последний взгляд на Священный Город.

Передо мной открывался вид на Поталу, стены которой, начиная от основания, были наклонены вовнутрь. Окна тоже сужались кверху, что создавало особый эффект. Потала выглядела как здание, возведенное самими богами. Мой монастырь Чакпори стоял еще выше Поталы, но не довлел над ней. Еще дальше я заметил позолоченные крыши Хо Канга, храма, который был построен тринадцать веков назад. Его окружали крыши административных зданий. Я видел, где проходит главная дорога, где расположены пруды, ивовая роща, Змеиный Храм. Вдалеке красовались зеленые островки парка Норбу Линга и садов Далай-Ламы, раскинувшихся на побережье реки Кьо Чу. Ярче всего сверкали позолоченные купола Поталы. Они отражали солнечные лучи и рассеивали их во все стороны, заставляя сверкать всеми цветами радуги. Там, под этими куполами, покоятся останки тел Далай-Ламы. Монумент, возведенный в честь тринадцатого, был самым высоким и достигал в высоту не менее семидесяти футов. Он был высотой с трехэтажный дом. На его позолоту ушла тонна чистейшего золота. Внутри этого святилища были высечены великолепные узоры, там хранились оставшиеся от их владельца серебряные и золотые украшения и драгоценности, возложенные к ногам безжизненного тела. Теперь Тибет остался без Далай-Ламы. Последнее его воплощение закончилось, а новое, как сообщало Пророчество, будет служить захватчикам, будет рабом коммунистов.

По краям долины находились огромные ламаистские монастыри: Дрепунг, Сера и Ганден. Почти полностью закрытый высокими деревьями, вдали виднелся белый с золотым Нечунг, Оракул Лхасы, Оракул Тибета. Дрепунг выглядел отсюда кучей рисовой соломы, рассыпанной по горному склону. Монастырь Сера известен также как Плетень Дикой Розы и Сад Блаженных. Я смотрел на них с перевала и вспоминал те времена, когда находился в их стенах. Каждый из них тогда казался мне изнутри небольшим городком.

Я рассматривал также многочисленные меньшие ламаистские монастыри, разбросанные по всей долине, на горных склонах и в небольших рощах. Моему взору открывалось также множество уединенных жилищ отшельников, приютившихся в самых труднодоступных местах. Мысленно я входил в их кельи, где эти люди жили в одиночестве многие годы, питаясь очень скромно, один раз в несколько дней. Возможно, кто-то из них заточил себя на всю жизнь в темноте, больше никогда не рассчитывая выйти в мир в физическом теле. Все его усилия теперь были устремлены на совершенствование астрального тела, которое давало ему возможность, не выходя за пределы своей пещерки, посещать неопишимо великолепные миры.

Мой взгляд скользил по долине. Я проследил весь путь течения Счастливой Реки, которая петляла по заболоченной местности, то прячась за небольшие группы деревьев, то появляясь опять на открытых местах. Я присмотрелся и увидел дом своих родителей — огромное имение, которое никогда по-настоящему не было для меня родным домом. Я увидел многочисленных путников, бредущих пешком и едущих на лошадях по серпантинам горных дорог. Затем от одного из ближайших монастырей ветер донес до меня звуки гонга и труб. Мне перехватило горло, и сжалось сердце. Переносить это я был больше не в силах. Я повернулся, вскочил на лошадь и поскакал — навстречу неизвестному.

По мере того как я продвигался вперед, окружающая местность становилась все более дикой и необитаемой. Я проезжал через леса и песчаные перевалы, через уютные

долины и скалистые возвышенности. Мне случалось продвигаться по ущельям, в которые с гор стекала вода. Здесь был слышен лишь звук падающей воды, которая обдавала меня с головы до ног фонтанами брызг.

Я продвигался вперед, останавливаясь на ночь в ламаистских монастырях, как и в прошлый раз. Однако теперь я был еще более желанным гостем, потому что мог подробно рассказать о прошедших в Лхасе траурных церемониях, и притом не как посторонний наблюдатель, а как одно из главных действующих лиц. Все мои слушатели сходились в том, что закончилась целая эпоха в жизни Тибета, и мы теперь вступаем в более тяжелые времена. Везде мне давали в дорогу еду и отдохнувших лошадей. После многих дней путешествия я прибыл в Яан, где, к моей радости, меня ждал шофер Джерси со своей машиной. Случилось так, что до старого настоятеля в Чунцине дошли слухи о моем скором возвращении, и он заблаговременно выслал за мной машину. Это было очень приятно, потому что я очень устал от верховой езды в испачкал в пути свою одежду. С каким удовольствием я взирал на эту блестящую современную машину! Теперь она доставит меня в Чунцин за считанные часы, на что при обычном путешествии мне понадобилось бы не меньше недели.

Итак, я расположился в машине и еще раз мысленно поблагодарил настоятеля за то, что он проявил обо мне такую воистину дружескую заботу. Теперь я мог провести остаток своего изнурительного путешествия из Лхасы в Чунцин в комфортабельном автомобиле. Вскоре мы уже мчались по дороге в Чангту. Там мы переночевали. Нам незачем было спешить в Чунцин, поэтому мы проведя ночь в местном монастыре. Утром, прогулявшись по городу и сделав некоторые покупки, мы отправились дальше по дороге в Чунцин.

Одетый в одни лишь синие штаны мальчик с покрасневшимся от жары лицом налегал на плуг, когда на полной скорости мы проезжали мимо. Плуг тянул огромный буйвол. Он и мальчик месили грязь, чтобы переворачивать пласты земли там, где впоследствии будет посажен рис. Мы неслись вдаль, а над нашими головами кружились и кричали птицы, вычерчивая в воздухе удивительные траектории. Казалось, что они так же, как и мы, радуются жизни.

Вскоре мы уже подъезжали к пригородам Чунцина. Мы ехали вдоль дороги, окаймленной со всех сторон серебристыми эвкалиптами, липами и соснами. Наконец мы остановились у небольшой дороги, ведущей в моему монастырю. Я выбрался из машины и продолжил путь, пешком. Снова проходя мимо той поляны, на которой я сидел на стволе упавшего дерева и разговаривал с моим наставником, ламой Мингьяром Дондупом, я увидел, что все деревья на ней по-прежнему находятся в тех же положениях, что и тогда. Одно из них лежало, а другие были наклонены под разными углами. Свидетелем скольких памятных событий с тех пор я стал! Некоторое время я стоял на поляне, глубоко задумавшись, а затем продолжал свой путь к монастырю.

На следующее утро я отправился в Чунцин. Жара стояла просто невыносимая. Воздух был удушливым, и казалось, что он расплывается прямо перед глазами. Не только рикши, тянувшие повозки по улицам города, но и их пассажиры — все выглядели словно обваренными в кипятке. Я же, вернувшийся с прохладных просторов Тибета, вообще чуть было не умер. Однако, поскольку я был ламой, мне нужно было держать себя в руках и показывать пример остальным. На улице Семи Звезд я встретил Хуанга, который деловито занимался покупками. Я приветствовал его как старого друга.

— Хуанг, почему в городе так много людей? — спросил я его через некоторое время.

— Как почему? Разве ты не знаешь, Лобсанг? — удивленно произнес он. — Многие бежали сюда из Шанхая. Он находится под угрозой захвата японской армией, и поэтому многие торговцы закрывают свои лавки и перебираются в Чунцин. Я слышал, что даже некоторые учебные заведения серьезно подумывают о том, чтобы эвакуироваться сюда. О, кстати, хорошо, что вспомнил, — продолжал он, — у меня есть важное

сообщение для тебя. Генерал (а ныне уже маршал) Фенг Юшианг желает повидать тебя. Он просил меня передать это тебе. Встреться с ним как можно скорее.

— Обязательно, — ответил я. — А как насчет тебя? Ты пойдешь со мной?

Хуанг сказал, что пойдет. Мы продолжали лениво бродить по городу вместе, делая покупки. Лениво — потому что было слишком жарко, чтобы можно было заниматься чем-нибудь поспешно. Затем мы вернулись в монастырь. Через час или два мы направились к генеральскому дому, который находился рядом с одним из храмов. Хуанг решил подождать во дворе, пока я буду в доме. Генерал рассказал мне многое о японцах и о том бедствии, которое надвигается на Китай. Он поведал, что согласно постановлению Комитета по международной безопасности в Шанхае производится набор добровольцев для поддержания порядка в городе. Однако в него поступают только бандиты и бродяги, никак не заинтересованные в поддержании порядка.

— Близится война, Лобсанг, — сказал он, — знай, что близится война. Мы нуждаемся во врачах, которые способны оказывать медицинскую помощь. Но больше всего нам нужны врачи-пилоты. Скоро они окажутся в центре событий.

Он предложил мне поступить на службу в китайскую армию и дал понять, что там я смогу летать столько, сколько моей душе будет угодно.

Генерал был крупным мужчиной ростом свыше шести футов, с широкими плечами и огромной головой. В прошлом он много раз принимал участие в боевых действиях. И вот теперь, пока японцы не вторглись в Китай, он даже не думал, что ему когда-нибудь снова придется побывать в бою. Он также был поэтом и не случайно жил возле храма Созерцания Луны. Он мне нравился, потому что был человеком проницательным и мудрым. С такими всегда приятно иметь дело.

Генерал рассказал мне, что японцы воспользовались для вторжения в Китай ими же самими подстроенным предлогом. Японцы заявили, что от рук китайцев якобы погибли несколько их монахов, которые в действительности пострадали в результате несчастного случая. Прежде всего японские власти потребовали от мэра Шанхая, чтобы он отменил пошлины на ввозимые из Японии товары, распустил Ассоциацию Национального Спасения, арестовал лидеров движения против продажи на китайском рынке японских товаров и выплатил компенсацию за погибших монахов. Принимая во внимание превосходство японцев в боевой силе и желая сохранить порядок в стране, 28 января 1932 года глава муниципалитета принял ультиматум японцев. Однако в эту же ночь в 22.30 по местному времени, когда мэр уже начал действовать в соответствии с ультиматумом, японские морские пехотинцы вторглись в город и захватили несколько улиц, положив тем самым начало новой войне. Все это было ново для меня. Я ничего не знал о таком повороте событий, потому что был очень далеко.

Во время разговора в комнату вошел монах, одетый в темно-серую мантию, и сказал, что прибыл Высший Настоятель Тай Шу и что мы должны с ним встретиться. Я рассказал ему о событиях, связанных со смертью почтенного 13 Далай-Ламы. Ведь я был в Тибете, когда они там происходили. Он в свою очередь рассказал мне о той опасности, которая нависла над Китаем.

— Мы не боимся быть оккупированными, — сказал он. — В первую очередь страшны последствия войны, разруха в стране и страдания мирных жителей.

Они вдвоем стали уговаривать меня поступить на службу в китайскую армию и послужить тем самым благородному делу. Затем последовал неожиданный поворот.

— Вы должны отправиться в Шанхай, — сказал генерал. — Ваши навыки и знания там сейчас нужны больше всего. Я направлю туда же и вашего друга. По Ку. Все необходимые приготовления уже сделаны, теперь остановка лишь за вашим и его согласием.

— В Шанхай? — переспросил я. — По-моему, это ужасное место. Думаю, что там мне придется очень трудно. Однако я знаю, что должен отправиться туда, поэтому я принимаю ваше предложение.

Мы разговаривали еще долго, пока нас не окутали вечерние тени и солнечный день не сменился сумерками.

В конце концов мы решили расходиться. Я встал и вышел во двор дома, где стояла одинокая пальма. От летней жары ее листья увяли, обвисли и приобрели коричневый оттенок. Хуанг терпеливо ждал меня во дворе, удивляясь, почему моя аудиенция так затянулась. Увидев меня, он поднялся. Мы молча направились вниз по тропе, пройдя по маленькому каменному мостику над глубокой пропастью. Мы шли обратно в наш монастырь.

Перед поворотом на тропинку, ведущую к монастырю, лежал большой камень. Мы взобрались на него и долго смотрели на реку. Речной транспорт был весьма загружен работой в эти дни. Небольшие парходики плавали туда-сюда по реке. Из их труб валили клубы дыма, которые ветер подхватывал и развеивал, как черные знамена. Да, сейчас здесь явно намного больше парходов, чем до моего отправления в Тибет, думал я. С каждым днем беженцев становилось все больше и больше. Это были предусмотрительные люди, которые предвидели вторжение японцев в Китай и знали, чем оно чревато. Численность населения и без того перенаселенного города непрерывно возрастала.

Глядя в ночное небо, мы видели, как на нем собираются грозные облака. Мы знали, что этой ночью на город скатится с гор большая гроза. Она зальет пыльные дороги водой и оглушит нас мощными раскатами грома. Была ли эта гроза символом грядущих перемен в Китае? Это вполне могло быть так, потому что в воздухе чувствовалась напряженность, наэлектризованность. Помнится, мы вместе вздохнули, подумав одновременно о будущем этой земли, которую так любили.

Близилась ночь. Первые тяжелые капли дождя ударили по земле и промочили нашу одежду. Мы повернулись и направились в храм, где нас ждал настоятель, с нетерпением ожидавший рассказа о моей встрече с генералом. Я был рад снова встретиться с настоятелем, обсудить с ним новое направление моей жизни.

Мы проговорили до поздней ночи, время от времени прерываемые оглушительными раскатами грома. В конце концов мы уснули под стук тяжелых капель дождя по крыше храма. Утром после богослужения я начал готовиться к вступлению в новый этап своей жизни, который должен был вот-вот начаться. Уже тогда я знал, что для меня этот поворот событий не предвещает ничего хорошего.

ГЛАВА 6 ЯСНОВИДЕНИЕ

Шанхай! У меня не было иллюзий по поводу этого города. Я знал, что скоро Шанхай станет одной из самых горячих точек страны. Однако судьба велела мне направиться туда, и вот мы с По Ку на следующее утро, собрав свои вещи, вместе спустились по ступенчатым улицам к пристани, где нас ждал пароход, плывущий вниз по течению реки в Шанхай.

На корабле у нас была одна каюта на двоих. Я лежал на своей койке и думал о прошлом. Я вспоминал то время, когда впервые узнал о Шанхае. Это случилось тогда, когда мой наставник, лама Мингьяр Дондуп, обучал меня тонкостям ясновидения. Поскольку этот предмет может представлять интерес для многих и зачастую бывает полезен в жизни, я расскажу здесь о том, как меня ему обучали.

За несколько лет до моего отправления в Чунцин я проходил курс подготовки в одном из больших ламаистских монастырей Лхасы. Вместе с другими членами своей группы я сидел в классе, мечтая о том, чтобы урок поскорее закончился и можно было выбежать на улицу. Урок был очень скучным, потому что учитель был занудой, одним из худших, какого только можно было себе представить. Всем в классе было трудно слушать его и оставаться при этом внимательным. А день был одним из тех, когда ярко светит солнышко и по небу бегут легкие кудрявые облака. За окном все манило нас выйти

наружу, под солнечный свет, на свежий воздух. Нам хотелось бежать подальше от этого скучного занятия, на котором нужно было без конца слушать усыпляющий голос учителя.

Вдруг все зашевелились, потому что в класс кто-то вошел. Мы не смели повернуться спиной к преподавателю, чтобы посмотреть, кто это. Мы не могли оглядываться, ведь ОН, должно быть, внимательно следит за НАМИ! Мы услышали шуршание бумаг.

— Мне, кажется, собираются сегодня сорвать урок, — сказал учитель и сильно ударил тростью по столу, в результате чего все в классе от неожиданности подпрыгнули.

— Лобсанг Рампа, подойдите сюда.

Исполненный плохих предчувствий, я встал, повернулся и трижды поклонился. Что же я такого сделал? Возможно, настоятель заметил, как я с крыши бросал камешки на проходящих внизу лам. Или же меня узнали, когда я таскал маринованные грецкие орехи? Или же... Но в этот момент голос учителя положил конец моим опасениям.

— Лобсанг Рампа, достопочтенный Высший Лама, ваш наставник Мингьяр Дондуп, просит вас сейчас же явиться к нему. Идите и будьте там более внимательны, чем здесь.

Я поспешно вышел. Пройдя по коридору и поднявшись по лестнице, я повернул направо и оказался в том крыле здания, где жили ламы.

“Потише ступай здесь, — сказал я себе. — А то, того и гляди, разбудишь какого-нибудь ворчливого старика. Потом хлопот не оберешься. Седьмая дверь направо. Вот она”.

Стоило мне только поднять руку для того, чтобы постучать, как изнутри донесся голос:— Войди! — И я вошел. — Ясновидение никогда не подводит, если вовремя подкрепиться, — пошутил лама Мингьяр Дондуп. — Вот у меня здесь чай и маринованные грецкие орехи. Ты подоспел как раз вовремя.

Он не ожидал, что я приду так быстро, но все равно был рад меня видеть. Мы принялись за еду.

— Я хочу научить тебя смотреть в кристаллы, — сказал он. — Для этой цели мы воспользуемся несколькими такими приспособлениями. Ты должен познакомиться с различными типами кристаллов.

Когда мы закончили пить чай, он повел меня за собой на склад. Здесь хранились всякие удивительные вещи: планшеты, карты Таро, черные зеркала и еще много самых неожиданных предметов. Мы бродили между полками. Он брал один за другим различные предметы, показывал мне их и объяснял, зачем они нужны. Затем, обернувшись ко мне, он сказал:

— А теперь выбери один кристалл, который, по твоему мнению, лучше всего соответствует тебе. Внимательно посмотри и сделай выбор.

Я поочередно останавливал взгляд то на одной, то на другой сфере, каждая из которых представляла собой естественный горный кристалл без единого дефекта. Все они были такого размера, что их нужно было держать двумя руками. Я взял один из них и сказал:

— Вот этот мне нравится больше всего.

— Ты выбрал самый подходящий, — сказав мой наставник, смеясь. — Ты выбрал самый старинный и самый ценный из всех. Если ты сможешь пользоваться им так, как я тебе покажу, он станет твоим.

Выбранный мною тогда кристалл, который хранится у меня по сей день, был найден в пещерах, прорытых под монастырем Потала в незапамятные времена. Раньше никто не знал о магических свойствах кристаллов, и поэтому их называли магическими шариками и давали врачам-ламам, которые учились в медшколе на Железной Горе. Считалось, что в древности подобные кристаллические шары каким-то образом использовались при лечении людей.

Дальше в этой главе я расскажу о стеклянных шарах, черных зеркалах и колбах с водой. Сейчас же я расскажу о том, как мы готовили кристалл к работе с ним. Это довольно интересно, потому что успешное использование кристалла предполагает умение отождествляться с ним.

Понятно, что если физически и психически человек здоров, то у него хорошее зрение. Это справедливо и в отношении видения Третьим Глазом. Поэтому, прежде чем пользоваться любыми приспособлениями, мы стремились достичь гармонии внешнего и внутреннего миров.

Я взял в руки кристалл и посмотрел в него. Когда я держал кристалл в руках, мне казалось, что это тяжелое выпуклое зеркало, в котором в перевернутом виде отражаются окно, дерево и птичка на ветке. Приглядевшись более пристально, я заметил в нем тусклое очертание лампы Мингьяра Дондупа и — как это ни странно — свое собственное отражение.

— Сейчас ты просто играешь кристаллом, Лобсанг. На самом же деле для него есть более подходящее использование. Поэтому пока положи его, накрой чем-нибудь и дождись, пока тебе покажут.

На следующее утро мне за завтраком дали выпить настойку каких-то трав, которые очищают кровь, повышают тонус организма и делают разум более проницательным. Каждое утро и каждый вечер в течение двух недель я принимал эту настойку. Каждый день во второй половине дня я должен был спокойно сидеть полтора часа, положив себе на голову кусок плотной черной ткани, и выполнять специальные ритмические дыхательные упражнения. Все это время мне также следовало уделять особое внимание личной гигиене.

Через две недели я снова пришел к ламе Мингьяру Дондупу.

— Давай пойдем в небольшую тихую комнатку, находящуюся на крыше, — предложил он. — До тех пор, пока ты не привык к ясновидению, тебе нужен абсолютный покой.

Мы поднялись по ступеням и оказались на плоской крыше. С одной стороны здесь находилась небольшая комнатка, в которой Далай-Лама встречался с местными ламами, когда приезжал в Чакпори на ежегодный Праздник Благословения Монахов. И вот теперь эта комната была в нашем распоряжении. Я тоже буду пользоваться ею, подумал я. *Это* действительно была для меня большая честь, потому что в отсутствие Далай-Ламы здесь могли бывать лишь Настоятель и лама Мингьяр Дондуп.

Войдя внутрь, мы сели на подушки, лежащие на полу. У нас за спиной было окно, через которое можно было видеть далекие горы. Они, как стражи, стояли вокруг нашей прекрасной долины. Поталу тоже можно было видеть из этого окна, однако она казалась слишком знакомой, чтобы к ней присматриваться. Мне не терпелось поскорее увидеть что-нибудь с помощью кристалла.

— Повращай кристалл в руках, Лобсанг. При этом смотри на него и скажи, когда найдешь такое положение, в котором все отражения исчезнут. Мы должны исключить все побочные эффекты, все отсветы и блики. Они нас не интересуют. Это один из основных принципов, которые ты должен запомнить. При работе с кристаллом следует устранить все источники света, которые могут отразиться в нем. Эти отражения лишь отвлекают внимание.

С этой целью мы с Наставником садились спиной к северному окну, которое на время завешивали довольно плотной тканью. В комнатке становилось темно, как в сумерки. Теперь, когда я сидел с кристаллом в руках в полузатемненной комнатке, в нем не появлялось никаких бликов — он казался полностью пустым.

— Теперь вытри кристалл вот этой влажной тряпочкой, затем дай ему высохнуть и положи на эту черную ткань. Однако при этом не касайся его руками, — сказал Наставник, сидя рядом со мной.

Я поступил так, как он мне велел: протер кристалл, высушил его и завернул в квадратный кусок черной ткани. Я положил обе руки одну на другую ладонями вверх. При этом кристалл лежал у меня на ладони левой руки.

— А теперь смотри внутрь сферы. Не на ее поверхность, а внутрь. Пристально смотри в самый центр, а затем дай возможность своему видению померкнуть.

Последнее было совсем не трудно для меня, поскольку учителя иногда говорили мне, что, сидя на уроке, я смотрю, но ничего не замечаю перед собой. Я посмотрел в кристалл. Мысли прекратились. Внезапно мне показалось, что сфера в моих руках сверкает, и я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. От неожиданности я вздрогнул, и мое видение потускнело. Я понял, что сижу в комнатке и держу в руках сферический кристалл.

— Лобсанг! Почему ты забыл обо всем, что я говорил тебе? Ты чуть было не *увидел*, когда порыв удивления разорвал непрочную нить. Можешь не стараться — сегодня у тебя все равно ничего не получится, — сказал Наставник. — Вглядываясь в кристалл, следует просто направить внимание на какую-то его внутреннюю деталь. Через некоторое время появляется странное ощущение, что вот-вот провалишься в иной мир. Но пока ты еще здесь, тебе может помешать любой проблеск удивления и любая тень страха. На этапе обучения ясновидению в этом случае лучше всего отложить кристалл на некоторое время и не пытаться ничего *увидеть* до следующего дня, когда ночной сон сотрет все нежелательные впечатления.

На следующий день мы попробовали еще раз. Я сидел, как и раньше, спиной к окну и нашел такое положение кристалла, при котором все посторонние отражения ушли из него. Обычно в таких случаях обучающиеся сидят в позе лотоса, однако тогда у меня болела нога, и поэтому я не мог сидеть в этом положении с ощущением комфорта. В это время удобство положения и расслабленность очень важны. Лучше сидеть в нетрадиционной позе и *видеть*, чем сидеть так как нужно, и не заметить ничего особенного. Поэтому у нас было такое правило: сиди как хочешь до тех пор, пока положение удобно для тебя, потому что любой дискомфорт будет отвлекать внимание.

Я снова пристально посмотрел в кристалл. Рядом со мной неподвижно и ровно, словно высеченный из камня, сидел лама Мингьяр Дондуп. Я думал о том, что должен увидеть. Будет ли это похоже на то, что я увидел в тот день, когда моим глазам впервые открылась аура? Кристалл казался пустым, безжизненным. Ничего я здесь не увижу, подумал я.

Вечерело. Солнце клонилось к горизонту и уже не светило так ярко, как днем. Комната погрузилась в полумрак. В кристалле ничего не отражалось. Черная ткань, лежащая между ладонью и сферой, усиливала впечатление. Однако я должен был смотреть внутрь кристалла.

Внезапно мне показалось, что кристалл ожил. Маленькое белое пятнышко появилось в самом его центре. Постепенно оно начало разворачиваться, как клуб белого дыма. Внутри кристалла словно поднялась буря. Там безмолвно вращался смерч. Дым то сгущался, то рассеивался. Так повторялось несколько раз до тех пор, пока он не затянул собой всю сферу. Он казался мне занавесью, которая что-то закрывает от меня. Я сосредоточился, стараясь пробить брешь в этом препятствии. Вдруг мне показалось, что сфера в моих руках становится очень большой, и я с ужасом почувствовал, что падаю головой вниз в бездонную пропасть. Раздался звук трубы. Облако белого дыма рассыпалось на множество маленьких снежинок, которые растаяли прямо у меня на глазах, словно оказавшись под лучами полуденного солнца.

— Ты был очень близок в этот раз, Лобсанг, очень близок.

— Да. Я бы что-то увидел, если бы не этот звук трубы. Он меня смутил.

— Звук трубы? Неужели ты зашел в этот раз настолько далеко? Этот звук был предупреждением со стороны твоего подсознания о том, что ясновидение и *видение* через кристалл — удел немногих. Завтра мы уйдем еще глубже.

На третий вечер мы с Наставником сидели как и раньше. Снова он напомнил мне обо всех правилах. Этот вечер оказался более удачным. Я легко держал сферу в руках и сосредоточивал внимание на ее невидимых внутренних частях. Клубящийся дым появился почти сразу и вскоре заполнил всю видимую часть кристалла. Я решительно устремил на него свое внимание. “Я прохожу, я прохожу сквозь него прямо сейчас! — думал я. Снова мне показалось, что я куда-то падаю. Хотя в этот раз мне тоже было страшно, но все же я был к этому готов. Я летел в бездну с какой-то головокружительной высоты. Мне навстречу несло облако белого дыма. Оно приближалось и увеличивалось. Лишь хорошая предварительная подготовка дала мне возможность не закричать, когда я на огромной скорости приблизился к этой белизне, а затем — проскочил через нее.

Там внутри сияло солнце. Я удивленно огляделся по сторонам. Наверняка я умер, подумалось мне, ведь я понятия не имею о том, где нахожусь. Какое это странное место! Вокруг меня, сколько я мог видеть, простиралась темная-темная вода. Столько воды сразу я не видел за всю свою жизнь. На некотором расстоянии от меня огромный монстр, похожий на исполинскую рыбину, медленно продвигался по поверхности воды. Над ним возвышалась черная труба, которая извергала в небо то, что казалось мне клубами дыма. Ветер уносил его вдаль. К своему удивлению я заметил, что по спине этой так называемой исполинской рыбы расхаживают маленькие люди. Это было уже слишком! Я хотел было бежать, однако, оглянувшись вокруг, замер от неожиданности. Такого я еще никогда не видел!

Вокруг меня высились многоэтажные дома. Прямо передо мной откуда ни возьмись появился китаец, тянувший за собой какое-то устройство на двух колесах. Это, очевидно, был какой-то извозчик, потому что в его колеснице важно восседала женщина. Это, должно быть, какая-то калека, подумал я, если ее нужно возить в повозке. Навстречу мне шагала тибетская лама. Я замер от удивления, так как оказалось, что он очень похож на ламу Мингьяра Дондупа, только несколько моложе его. Он подошел прямо ко мне, а затем прошел сквозь меня. Меня охватил ужас.

— А-а-а — завопил я, а затем открыл глаза и уставился в темноту. — Неужели я ослеп?

— Ты не ослеп, Лобсанг, — сказал мой Наставник. — На этот раз у тебя получилось. А сейчас позволь открыть шторы. — Он снял с окна затемняющую ткань, и комнатку осветил тусклый вечерний свет.

— Для меня несомненно, что ты наделен великим даром ясновидения, Лобсанг. Это дар нужно лишь немного развить. Нечаянно я коснулся твоего кристалла и увидел то же, что и ты. Должно быть, ты встретил меня на улицах Шанхая много лет назад, что повергло тебя в ужас так же, как и вид уличного рикши? Что ж, это очень хорошо для начала.

Я все еще сидел и слушал его как во сне. Увиденное мною в кристалле было еще очень ярко. Какие странные и ужасные вещи существуют за пределами Тибета! Укрошенные рыбы, которые изрыгают дым и катают людей у себя на спине. Мужчины, таскающие за собой повозки с женщинами. Мне было страшно и думать обо всем этом — тем более, что в эти места мне предстояло отправиться в будущем.

— Теперь тебе следует окунуть кристалл в воду, чтобы устранить из него следы всего того, что ты сегодня видел. Погрузи его в сосуд с водой, дай ему некоторое время полежать на дне на клочке ткани, а затем достань его оттуда, взяв при помощи другого куска ткани. Но старайся не прикасаться к нему руками.

Когда пользуешься кристаллом, очень важно помнить все это. После каждого сеанса ясновидения следует устранять все остаточные эффекты. Дело в том, что кристалл пропитывается впечатлениями человека точно так же, как кусок железа намагничивается, если его поместить возле магнита. В случае намагничивания железа, чтобы размагнитить его, как правило, достаточно удалить его от магнита. Однако для “размагничивания” кристалла недостаточно просто отложить его в сторону после занятий: его следует

окунуть в воду. Если этого не делать, его качества со временем будут ухудшаться. Он будет “обрастать” остатками аур всех людей, которых ясновидящий встретил в своих опытах. В результате картина *видимого* с каждым разом будет все более искаженной.

Кристаллом должен пользоваться только один человек, иначе он будет “набираться” аур других людей точно так же, как и в том случае, если его долго не промывать. Чем чаще сферы касаются посторонние руки, тем менее чувствительной она становится. Нам иногда советовали после нескольких сеансов класть сферу к себе в постель для того, чтобы заряжать ее во время сна своей личной энергией. Того же результата можно достичь, если носить ее все время с собой. Однако как глупо это выглядит — человек повсюду таскает за собой кристаллический шар!

Когда кристалл не используется, его следует заворачивать в черную материю. Никогда не давай возможность прямым солнечным лучам попадать на него, поскольку это очень губительно сказывается на его эзотерических качествах. Не следует также показывать кристалл праздным и любопытным людям. Эта заповедь также имеет под собой основание. Недалекий человек ищет дешевых удовольствий. Его не интересуют подлинные качества предмета, и поэтому своим поверхностным энтузиазмом он разрушает ауру кристалла. Подобно этому, никто не станет давать ребенку в руки дорогой фотоаппарат только для того, чтобы он не плакал.

Таким ясновидением могут заниматься большинство людей, если только им удастся найти соответствующие им кристаллы. Ведь когда человек покупает очки, он прежде всего убеждается в том, что хорошо в них видит. Соответствие кристалла человеку так же важно, как и соответствие очков глазам. Одним лучше подойдут кристаллы горного хрусталя, другим — из обычного стекла. Кристаллы из горного хрусталя считаются самыми мощными.

А теперь я коротко расскажу об истории моего кристалла, которая дошла до наших дней благодаря записям в архивах монастыря Чакпори.

Миллионы лет назад вулканы извергали на поверхность земли пламя и лаву. Глубоко в недрах земли вследствие землетрясений смешивались различные породы. Вулканическое тепло сплавляло их в слитки, во многом похожие на слитки стекла. При землетрясениях эти образования дробились на куски и выносились на поверхность вместе с потоками лавы. Лава растекалась по горным склонам, затвердевала, и большинство слитков оказывались погребенными в ней.

С течением времени твердая лава крошилась под воздействием воды и ветра, обнажая самородки естественного стекла, горного хрусталя. Один из таких самородков был найден жрецами на заре человеческой истории. В те отдаленные времена жрецы были теми, кто владел оккультными знаниями, умея предсказывать будущее и получать сведения об истории предметов с помощью психометрии. Один из них, должно быть, коснулся этого кристалла и был так удивлен его свойствами, что решил прихватить кристалл с собой. Вероятно, уже тогда на поверхности кристалла было чистое место, которое дало возможность человеку получить проблеск ясновидения. Приложив немало усилий, этот жрец и его помощники придали кристаллу округлую форму, поскольку именно эта форма лучше всего подчеркивает оккультные качества. Из поколения в поколение в течение многих веков кристалл передавался от жреца к жрецу, каждый из которых продолжал шлифовать его почти безупречные грани. Со временем он становился все более круглым и прозрачным. В какую-то эпоху ему поклонялись как Глазу Бога. В Век Просветления его использовали для того, чтобы открывать видение Космического Сознания. Как и сейчас, тогда он достигал в диаметре четырех дюймов и был прозрачен, подобно воде. Затем было решено аккуратно завернуть его и на некоторое время положить в каменном ларце, который находился в пещерах под Поталой.

Прошли столетия. Кристалл был обнаружен в пещерах монахами-исследователями. Письмена на ларце были прочтены. “Это Окно в Будущее, — гласили они. — Это кристалл, в котором одаренные могут видеть прошлое и проникать в грядущее, положен

на хранение в пещеру Верховным Жрецом Храма Медицины”. Найденный тогда кристалл был передан в хранилище монастыря Чакпори — так назывался теперь Храм Медицины. Его оставили там до тех пор, пока не встретится человек, который сможет им воспользоваться. Таким человеком оказался я. В течение многих веков кристалл искал меня, и вот наконец мы встретились.

Кристалл горного хрусталя таких размеров — немалая редкость. Он уникален и тем, что в нем нет ни одного дефекта. Таким кристаллом может пользоваться далеко не каждый. Для кого-то этот кристалл может оказаться слишком сильным. Тогда он может подчинить себе человека. В таком случае следует найти новую сферу или же некоторое время постепенно привыкать к прежней.

Лучше всего, когда кристалл имеет размер от трех до четырех дюймов. Однако по большому счету размер не играет роли. Некоторые монахи пользуются для этой цели крохотным драгоценным камешком, вставленным в оправу перстня. Главное, чтобы в камне не было дефектов. Если же они есть, то желательно, чтобы они были незаметны в затемненном помещении. Небольшие кристаллы горного хрусталя или стекла обладают одним преимуществом: они мало весят, и поэтому их нетрудно держать в руках.

Желающий приобрести какой-либо кристалл должен прежде всего ознакомиться с рекламой в “эзотерической” прессе. Кроме того, многие подобные предметы продаются в лавках при цирках и театрах. Однако все купленные таким образом кристаллы, как правило, обладают какими-то дефектами, которые очень трудно обнаружить до тех пор, пока не принес покупку домой. Поэтому лучше всего сначала взять кристалл под залог с тем, чтобы вернуть его, если он окажется непригодным. Принеся чужой кристалл домой, разверни его и промой его в проточной воде. Тщательно вытри его и внимательно рассматривай, положив на черную ткань. Тебя интересует, зачем это нужно? Промывать кристалл следует для того, чтобы устранить отпечатки пальцев других людей, которые могут ошибочно быть приняты за дефекты. А держать на черной ткани следует для того, чтобы не оставить своих собственных отпечатков. Не думай, что Ты сядешь, разок посмотришь в кристалл и тут же увидишь “картинки. Нельзя также обвинять кристалл в том, что у Тебя ничего не получается. Ведь он просто представляет собой инструмент, такой же, как, например, телескоп, который Ты едва ли будешь обвинять, если по незнанию посмотришь в него не с того конца и увидишь лишь уменьшенную картину,

Некоторым людям нельзя пользоваться кристаллами. В таком случае им следует попробовать “черное зеркало”. Его можно сделать очень дешево, если приобрести в автомагазине большое защитное стекло для автомобильной фары. Стекло должно быть выпуклым и довольно гладким. Гофрированные защитные стекла не подходят. Когда нужное стекло найдено тобой поддержи его внешнюю поверхность над пламенем свечи. Подвигай его над свечой с тем, чтобы копоть равномерно распределилась по внешней поверхности защитного стекла. Чтобы копоть не стиралась, ее можно покрыть сверху целлюлозным лаком, который используется для предотвращения коррозии меди.

Когда черное зеркало готово, попробуй работать с ним так, как это делается со сферическим кристаллом. Указания о том, как работать с любыми кристаллами даются ниже в этой главе. Если же Ты пользуешься черным зеркалом, смотри на его внутреннюю поверхность и постарайся затемнить все источники света, которые могут отразиться в нем.

Еще один тип черного зеркала известен среди посвященных под названием “ноль”. Зеркала этого типа похожи на обычные черные зеркала с тем лишь отличием, что закопчена их внутренняя поверхность. Большим недостатком этих предметов является то, что копоть на их внутренней стороне нельзя покрывать сверху лаком, так как при этом образуется блестящая поверхность. Однако зеркала такого типа больше подходит тем, кого часто беспокоят нежелательные отражения.

Существует традиция пристального рассматривания чаши с водой. Чашу для этой цели следует подбирать чистую и ровную. Поставь ее на темную ткань и считай, что это

твой сферический кристалл. В Тибете есть озеро, которое расположено так, что человек смотрит на воду, но почти не видит ее. Это озеро знаменито тем, что иногда к нему приходят Государственные Провидцы, чтобы сделать какое-нибудь важное предсказание. Это озеро на тибетском языке называется Че-кор Гьял-ки Нам-тсо (что в переводе означает Небесное Озеро Победного Шествия Религий) и расположено оно в местности Так-по, которая находится на расстоянии нескольких сот миль от Лхасы. Вокруг высятся снежные вершины, а само озеро окружено горами со всех сторон.

Вода в нем ярко-голубого цвета. Однако иногда, когда человек смотрит на поверхность озера под определенным углом, голубизна начинает переходить в белизну. В таких случаях кажется, что в воду добавили белил. На поверхности озера иногда поднимаются большие волны и образуется пена. Между тем в центре открывается черное отверстие, над которым в воздухе висит плотное белое облако. Видения будущих событий открываются глазу наблюдателя в пространстве между черным отверстием и белым облаком.

В это место, по крайней мере раз в каждой земной жизни, приезжает Далай-Лама. Он останавливается в расположенном поблизости павильоне и созерцает озеро. Здесь он может узнать о многих важных для него грядущих событиях. И что не менее существенно, здесь ему открывается, когда и как он закончит свое текущее земное воплощение. Примечательно, что озеро ни разу не подвело!

Все мы не можем отправиться к этому озеру, однако большинство из нас могут с той же целью воспользоваться кристаллом. Для этого нужно лишь запастись терпением и поверить в возможности этого предмета. Обращаю внимание на то, что под кристаллом я здесь понимаю любой вышеупомянутый предмет: сферу из горного хрусталя или стекла, черное зеркало и чашу с водой. Вот как я предлагаю работать с кристаллами западным читателям.

В течение недели внимательно следи за своим здоровьем. В это время старайся (насколько это возможно в нашем беспокойном мире) избегать волнений и гнева. Ешь немного и не употребляй в пищу ничего жареного и острого. Как можно чаще держи кристалл в руках, однако при этом не пытайся что-то *увидеть*. Дело в том, что когда Ты держишь кристалл в руках, энергия Твоей ауры заряжает его, и к тому же Ты привыкаешь к этому предмету. Не забывай накрывать кристалл всякий раз, когда не работаешь с ним. Если можешь, держи его в ящичке, который запирается на ключ. Таким образом Ты исключишь возможность того, что кто-то в Твое отсутствие поиграет с ним. Попадания прямых солнечных лучей на кристалл тоже, как Ты уже знаешь, не следует допускать.

По истечении семи дней возьми кристалл и уединись с ним в тихой комнате. Желательно, чтобы комната окнами выходила на север. Вечер — самое подходящее время, поскольку в эту пору дня прямые солнечные лучи чаще всего рассеиваются на проплывающих в небе облаках.

Сядь как Тебе удобно, спиной к окну. Возьми кристалл в руки и посмотри, видишь ли Ты на нем отражения каких-то предметов или источников света. Их следует устранить. Для этого нужно завесить окна или изменить положение.

Когда Тебе удастся исключить все отражения от поверхности кристалла, на несколько секунд поднеси его к центру своего лба, а затем снова опусти. Держи кристалл на ладони руки, которая внешней стороной покоится у тебя на коленях. Некоторое время спокойно посмотри на поверхность кристалла, а затем устреми взгляд внутрь, туда, где Ты не можешь ничего видеть. Пусть все мысли покинут Твой ум. Не допускай появления сильных эмоций.

Десяти минут вполне достаточно на первый раз. Постепенно увеличивай время созерцания кристалла с тем, чтобы в конце недели Ты мог смотреть в него полчаса.

На следующей неделе, глядя в кристалл, дай возможность своему уму забыть обо всем как можно скорее. Просто созерцай пустоту, которая существует внутри кристалла. Вскоре Ты обнаружишь, что ее очертания начнут изменяться. Тебе может показаться, что

вся сфера увеличивается в размере или же что Ты сам падаешь в нее. Так должно быть. Пусть это ощущение не вызывает у тебя удивления, потому что в этом случае сеанс *видения* придется отложить до следующего вечера. Среднестатистический человек, как правило, начинает *видеть* “вспышками”, которые во многом сходны с мимолетными картинками, возникающими во время медленного засыпания.

После некоторой практики Тебе покажется, что кристалл начинает увеличиваться. В один из последующих вечеров Ты увидишь, что он сияет, или же что внутри кристалла клубится белый дым. Рано или поздно, дым развеется — при условии, что Ты не испугаешься его, — и Ты *увидишь* картину. Кик правило, вначале видят сцены из прошлого, которые каким-то образом связаны с наблюдателем, держащим в руках кристалл. Продолжай заниматься до тех пор, пока не сможешь видеть все, что хочешь. Для того, чтобы что-то увидеть, лучше всего сказать себе вслух: “Сегодня я собираюсь побывать там-то или там-то”. Если Ты веришь в то, что это возможно, ты действительно *увидишь то*, что задумал. Это очень просто.

Для видения будущего прежде всего нужно систематизировать все имеющиеся факты. Вспомни все, что имеет отношение к текущему состоянию дел и повтори про себя эти сведения. Затем спроси у кристалла то, что Тебя интересует, и Ты увидишь будущее, которое хочешь знать.

Одно предостережение. Нельзя пользоваться кристаллом с целью получения личной выгоды или для предсказания результатов гонок — то есть для того, чтобы приобрести что-то за счет других. В оккультной сфере действует незыблемый закон, согласно которому все зло, содеянное человеком, рано или поздно возвращается к нему. Этот закон столь же безжалостен, как и само время.

Через некоторое время Ты достигнешь совершенства в использовании кристалла для прояснения ситуации, в которой находишься. Захочешь ли Ты после этого попробовать его действие в отношении других людей? В таком случае окуни кристалл в воду, и затем высуши не касаясь его руками. Дай его другому человеку со словами:

“Держи кристалл двумя руками и реши *что* ты хочешь знать. Затем верни его мне”. Естественно, Ты должен предупредить этого человека, чтобы он не разговаривал и не беспокоил Тебя впоследствии. Желательно, чтобы при первых попытках это был хороший друг, потому что ученикам бывает трудно демонстрировать свои способности в присутствии незнакомых людей.

Когда друг вернет Тебе кристалл. Ты должен снова взять его в руки. В этом случае можно держать его на куске ткани или голыми руками, потому что Ты уже “зарядил” кристалл аурой другой личности. Теперь сядь поудобнее, подними кристалл ко лбу, а затем положи руки с кристаллом себе на колени. Посмотри в него и дай возможность своим мыслям уйти. Поначалу это будет нелегко, потому что в присутствии другого человека трудно сохранять концентрацию.

Если Ты довольно долго занимался так, как я описал в этой главе, то в Твоем пустом сознании могут возникнуть три типа видений: подлинные образы, символы и впечатления. Следует стремиться к тому, чтобы возникали подлинные образы. При этом, когда облака в кристалле рассеются, ты будешь видеть реальную картину того, что должно произойти. В данном случае нет никаких трудностей с их интерпретацией.

Однако некоторые люди *видят* не подлинные образы, а символы. Такой человек может, например, увидеть строку из букв “X” или руку. Может случиться и так, что перед ним предстанет мельница или кинжал. Однако, что бы Ты ни увидел, если захочешь. Ты сможешь научиться интерпретировать подобные видения.

И наконец, у Тебя могут появиться одни лишь впечатления. При этом в поле зрения остается свечение или клубы дыма, однако возникают некоторые довольно однозначные впечатления или чувства. В этом случае важно не идти на поводу у эгоистических интересов и не рассматривать эти переживания сквозь призму своего отношения к человеку, судьбу которого Ты предсказываешь.

Подлинный Провидец никогда не говорит другим о дате их предполагаемой смерти, и даже о самой такой возможности. Ты будешь знать эту дату, однако никогда ни при каких обстоятельствах Ты не должен называть ее. Ты не должен также предупреждать человека о приближающейся болезни. Вместо этого Тебе следует сказать:

“Желательно, чтобы вы были более внимательны, чем обычно, в такой-то день”. И никогда не говорите женщине: “Я вижу, что ваш муж не погиб, а уехал отдыхать с девушкой, которая...” Дело в том, что если Ты пользуешься кристаллом правильно, Ты действительно будешь знать, с кем и куда он поехал. Однако будет лучше, если Ты скажешь, что он уехал по делам или к родственникам. Никогда, никогда не говори того, что может причинить несчастье или толкнуть людей к разводу. Это будет неправильным использованием кристалла.

Применяй свою способность предсказывать будущее только в тех случаях, когда это нужно для блага людей, и тогда благо вернется к Тебе. Если Ты ничего не видишь в кристалле, так и скажи об этом своему клиенту. Он будет уважать Тебя за искренность. Ясное дело, что Ты всегда можешь выдумать что-то и выдать это за увиденное. Однако в этом случае Ты можешь сказать что-то такое, чего заведомо не может быть. Человек, который пришел к Тебе за помощью, узнает о том, что Ты солгал, и от этого пострадает Твоя репутация. Кроме того, Ты бросишь тень на все оккультные науки в целом.

“После того как Ты предсказал что-то будущее, аккуратно заверни кристалл и бережно отложи его в сторону. Когда этот посторонний человек уйдет, я советую Тебе окунуть кристалл в воду, вытереть его насухо, а затем подержать некоторое время в руках для того, чтобы пропитать его собственной энергией. Чем дольше Ты пользуешься кристаллом, тем лучше он становится. Старайся не царапать его и каждый раз после сеанса заворачивай его в черную ткань. Если можешь, клади его в ящичек, который закрывается на ключ.

Дело в том, что у кристаллов есть “вредители”. Кошки, например, любят подолгу сидеть и созерцать. Поэтому, если Ты не хочешь в следующий раз узнать историю жизни своей кошки, держи кристалл так, чтобы она его не видела. Такие случаи действительно бывают. В Тибете в некоторых монастырях кошки стерегут драгоценности. Когда кошки заканчивают дежурство, монахи могут без труда узнать о том, были ли попытки украсть драгоценности.

Настоятельная просьба к каждому, кто собирается серьезно заниматься созерцанием кристаллов: прежде всего следует выяснить, зачем это нужно. Ведь оккультизм — это обоюдоострый меч, и поэтому те, кто начинают “играть” с эзотерическими силами из простого любопытства, зачастую заканчивают психическими расстройствами. Эти силы дадут Тебе радость, которая приходит, когда знаешь, что помог другому человеку. Однако Твои переживания могут оказаться и неприятными. Если Ты не уверен, что Твои намерения чисты, лучше просто прочесть эту главу и не начинать никаких занятий.

Остановив свой выбор на каком-то одном кристалле; не меняй его. Привыкни хотя бы один раз в день или один раз в два дня прикасаться к нему. Древние сарацины никогда не демонстрировали меч, если не собирались пролить кровь. Они не показывали его даже друзьям. Если же по какой-то причине они вынуждены были достать его из ножен, то прокалывали себе палец, чтобы “оросить меч кровью”. Точно так же следует поступать и с кристаллом. Если Ты показываешь его кому-нибудь, обязательно что-нибудь прочтя в нем, даже если это будет какое-то событие Твоей жизни. Предскажи что-нибудь, однако не рассказывай сразу же присутствующим Об этом.

ГЛАВА 7 ВПЕРЕД СПАСАТЕЛИ.

Пароход медленно вошел в залив Сучоу и остановился у причала. На палубу шумной толпой поднялись портовые грузчики. Они что-то кричали друг другу и

жестикулировали. Наши вещи тут же переправили на берег. Вслед за ними высадились на берег и мы с По Ку. Рикша доставил нас по улице Бунд в центр города, где я остановился для проживания в одном из храмов.

Поначалу мы с По Ку не могли прийти в себя в этом мире шума и гама. Дело в том, что Шанхай — очень беспокойный город: с утра до вечера в нем кипит жизнь. В эти дни он был еще более шумным чем обычно, потому что в город готовились вторгнуться японцы. Некоторое время пограничники обыскивали всех иностранцев, которые пересекали мост Марко Поло. Обыск зачастую вызывал смущение у этих людей. Люди на Западе не могут понять, как может быть так, что японцы и китайцы не стыдятся своего тела. Однако при обысках оказалось, что они не стыдятся его только в своих мыслях. Когда же обыскивали европейцев и американцев, они чаще всего воспринимали это как оскорбление, хотя пограничники и не думали их оскорблять.

Поселившись в Шанхае, некоторое время я работал частным врачом. Однако для меня как для восточного *человека*, “время” тогда ничего не значило. Я никогда не задумывался над тем, что идет такой-то год. Мне казалось, что все мгновения слиты в одно. Как независимо практикующий врач, оказывал людям медицинскую и психологическую помощь. Я принимал пациентов у себя в приемной и, кроме того, посещал их в госпиталях. У меня практически не оставалось свободного времени. В свободное от работы с больными время уходило у меня на изучение воздушной навигации и теории полета. В течение долгих часов после наступления сумерек я летал над мерцающим огнями городом и над сельской местностью, где я мог руководствоваться лишь тусклыми огоньками бедных крестьянских домиков.

Годы проходили незаметно для меня. Я *был* слишком занят, чтобы следить за тем, как дни следуют один за другим. Городской Совет Шанхая хорошо зная меня и часто пользовался моими профессиональными навыками. В эти годы я познакомился с одним белым *человеком*, русским. Богомоллов был одним из тех, кто бежал из Москвы во время революции. В то трагическое время он потерял все, что у него было, и теперь служил клерком в Городском Совете. Он был первым белым *человеком*, с которым я познакомился, а познакомился я с ним близко. Это был очень хороший человек.

Он тоже ясно видел, что Шанхай не устоит перед агрессией. Как и китайцы, он не сомневался в том, что грядет трагедия.

Седьмого июля 1937 года на мосту Марко Поло произошел инцидент. О нем очень много писали, и я не собираюсь здесь всего этого повторять. Этот инцидент примечателен лишь тем, что послужил толчком для начала японо-китайской войны. Все перешло на рельсы войны. Приближались тяжелые времена-Японцы вели себя вызывающе и жестоко. Многие иностранцы и состоятельные китайцы предвидели надвигающуюся катастрофу. Они эвакуировали свои семьи и сами переехали в другие районы Китая, такие как Чунцин. Воспользовавшись уменьшением численности горожан, крестьяне из окрестных деревень хлынули в город. Очевидно, они по какой-то причине думали, что безопаснее всего там, где больше людей.

По городу днем и ночью колесили грузовики с бойцами из подразделений Интернациональной Бригады. В эту Бригаду набирали наемников из многих стран мира для того, чтобы поддерживать порядок в городе. Иногда среди них оказывались обычные уголовники, которых наняли потому, что они были жестокими. Если они становились свидетелями какого-нибудь инцидента в городе, они сразу же применяли силу, и без предупреждения, без разбирательства и выяснений пускали в ход свои пулеметы, автоматы и пистолеты. При этом чаще всего погибали невинные люди, тогда как злоумышленникам, как правило, удавалось скрыться. Среди шанхайцев бытовало мнение, что намного лучше иметь дело с японцами, чем с краснолицыми варварами, как называли бойцов Интернационального Полицейского Подразделения.

Некоторое время я лечил женщин, выступая в роли терапевта или хирурга. Надо сказать, что тогда, в предвоенном Шанхае, я приобрел очень ценный опыт, который неоднократно выручал меня впоследствии.

Инциденты в городе случались все чаще. Везде ходили слухи об ужасах японской оккупации. Войска и боеприпасы в огромных количествах переправлялись из Японии в Китай. На своем пути захватчики грабили, насиловали и убивали китайских крестьян. К концу 1938 года враг вплотную подошел к городу. Почти безоружные, немногочисленные китайские войска сражались не на жизнь, а на смерть. Лишь немногие испугались приближения японских орд и дезертировали. Китайцы сражались так, как сражаются лишь те, кто защищает свою страну, однако враг превосходил численностью и подготовкой. Шанхай был объявлен открытым городом с тем, чтобы во время бомбежек не пострадали исторические места. Город был беззащитен. У жителей не было никакого оружия. Все военные вышли из города, который наводнили беженцы. Коренное население почти полностью выехало из города. Университеты, культурные и образовательные учреждения, конторы больших фирм и банков перебрались подальше в глубь страны, в такие города, как Чунцин. Свободные здания заняли беженцы разных национальностей и сословий. Они бежали в город от японцев, веря в то, что безопаснее там, где больше людей.

Воздушные налеты на город учащались, однако люди постепенно привыкали к ним и реагировали на звуки сирен не так, как поначалу. Затем в одну из ночей японцы действительно сбросили на город бомбы. Они подняли в воздух все свои самолеты, и даже истребители в эту ночь несли на своих крыльях бомбы. Пилотам дали в кабины гранаты, которые они должны были выбросить на город. И вот ночное небо заполнили самолеты, летящие густой сетью над беззащитным городом. Как полчища саранчи, они кружили в воздухе, и как после полчищ саранчи, после них ничего не оставалось. Бомбы бросали где попало, без разбора. В этот ночной час город представлял собой море горящих зданий. У нас не было чем защищаться.

Около полуночи в самый разгар налета я вышел на улицу. Я как раз вышел из дома, куда меня вызвали к умирающей женщине. И вот я увидел, как металл сыплется с неба, и задумался над тем, куда можно укрыться от него. Внезапно я расслышал приближающийся свист падающей бомбы. Он нарастал и скоро превратился в вой, а затем в душераздирающий визг. Вдруг мне показалось, что меня подхватила огромная рука. Я был словно поднят в воздух, а затем изо всей силы брошен на землю. Затем у меня создалось впечатление, что все звуки затихли, вся жизнь прекратилась. Я будто пребывал в какой-то беспредельной пустоте, будто полностью отсутствовал.

Несколько минут я лежал почти без сознания, еле дыша, думая о том, умер ли я уже или нет, и если умер, то в какие миры должен отправиться. Я медленно поднялся и огляделся, не понимая, где оказался. Пять минут назад я шел по улице, по обе стороны которой стояли дома, а теперь я находился среди безжизненных руин, среди пыли, забрызганной кровью, и частей человеческих тел. Дома были переполнены людьми, когда поблизости упала тяжелая бомба. Все это произошло так близко от меня, что сразу после взрыва я оказался в разреженном воздухе. По какой-то непонятной причине я не слышал звука и не пострадал. Вид этой кровавой бани был невыносим. Утром мы сложили все тела в одну кучу и сожгли их, чтобы предотвратить распространение чумы. Дело в том, что под палящими лучами солнца тела начинали очень быстро разлагаться. Целыми днями мы раскалывали развалины в надежде спасти каждого, кто не погиб во время бомбежки. Мы выкапывали много трупов и сжигали их на месте, чтобы в городе не распространялись болезни.

Однажды во второй половине дня я пересек один из дугообразных мостов, переброшенных через канал, и оказался в старом районе Шанхая. Справа от меня в закоулке несколько китайских астрологов предсказывали людям судьбы. Они важно восседали за своими столиками, предсказывая обеспокоенным людям, выживут ли они в ходе этой войны, и скоро ли улучшится их жизнь. Я с любопытством поглядывал на этих

людей и думал о том, действительно ли они верят в слова предсказателей, которые зарабатывают деньги на своих Пророчествах. Предсказатель записывал имя своего клиента, а затем по специальной схеме выбирал последовательность иероглифов, которая давала ему возможность судить об исходе войны, о судьбе ушедших на фронт кормильцы семьи.

В некотором отдалении от предсказателей будущее другие астрологи выполняли роль публичных писарей. Они писали письма тем, кто хотел послать в другую часть страны весточку, например о своих семейных делах. Они неплохо зарабатывали на писании писем за тех, кто не умеет писать. Они писали письма открыто. Всякий прохожий, которому вздумается остановиться и послушать, мог узнать из громких слов писаря, о чем идет речь в письме. В Китае у человека не бывает секретов от других, а писари зачастую выкрикивают содержание писем для того, чтобы потенциальные заказчики писем слышав как красноречиво они умеют выражаться.

Я продолжил свой путь в госпиталь, где должен был сделать несколько операций. Я прошел мимо киоска торговцев благовониями, мимо букинистов, которые, как мне показалось, всегда устраиваются на набережных и обычно раскладывают свои книги для просмотра возле самой воды. Дальше находились лавки торговцев культовыми предметами. Здесь можно было приобрести статуэтки божеств Хо Тай и Куан Йин, первый из которых является богом благополучия, а вторая — богиней сострадания.

Добравшись до госпиталя, я быстро справился со своей задачей. Но в это время начался налет японских бомбардировщиков. Поэтому, когда я возвращался обратно по той же дороге, на улице не было больше ни лавок, ни букинистических магазинов. Никто больше не продавал здесь утварь, благовония, потому что все и люди, и их товары — было обращено в прах. Везде горела дома, рушились здания. Все превращалось в пыль.

Однако у нас с По Ку во время пребывания в Шанхае были и другие задания. Мы исследовали возможность организации скорой медицинской помощи на самолетах, которая действовала бы непосредственно под началом Чан Кай Ши. Мне хорошо запомнился один из таких полетов.

День был прохладным. Мохнатые облака быстро проплывали над головой. Откуда-то из-за горизонта доносились монотонные звуки разрывающиеся японских бомб. Иногда можно было расслышать также гул моторов бомбардировщиков, которые носились где-то там, как пчелиный рой в жаркий полдень. По ухабистой дороге на обочине которой мы сидели, в этот день прошло много человеческих ног, и это был не первый такой день. Крестьяне, кто как мог, спасались бегством от беспощадных японцев.

Старики, которым уже оставалось недолго жить, толкали впереди себя одноколенные тележки со всеми своими пожитками. Рядом с ними шли, согнувшись до земли под тяжестью нош, крестьяне. Почти безоружные солдаты шагали в противоположном направлении. Их скудный паек и снаряжение везли рядом на телегах, запряженных быками. Эти люди шли на верную смерть. Но они верили, что смогут остановить продвижение врага в глубь страны, защитят свою страну и свой дом. Они иступленно шагали не зная куда, не зная, что ждет их впереди.

Мы укрылись от солнца под крылом старого трехмоторного самолета, который уже немало полетал еще до того, как оказался в наших нетребовательных руках. Краска отставала от его обтянутых тканью крыльев. Широкие шасси не раз ремонтировались и были укреплены бамбуковыми палками, а хвостовой костыль был заново скреплен ненужной деталью от старого автомобиля. Мы называли этот самолет Старым Аби". Он еще ни разу не подводил нас. Его двигатели, правда, не раз уже останавливались, но по одному, а не все вместе. Это был моноплан с высокими крыльями, сделанный одной из известнейших американских фирм. У него был деревянный, обтянутый тканью корпус, во времена проектирования которого об обтекаемых поверхностях еще ничего не было известно. Обычная для него скорость — 120 миль в час — в те времена казалась как

минимум в два раза большей. Провисающая обшивка, скрипящие лонжероны и широкая выхлопная труба завершали его портрет.

Много лет назад кто-то нарисовал на его широких белых крыльях и фюзеляже большие красные кресты. Теперь крылья были испачканы, а краска почти полностью обсыпалась. Масло от моторов добавило к оформлению крыльев жирные желтые пятна, которые издали выглядели как роспись в старинном стиле. Бензин, просачивающийся из баков и раздуваемый ветром, разукрасил ткань множеством различных оттенков. И наконец, заплаты, появляющиеся время от времени в новых местах, придавали старому самолету довольно необычный вид.

Наконец, звуки бомбежки затихли вдали. Завершился еще один рейд японских самолетов, и теперь пришло время для нас подниматься в небо. Мы еще раз проверили, на месте ли наше скудное оборудование: две пилы, одна большая, другая малая, заостренная на конце; различной формы ножи, всего четыре штуки. Один из них был когда-то ножом мясника, а другой служил для ретуширования фотографий. Еще два ножа были скальпелями с самого начала. Несколько хирургических щипцов. Два шприца для подкожных впрыскиваний с ужасно тупыми иглами. Один отсасывающий резиновый шприц. Вербки. Да, мы никогда не забывали их. Ведь никаких обезболивающих средств в нашем распоряжении не было, и во время операций пациентов обычно приходилось просто привязывать.

В тот день пришел черед По Ку быть пилотом, а мне — выглядывать из хвостового окошка и следить за тем, не приближаются ли к нам японские истребители. У нас на борту не было никакой внутренней связи. Для передачи сообщений использовалась обычная веревка, один конец которой был привязан к пилоту, а другой — к наблюдателю. Сообщения кодировались количеством рывков этой веревки.

Я осторожно крутанул пропеллеры. Дело в том, что двигатели «Аби» часто давали задний отскок. Один за другим моторы зачихали, выпустили по несколько клубов черного маслянистого дыма и заработали в нормальном рабочем ритме. Я поднялся на борт и протиснулся в хвост самолета, где в ткани было проделано небольшое оконце для наблюдения за окружающим пространством. Два рывка за веревку, и По Ку уже знает, что, втиснувшись между распорками и сидя на корточках у «кошка», я занял свою позицию наблюдателя. Рев двигателей усилился, самолет вздрогнул и покатил по полю. Раздался скрежет шасси и скрип бамбукового крепления. Хвост прыгал вверх и падал вниз, а я при этом чувствовал себя как горошина в стручке. В последний раз подскочив вверх и задребезжав, старый самолет наконец поднялся в воздух. Звук двигателей утихал по мере того, как мы удалялись от земли, и По Ку понемногу отпускал рычаг газа. Над самыми верхушками деревьев мы попали в воздушную яму, в которой самолет сильно трянуло. При этом я чуть было не вылетел из окошка. Несколько сильных рывков за веревку от По Ку означали:

— Ну вот, опять эта воздушная яма! Лобсанг, ты все еще на борту?

В нескольких моих довольно резких ответных рывках отразилось все, что я думал о его взлетах.

По Ку замечал то, что находится впереди по курсу самолета. Я же следил за панорамой, открывающейся сзади. На этот раз мы летели в деревню, которая находилась в провинции Вуху. Японцы совершили несколько налетов на эту деревню, в результате чего там было очень много пострадавших. К несчастью, рядом не оказалось медицинских работников.

Мы с По Ку по очереди выполняли функции пилота и наблюдателя. У «Аби» было много слабых мест, а японские истребители были очень быстроходными. Случалось, нас спасала именно их скорость. Мы могли при полной загрузке лететь на скорости пятьдесят миль в час, а японские пилоты были не особо меткими стрелками. Шутя, мы говорили, что безопаснее всего находиться прямо перед ними, потому что реже всего они попадали в мишень, которая находилась у них перед носом!

Я не сводил глаз с горизонта, в любой миг ожидая появления в поле зрения ненавистных “кровопийц”, как окрестили мы японские истребители. Желтая река проплыла у нас под хвостовым костылем. Веревка натянулась три раза.

— Приземляемся! — просигналил По Ку. Нос ушел вниз, а рев двигателей сменился благозвучным “вик-вик-вик-вик” медленно вращающихся пропеллеров. Мы заскользили вниз, сбросив обороты практически до нуля. Скрип рулей в тишине, когда По Ку начал заходить на посадку. Шуршание и шлепанье обшивки крыльев на ветру. Снова рев моторов, грохот шасси по земле и сильная тряска самолета во всех воображимых направлениях. А затем наступает мгновение, которого с ужасом ожидает несчастный наблюдатель у хвостового окна самолета. Это момент касания земли хвостовым костылем, когда его металлическая подкова глубоко врежется в землю, поднимая в воздух облака удушливой пыли, запах которой напоминает о том, что китайцы удобряют поля своими экскрементами.

Я с трудом вылез из ограниченного пространства, в которое так долго было втиснуто мое тело. Воль пронизывала меня с головы до ног, когда в затекших конечностях возобновлялось нормальное кровообращение. Через некоторое время по наклонному фюзеляжу я подполз к люку, который По Ку уже открыл. Мы спрыгнули на землю. Со всех сторон к нам бежали люди.

— Пожалуйста поскорее к нам, у нас много раненых! Генерал Тиен пробит насквозь железным прутом!

В полуразвалившейся лачуге, которая служила теперь госпиталем, выпрямившись сидел генерал. Желтая кожа его лица стала теперь серо-зеленой от боли и невероятной усталости. Сразу же над левым паховым каналом у него торчал блестящий стальной шкворень. Он был похож на рычаг для переключения коробки передач. Что бы это ни было, оно вонзилось в его тело вследствие близкого взрыва бомбы. Было件件но, что я должен удались шкворень как можно скорее. Другой его конец, который торчал со спины над левым крестцово-подвздошным суставом, был тупым и закругленным. Должно быть, проходя через брюшную полость, это прут не задел толстую кишку или же оттолкнул ее в сторону.

После внимательного обследования пострадавшего я отозвал По Ку в сторонку. Сказав ему несколько слов так, чтобы никто меня не слышал, я послал его к самолету с необычным заданием. Пока он отсутствовал, я тщательно промыл раны генерала и стальной прут. Генерал был щуплым и пожилым, однако держался молодцом. У нас не было обезболивающих средств. Я предупредил его об этом и сказал, что постараюсь работать как можно аккуратнее.

— Однако как бы я ни старался, вам будет больно, — предупредил я. — Я сделаю все что в моих силах, чтобы облегчить ваши страдания.

Мои слова ничуть не смутили его.

— Приступайте, — сказал он. — Если вы ничего не сделаете, рано или поздно я все равно умру, поэтому мне нечего терять.

От ящика для припасов, который стоял поблизости, я оторвал фанерку площадью около восемнадцати квадратных футов и сделал в ее центре отверстие, которое подходило бы по диаметру к металлическому пруту. К этому времени По Ку вернулся с набором самолетных инструментов. Мы осторожно надели фанерку на шкворень, и По Ку плотно прижал ее к телу пострадавшего. Я в это время взял за прут большими щипцами и легонько потянул. Прут не сдвинулся с места, а несчастный генерал побелел.

“Что же делать? — думал я. — Мы не можем оставить эту железяку торчать здесь, поэтому — пан или пропал!” Я уперся коленом в По Ку, который держал прут, крепче ухватился за щипцы и что было сил потянул его на себя, немного покручивая. С ужасным чавкающим звуком прут вышел из тела, и я, потеряв равновесие, упал и ударился затылком о пол.

Быстро поднявшись на ноги, я опять подошел к генералу и принялся останавливать кровотечение из раны. Заглядывая в рану с помощью фонарика, я убедился, что в теле ничего серьезно не повреждено. Поэтому мы прочистили рану до той глубины, до которой смогли достать, а затем зашили ее. После того как генерал принял некоторое количество стимулятора, цвет его лица заметно улучшился, и — по его словам — он был счастлив.

Теперь генерал мог лечь на бок, тогда как до этого он мог только сидеть вертикально, постоянно ощущая в теле вес железного прута. Я оставил По Ку, чтобы он помог генералу одеться, а сам направился к следующей жертве, которой оказалась женщина. Ей взрывом оторвало ногу выше колена. Жгут был наложен слишком плотно и слишком давно. Чтобы спасти ее, нужно было ампутировать остаток ноги.

Мы попросили мужчин снять с петель дверь и привязали к ней женщину. На эту операцию у меня ушло больше получаса. Для женщины это были полчаса агонии, однако все это время она лежала совершенно спокойно, не издавая ни единого стога и даже не вздрагивая. Она знала, что находится в руках друзей. Она знала, что все наши действия направлены на то, чтобы помочь ей.

Были и другие пострадавшие. Были небольшие травмы, но были и серьезные ранения. К тому времени, когда мы закончили свое дело, уже стемнело. Сегодня весь день пилотировать должен был По Ку, но поскольку он плохо видел в сумерках, сесть за штурвал пришлось мне.

Мы быстро вернулись к самолету и аккуратно сложили в него свои принадлежности. На этот раз они тоже верно послужили нам. Затем По Ку крутанул пропеллеры, и моторы начали работать. Из выхлопной трубы самолета вырывались синекрасные языки пламени. Наверное, в глазах тех, кто никогда раньше не видел самолета, мы выглядели огнедышащим драконом. Я забрался в кабину и тяжело опустился на сидение пилота. Мои глаза слипались от усталости, и мне приходилось прилагать усилия для того, чтобы держать их открытыми. По Ку поднялся на борт самолета после меня. Едва успев закрыть за собой дверцу, он упал на пол и уснул мертвым сном. Жестами я попросил людей, собравшихся возле самолета, оттянуть большие камни, которые препятствовали движению самолета.

С каждой минутой становилось все темнее. Я едва различал силуэты деревьев на фоне неба. Хорошо зная эту местность, я вслепую развернул самолет в том направлении, которое, как мне казалось, было направлением взлетной полосы. Ветра не было. Я запустил все три двигателя на полные обороты. Моторы заревели, и самолет, набирая скорость, затрясся по взлетной полосе. В темноте я не мог разглядеть приборов на панели управления. У нас не было фар, и поэтому спустя некоторое время после начала разгона я почувствовал, что нахожусь недалеко от конца взлетной полосы. Я потянул на себя рычаг управления. Самолет устремился вверх, но затем дрогнул и ушел вниз. Однако через мгновение он снова рванулся вверх и на этот раз оторвался от земли. Набирая высоту, самолет описал большой круг над местностью. Поднявшись до высоты холодных ночных облаков, я выровнял полет и стал оглядываться по сторонам в поисках ориентира — Желтой Реки. Вскоре я обнаружил ее. Она терялась слева по курсу, выделяясь едва заметным блеском на фоне более темной земли. Я оглядывался с целью заметить какой-нибудь другой самолет. Мы были беззащитны. По Ку крепко спал на полу самолета, и поэтому следить за окружающим воздушным пространством из окошка в хвосте самолета было некому.

Поднявшись на нашу обычную высоту и сориентировавшись, я откинулся на спинку кресла и подумал о том, насколько изнурительны эти полеты в удаленные районы с целью оказания помощи пострадавшим от бомбежек. Мы должны были изощряться в том, чтобы любыми средствами вернуть к жизни несчастные, истекающие кровью тела. Я вспомнил фантастические рассказы о госпиталях в Англии и Америке, о невероятном количестве лекарств и инструментов, которыми, как утверждалось, изобилуют эти

госпитали. Однако здесь, в Китае, для лечения больных мы должны были экономить лекарства, а также изощряться и использовать всевозможные подручные предметы.

В почти полной темноте посадка была тоже довольно сложной. В крестьянских домиках мерцали лишь тусклые огоньки масляных ламп. Эти огоньки едва заметно выделялись на фоне более темных очертаний деревьев.

Однако старый самолет нужно было как-то посадить, и вот через несколько минут мы уже грохотали по взлетной полосе, вспахивая землю хвостовым костылем. При посадке По Ку не проснулся — так крепко он спал. Я выключил моторы, вылез из кабины, подставил под колеса тормозные башмаки, а затем вернулся в кабину, закрыл за собой дверцу и тоже уснул на полу.

Ранним утром мы оба проснулись от криков снаружи. Когда мы открыли дверцу, оказалось, что вместо выходного, на который мы так рассчитывали, нам предстоит полет. Мы должны были лететь с генералом на борту в другой район, где ему предстояло встретиться с Чан Кай Ши и обсудить с ним ход войны в провинции Нанкинг. Однако генерал был еще не совсем здоров. Он был ранен и только недавно начал поправляться. Мы подумали, что он лишь пугает нас предстоящим полетом. Дело в том, что он был очень тщеславным человеком, и поэтому большинство офицеров не любили его. Поскольку генерал обращал большое внимание на внешний вид военнослужащих, прежде чем отправиться к нему, нам следовало немного привести себя в порядок. Мы направились туда, где лежали наши вещи, чтобы помыться и переодеться.

Пока мы переодевались, начался ливень. Наше настроение стало еще хуже, когда мы поняли, что весь этот день будет пасмурным. Дождь! Мы ненавидели его, как и все китайцы. Одной из типичных черт Китая были храбрые, возможно даже самые смелые в мире солдаты, которые ненавидят дождь. В Китае дождь всегда представляет собой ливень, который порой не утихает часами. Он заливает водой все. Каждый человек, оказавшийся под таким дождем, промокает до нитки. Направляясь к самолету под зонтиками, мы увидели, на что способны китайские солдаты. Они маршировали по раскисшей дороге, которая пролегла вдоль взлетной полосы. Солдаты пришли в уныние от непрекращающегося дождя. Они удрученно брели вперед, закрыв свое оружие брезентовыми сумками, накинутыми на плечи. За плечами у них были завязанные веревками вещмешки, в которых они держали все свои скромные пожитки, а также боеприпасы и еду. На головах были соломенные шляпы, и в руках — зонтики, сделанные из бамбуковых палочек и промасленной бумаги. Солдат с зонтиком в руке казался нам смешным. Но если по дороге маршируют пятьсот или шестьсот таких солдат, в этом уже нет ничего смешного. Мы тоже пользовались зонтиком, чтобы добраться до своего самолета.

Подойдя к самолету, мы удивленно уставились на толпу людей, которая собралась возле него. Большинство из них были здесь для того, чтобы поддерживать брезентовый навес над головой генерала. Он величественным жестом подозвал нас к себе.

— Кто из вас провел в воздухе больше часов? — Спросил он.

— Я, генерал, — устало ответил По Ку. — Я летаю уже десять лет, однако мой друг намного лучший пилот, чем я. Он более опытен в этих делах.

— Я здесь решаю, кто лучше, а кто хуже, — сказал генерал. — Ты полетишь, а он будет наблюдать за окружающим пространством из хвостового окна.

Поэтому По Ку отправился в кабину, а я полез в свой наблюдательный пункт. Завели моторы. Из своего маленького окошка я видел, как генерал и его свита поднимаются на борт. У дверцы было много суеты. Они долго кланялись друг другу и церемонно пропускали вперед более почтенных членов свиты. В конце концов дверь закрыли, и два механика оттянули от колес тормозные башмаки. Я помахал По Ку, он дал мне условный сигнал с помощью веревки и начал выруливать на взлет.

Этот полет не предвещал нам ничего хорошего. Мы должны были пролететь над японскими войсками, а японцы весьма равнодушны к тем, кто летает над их боевыми

позициями. Однако наше положение усугублялось еще и тем, что нас должны были сопровождать три — всего лишь три — истребителя. Мы знали, что они не отпугнут, а скорее привлекут внимание японцев, потому что те заинтересуются трехмоторным самолетом, который эскортируется тремя истребителями. Однако генерал не стал нас слушать, заявив, что он здесь главный, и отдавать приказы надлежит ему.

Мы медленно отъехали на край поля. Шлепая по грязи и громыхая разболтанным шасси, самолет развернулся. Заревели моторы, и мы пошли на взлет. Через некоторое время, прыгая и трясясь, самолет поднялся в воздух. Некоторое время мы кружили над этой местностью, набирая высоту. Обычно мы так не поступали, но в этот раз По Ку получил приказ. Постепенно мы поднялись на высоту пять, а затем десять тысяч футов. Наш потолок находился на высоте немногим более десяти.

Мы продолжали кружиться до тех пор, пока не поднялись в воздух три истребителя. Затем в одном строю с ними мы полетели в направлении пункта назначения. Я чувствовал, что наш окруженный со всех сторон истребителями самолет уязвим, как никогда раньше. Время от времени у меня в поле зрения появлялся один из истребителей, который затем снова исчезал из виду за рамкой окошка. Я не мог спокойно наблюдать за ними. Больше всего меня тревожила перспектива появления поблизости японских самолетов.

Мы медленно летели вперед. Полет, казалось, длился вечность. Мне даже подумалось, что, должно быть, кто-то привязал нас между землей и небом, чтобы мы бесконечно долго висели так. Несколько раз нас немного покачивало и толкало, однако эти движения самолета не могли отогнать от меня нахлынувшие мысли. Я думал о том, что под нами на земле продолжается война. Я думал о тех жестоких эпизодах войны, свидетелем которых я стал. Я вспоминал о своем любимом Тибете и о том, как прекрасно было бы подняться в воздух хотя бы на этом “Старом Аби” и приземлиться на лужайке возле Поталы в Лхасе.

Внезапно раздался хлопок, и, оглядевшись, я увидел, что все небо вокруг нас заполнили японские истребители с отвратительной “каплей крови” на крыльях. Я видел, как они то появлялись в поле зрения, то исчезали. Вокруг нас пролетали трассирующие пули. Вдали возле истребителей то и дело появлялись небольшие облачка дыма — по нам стреляли. Не было смысла подавать сигнал По Ку. Он, наверное, уже давно заметил, что в нас стреляют. “Старый Аби” нырял и снова взмывал вверх. Его нос устремлялся вверх, и казалось, что мы вот-вот зацепимся за небо. По Ку начал маневрировать, и мне пришлось приложить немало усилий для того, чтобы удержаться на своем месте. Вдруг рядом со мной обшивку пронизала пулеметная очередь. Что-то звякнуло по тросу. Он разорвался и концом ударил меня по лицу, чуть было не выбив мне левый глаз. Я сжался еще сильнее и постарался протиснуться дальше в хвост самолета.

В воздухе завязалось большое сражение, которое происходило у меня на виду, потому что пули пробили ткань в нескольких местах, окно выпало, а вместе с ним и несколько квадратных футов обшивки. Впечатление было такое, будто я сижу среди облаков на деревянной раме. Воздушная битва то затихала, то разгоралась с новой силой до тех пор, пока не раздался сильный взрыв. Наш самолет содрогнулся и *ушел* носом вниз. Я стал выглядывать из дыры наружу, чтобы поскорее понять, что произошло. Все небо кишело японскими истребителями. Выглядывая, я увидел, как японский и китайский самолеты столкнулись в воздухе. Раздался ужасный треск, и оба истребителя в роковом объятии полетели вниз, окутанные оранжево-красным пламенем и черным дымом. Пилоты выпрыгнули из кабин и, кувыркаясь в воздухе, полетели вниз с широко раскинутыми руками и ногами. Это напомнило мне о том эпизоде, свидетелем которого я стал в свои первые дни полетов на воздушных змеях. Тогда один лама на высоте в несколько тысяч футов вывалился из своего змея и, точно так же кувыркаясь, полетел вниз в направлении скал.

Снова наш самолет сильно содрогнулся и полетел, вращая крыльями, вниз, как лист, падающий с дерева. Я подумал, что это конец. Вдруг самолет клюнул носом вниз так резко, что я проскользнул по фюзеляжу в кабину, где увидел нечто неопишимо ужасное. Генерал был мертв, а по всей кабине были разбросаны тела его адъютантов. Осколки снаряда прошили их насквозь. Почти все люди были мертвы или умирали. Кабина была почти полностью разбита. Я подполз к дверце кабины, открыл ее и чуть не лишился чувств от картины, которая открылась моим глазам.

В кабине на панели управления лежало обезглавленное тело По Ку. Его голова, а точнее, то, что осталось от нее, было размазано по панели. Лобовое стекло представляло собой одно кровавое месиво — мозги вперемешку с кровью. Оно было так залеплено, что я ничего не мог видеть сквозь него. Быстрым движением я столкнул тело По Ку с кресла пилота. Поспешно заняв его место, я ухватился за рычаги. Они вибрировали и дергались в руках. Мне едва удалось удержать их в руках, потому что они были скользкими от крови.

Из последних сил я потянул на себя рычаг управления, стараясь выровнять полет. Сквозь лобовое стекло ничего не было видно. Захватив рычаг управления ногами, я стал голыми руками смахивать мозги и кровь со стекла. Сквозь небольшой участок стекла, который я кое-как успел очистить, я увидел, что земля приближается. Предметы на земле становились все больше и больше. Самолет трясло, моторы визжали. Движение рычагов газа никак не влияло на них.

Вдруг левый мотор отвалился. Вскоре после этого правый мотор взорвался. Когда вес самолета уменьшился, его нос немного поднялся вверх. Я все тянул рычаг на себя. Нос поднялся еще выше, но было уже поздно, слишком поздно. Самолет был так искорежен, что почти не реагировал на движение рычагов управления. Мне удалось немного замедлить его падение, однако этого было недостаточно для нормальной посадки. Земля, казалось, поднимается мне навстречу. Когда колеса коснулись земли, нос опустился еще ниже. Раздался ужасный треск, словно ломали деревянные бревна. Мне показалось, что мир вокруг меня рассыпается. Вместе с креслом пилота я провалился в какую-то вонючую массу. Последнее, о чем я помню, была пронзительная боль в ногах.

Должно быть, прошло не так уж много времени, прежде чем сознание вернулось ко мне. Я услышал звуки стрельбы. Вверху летали японские истребители. На кончиках стволов их пулеметов мерцали красные огоньки. Они расстреливали остатки “Старого Аби” для того, чтобы под его обломками никто не выжил. Небольшой язычок пламени вспыхнул на переднем моторе — единственном, который уцелел. Еще мгновение, и огонь распространился на всю кабину, ткань которой была пропитана горючим и маслом. Она горела белым огнем, над которым вился черный дым. Горящий бензин проливался на землю, и со стороны казалось, что из мотора течет огонь. Затем произошел взрыв, обломки разлетелись во все стороны, и “Аби” прекратил свое существование. Добившись желаемого результата, японцы улетели прочь.

Теперь я без суеты огляделся вокруг и понял, где нахожусь. К своему ужасу, я обнаружил, что упал в глубокую яму с нечистотами. В Китае такие ямы обычно оставляют открытыми, и я оказался в одной из них. Вонь была просто невыносимой. Я успокаивал себя тем, что, не оказавшись я здесь, я бы неизбежно погиб от японских пуль или при взрыве самолета. Я быстро освободил себя от остатков кресла пилота. Только теперь я почувствовал, что сломал себе обе лодыжки. И все же, приложив некоторые усилия, мне удалось кое-как выбраться из этой ямы. На локтях и коленях я отполз подальше от вонючего месива.

Оказавшись на сухой земле совсем недалеко от остатков самолета, которые все еще догорали, я снова потерял сознание, на этот раз от боли и усталости. Вскоре сильные удары по ребрам привели меня в чувство. Японские солдаты издали увидели пламя и пришли поглазеть на разбившийся самолет, рядом с которым оказался я.

— Это единственный, кто выжил, — произнес голос надо мной. Я открыл глаза и увидел японца с ружьем, к которому был прикреплен штык. Штык был нацелен в мое сердце.

— Я привел его в чувство, чтобы он знал, что его убивают, — сказал японский солдат своему товарищу и собирался уже было вонзить в меня штык.

— Стой! — Раздался в этот момент голос офицера, подоспевшего к месту событий. — Возьмите его в лагерь. Мы заставим его рассказать, кто летел в этом самолете и почему его так хорошо охраняли. Возьмите его в лагерь. Мы допросим его.

Солдат набросил ремень своего ружья на плечо, схватил меня за ворот и поволок за собой. — Тяжелый попался, — сказал он. — Помоги мне. Один из его компаньонов подошел к нему и взял меня за руку. Вместе они поволокли меня, обдирая кожу на моих ногах о каменистую землю. Вскоре к ним присоединился офицер, который, очевидно, задержался для того, чтобы обследовать обломки самолета.

— Несите его! — раздраженно крикнул он и, посмотрев на кровавые следы, которые оставляло на земле мое израненное тело, ударил солдат ладонью по лицам. — Если он потеряет столько крови, что его нельзя будет допросить, вы ответите мне за это!

Поэтому некоторое время мне дали возможность спокойно полежать на земле, пока один из солдат ходил за тележкой. Поскольку я высокого роста и довольно тяжелый, низкорослым японским солдатам пришлось здорово попотеть, пока они довели меня до расположения своей части.

В конце концов я оказался в доме, который использовался японцами в качестве тюрьмы. Перед дверью меня грубо выбросили из тележки и за шиворот втянули в камеру. Дверь с грохотом захлопнули и закрыли на замок. Я остался один в камере, а у двери поставили часового. Через некоторое время мне удалось поправить сломанные лодыжки и наложить на них лубки. Лубками послужили случайные куски дерева, которые оказались в камере, раньше служившей, вероятно, кладовой. Для того, чтобы закрепить лубки, мне пришлось оторвать длинные полосы материи от своей одежды.

Много дней я пролежал в этой камере, где кроме меня были только пауки и крысы. Кормили меня раз в день. Мне давали чашку воды и объедки со стола японских часовых. Вероятно, это были те куски пищи, которые они пожевали и выплюнули. Однако выбирать не приходилось. Я, должно быть, провел в этой камере больше недели, потому что мои кости начали уже срастаться. И вот однажды после полуночи дверь широко распахнулась, и в камеру вошли несколько японских солдат. Меня поставили на ноги. Им приходилось поддерживать меня под руки, потому что мои лодыжки были еще слишком слабы, чтобы выдерживать вес моего тела. Затем вошел офицер и ударил меня в лицо.

— Твое имя? — спросил он.

— Я — офицер китайской армии, который попал в плен. Больше мне нечего вам сказать, — ответил я.

— Настоящие мужчины не попадают в плен, — сказал офицер. — В плену оказываются только жалкие трусы. Ты мне все расскажешь.

Однако я молчал. Они стали бить меня по голове плоскими частями своих мечей, щипать, давать пинки и плевать на меня. Поскольку я продолжал молчать, они стали прижигать мое лицо и тело окурками и жечь спичками пальцы. Только тогда я оценил все то, чему когда-то научился. Я не сказал ничего. Они не могли заставить меня заговорить. Я просто продолжал молчать, думая о другом. Я знал, что в сложившейся ситуации это самая лучшая линия поведения.

В конце концов солдат не выдержал и ударил меня прикладом по спине. От неожиданного сильного удара я повалился на землю и некоторое время не мог дышать. Офицер подошел ко мне, плюнул мне в лицо, ударил ботинком и сказал:

— Когда мы вернемся, ты будешь говорить. Я лежал на полу и не мог пошевелиться. У меня не было сил встать. В эту ночь ко мне никто не пришел. На следующий день тоже никого не было, и на следующий день, и на следующий. Три дня и

четыре ночи я пролежал без воды и пищи, не видя никого. Изнемогая, я лежал и думал о том, что же будет со мной дальше.

На четвертый день в камеру вошел офицер, но на этот раз уже другой. Он сказал, что меня не убьют и будут хорошо кормить, если я расскажу им все, что знаю о китайцах, о их армии и о Чан Кай Ши. С его слов я понял, что здесь уже знают, кто я такой. Мне сказали, что со мной, как с аристократом из Тибета, не будут обращаться так грубо, потому что Япония заинтересована в сохранении дружественных отношений с Тибетом. “Нечего сказать, хорошие друзья”, — подумал я про себя. Офицер поклонился мне, повернулся и вышел.

В течение недели со мной обращались довольно прилично. Я получал еду и воду два раза в день. И хотя это был нищенский паек, теперь по крайней мере меня оставили в покое. Однако через несколько дней трое мужчин пришли ко мне и сказали, что собираются задавать мне вопросы, на которые я должен отвечать. Вместе с ними пришел японский врач. Он осмотрел меня и пришел к выводу, что хотя я еще довольно плох, меня уже вполне можно допрашивать. Он посмотрел на мои лодыжки и удивился тому, что после всего, что со мной произошло, я еще могу стоять на ногах. Затем все они с почтением поклонились мне и друг другу, а затем ушли из камеры как гурьба школьников. Снова дверь захлопнулась, и я остался один. Однако теперь я знал, что в этот день меня снова будут допрашивать. К этому я был готов и решил, что, как бы они меня ни пытали, о китайцах я им ничего не скажу.

ГЛАВА 8 У КОЛЫБЕЛИ МИРА.

Рано утром на следующий день, задолго до появления в небе первых проблесков зари, дверь моей камеры с силой распахнулась. Она с грохотом ударилась о стену и замерла. Несколько солдат ворвались внутрь. Они грубо схватили меня, встряхнули и поставили на ноги. На меня надели наручники и долго вели куда-то в темноте. Солдаты постоянно подталкивали меня прикладами, что совсем не свидетельствовало об их дружеском расположении ко мне. Каждый раз после удара прикладом они кричали мне:

— Быстро отвечай на все вопросы, которые тебе зададут! Понял, враг порядка? И притом говори правду, а то с тобой еще не такое сделают! Мы узнаем от тебя все!

В конце концов мы пришли в комнату для допросов. В ней полукругом стояли несколько офицеров. Все они были очень сердиты или желали казаться таковыми. Мне же они казались оравой школьников, собравшихся вместе, чтобы замучить лягушку. Когда меня ввели, все они церемонно поклонились мне. Затем старший офицер, полковник, призвал меня рассказать им все, что я знаю и заверил, что японцы — дружелюбный и миролюбивый народ. Но меня он назвал врагом, потому что я на стороне китайцев выступил против их мирного марша по этой стране. Китай, по его словам, должен быть колонией Японии. Это он мотивировал тем, что у китайцев нет своей культуры!

— Мы, японцы, являемся подлинными друзьями мира, — продолжал он. — Поэтому ты должен рассказать нам все, что знаешь о китайцах. Нас интересует передвижение их воинских подразделений, их численность, а также содержание твоих разговоров с Чан Кай Ши. Если ты расскажешь нам все это, мы сможем преодолеть сопротивление китайцев и без кровопролития подчинить себе эту страну.

— Я — военнопленный. Требую, чтобы со мной обращались как с солдатом, взятым в плен на поле боя. Больше мне нечего вам сказать.

— Наша цель — сделать так, чтобы все народы жили в мире под протекцией нашего императора, — сказал он. — Наша страна скоро станет Великой Японской Империей. Ты скажешь нам всю правду.

Надо отметить, что они не брезговали ничем, лишь вы заставить меня говорить. Они очень хотели получить от меня нужные сведения и поэтому добивались этого любыми средствами. Когда я опять отказался говорить с ними, они повалили меня на

землю ударами прикладов по груди, спине и коленям. Затем солдаты снова поставили меня на ноги, чтобы снова можно было сшибить на пол. После многих, многих часов, в течение которых они делали со мной все что хотели, было решено, что нужно привлечь более радикальные средства. Меня связали по рукам и ногам и снова оттащили в камеру. Здесь я пролежал связанный несколько дней и ночей.

Японцы знают, как связывать пленных так, чтобы причинить им побольше страданий. Мои запястья были связаны вместе так, что руки оказались на затылке. Затем лодыжки были соединены веревкой с запястьями. При этом колени были согнуты, а стопы ног — обращены к затылку. Кроме того, еще одна веревка охватывала шею и была привязана одним концом к левым лодыжке и руке, а другим — к правым. Это было сделано для того, чтобы при попытке ослабить натяжение веревки за спиной, я начинал удушать себя. Лежать в положении натянутого лука было действительно очень больно. Довольно часто в камеру входил часовой, наносил мне удары и смотрел, как я корчусь.

Несколько дней меня держали связанным в таком положении и развязывали лишь на полчаса в день. Время от времени японцы приходили ко мне и задавали вопросы. Я не издал ни звука. Несколько раз, правда, я сказал им:

— Я — офицер китайской армии, не имевший при себе оружия. Я — врач и военнопленный. Больше мне нечего вам сказать.

Скоро им надоело задавать мне вопросы, и тогда они пришли с трубкой, через которую стали заливать мне в нос воду с перцем. Мне казалось, что весь мой мозг горит изнутри. Мне чудилось, будто дьяволы разжигают огонь внутри моей головы. Однако, что со мной ни делали, я не заговорил. Тогда они стали подбрасывать в воду больше перца и добавлять в нее горчицу. Воль стала нестерпимой. В конце концов у меня изо рта хлынула кровь. Должно быть, перец прожег какой-то сосуд в носоглотке. пытки длились уже десять дней. Только увидев, как я истекаю кровью, они поняли, что таким образом им не удастся заставить меня говорить, и ушли.

Через несколько дней меня снова потащили в комнату для допросов. Им пришлось нести меня, потому что как я ни старался, сам передвигаться не мог, даже когда они кололи меня штыками и подталкивали прикладами. Мои руки и ноги были связаны так долго, что я, казалось, потерял над ними всякий контроль. В комнате для допросов солдаты просто бросили меня на пол, а сами отошли в сторону в ожидании дальнейших команд от офицеров, сидевших полукругом передо мной. На этот раз я увидел перед собой много странных приспособлений, которые, как я знал из книг, были орудиями пыток.

— Сейчас ты все расскажешь нам, и мы больше не будем терять времени, — сказал полковник.

— Я уже сказал вам то, что мог сказать. Я — офицер китайской армии, — произнес я и замолчал.

Японцы побагровели от злости. По команде я был привязан к доске с расprostертыми в стороны руками, как на кресте. Под ногти до самых суставов они вставили мне длинные бамбуковые щепки. Затем эти щепки начали вращать. Боль была чудовищной, но ответа от меня они не добились. Тогда щепки вынули и стали медленно, один за другим, вырывать мне ногти.

Боль стала действительно дьявольской. Еще хуже стало, когда японцы начали капать на кончики пальцев соленой водой. Я знал, что не могу выдать своих друзей и поэтому должен молчать. Я вспомнил совет своего наставника, ламы Мингьяра Дондуца: “Не сосредоточивай внимания на больном месте, Лобсанг. Ведь если ты фокусируешь на нем свою энергию, тогда боль становится действительно невыносимой. Поэтому думай о чем-то другом. Держи в узде свой ум и думай о чем-то другом. Если ты сможешь это делать, боль по-прежнему будет продолжаться, но ты сможешь переносить ее. Она будет казаться тебе чем-то, присутствующим лишь на периферии сознания”.

Поэтому, чтобы не сойти с ума и не выдать имена и тайные сведения, которые были мне известны, я сосредоточил внимание на других вещах. Я думал о прошлом, о своем доме в Тибете и о Наставнике. Я также думал о прошлом нашего мира, ведь в Тибете немало знают о том, что было когда-то.

Под Поталой есть тайные пещеры, в которых, по всей вероятности, содержится ключ к истории мира. Меня тянуло в эти пещеры. Я был просто очарован ими. Мне кажется, что и читателю будет интересно узнать о том, что открылось мне в этих пещерах. Ведь подобными знаниями западная наука еще не располагает.

Помнится, тогда я был молодым монахом, проходящим курс обучения в Потале. Далан-Лама, Высочайший, часто пользовался моим даром ясновидения. Всякий раз он был очень доволен полученными сведениями и, чтобы отблагодарить меня, предоставил мне право спуститься в пещеры. Однажды мой наставник, лама Мингьяр Дондуп, вызвал меня к себе.

— Лобсанг, я много думал о твоих успехах, — сказал он, — и пришел к выводу, что ты уже достиг такого возраста и такого уровня развития, что можешь спуститься со мной в пещеры и учить писания, хранящиеся там. Пошли!

Он поднялся и вместе со мной вышел из комнаты. Мы долго шли по коридорам, спускались и поднимались по многим ступеням, проходя мимо монахов, занимающихся своими обыденными делами. В итоге мы пришли в маленькую комнату, которая находилась в конце одного из самых глухих коридоров монастыря. Тусклый свет проникал в нее через несколько небольших окошек. Снаружи виднелся развевающийся на ветру ритуальный флаг.

— Сейчас, Лобсанг, мы с тобой возьмем лампы и войдем туда, куда ступала нога лишь немногих лам, — сказал мой Наставник.

Мы взяли лампы, стоявшие на полках в небольшой комнатке, и наполнили их маслом. На всякий случай мы взяли с собой по две лампы, зажгли каждый по лампе и направились вниз по коридору. Я следовал за Наставником, который указывал мне путь.

Долго мы спускались вниз по коридору, пока наконец не пришли к помещению, находящемуся в его конце. Мне показалось, что дальше мы уже не пойдем. Комнатка напоминала склад. В ней хранились всевозможные статуи, картины, ритуальные предметы и изображения заморских богов. Это были дары со всего мира. Далай-Лама хранил здесь то, что не собирался использовать в ближайшее время.

Я с любопытством огляделся по сторонам. Присмотревшись, я понял, что эта комнатка не может быть целью нашего путешествия. Я думал, что мы будем исследовать какие-то темные закоулки пещер, а это была всего лишь кладовая.

— Светлейший Мастер, — обратился я к Наставнику, — должно быть, мы пришли сюда по ошибке?

Лама посмотрел на меня, доброжелательно улыбаясь.

— Лобсанг, Лобсанг, — сказал он, — неужели ты думаешь, что я мог здесь заблудиться?

Он еще раз улыбнулся, а затем подошел к дальней стене. Оглянувшись вокруг себя, он что-то сделал. Кажется, я успел заметить, как он провел рукой по выпуклостям на стене, вероятно, сделанными рукой человека, которого уже давно не было в живых. После этого послышался шум осыпающихся камней, и я тревожно заметался по комнате, потому что мне показалось, что пол проваливается или рухнет потолок. Наставник засмеялся.

— О, не бойся, Лобсанг. Мы с тобой в безопасности, в полной безопасности. Пора нам продолжать путешествие. Здесь мы вступаем в иной мир. Этот мир видели лишь немногие. Иди за мной!

Меня охватил благоговейный страх. Часть стены отодвинулась в сторону, на ее месте зияла черная дыра. За ней в глубину горы вела пыльная тропа, конца которой не было видно из-за царящего там мрака. Я изумленно всматривался в отверстие, открывшееся в стене.

— Но, Мастер! — воскликнул я. — Здесь не было никаких признаков двери! Как вам удалось открыть этот ход?

— Этот ход был проделан многие столетия назад, — ответил он, смеясь. — До нас дошел секрет этой двери. Если ты не обладаешь особыми знаниями, ты никогда не откроешь ее. Как бы долго ни осматривал несведущий человек эту стену, он никогда не обнаружит на ней никаких следов, даже трещинки. Но пошли, Лобсанг. Сейчас не время обсуждать особенности архитектуры древних строений. Не теряй времени. Здесь ты побываешь еще не раз.

С этими словами он зашагал по тропинке, уводившей все дальше в пещеру. С волнением я последовал за ним в глубь пещеры, конца которой не было видно. Он пропустил меня вперед, а затем провел рукой по стене и что-то нажал. Снова со страшным скрежетом и грохотом огромный камень пришел в движение и прямо у меня на глазах закрыл вход в пещеру. Мы оказались в крошечной тьме, освещаемой лишь тусклым мерцанием золотистого пламени масляных ламп, которые мы несли с собой. Мой Наставник снова вышел вперед и двинулся дальше. Хотя его шаги и были довольно мягкими, эхо от них, многократно отражаясь от стен, звучало очень занятно. Мы долго шли молча. Пройдя больше мили по подземному коридору, без всякого предупреждения лама остановился как вкопанный. Я настолько не ожидал этого, что наткнулся на него и громко вскрикнул.

— Здесь мы добавим масла в наши лампы, Лобсанг. Подкрути немного фитиль: сейчас нам понадобится больше света. Сделай все так, как я, и мы пойдем дальше.

Теперь мы продвигались дальше, ярко освещая себе дорогу. Мы шли вперед так долго, что я устал и начал беспокоиться. Затем я заметил, что коридор становится все шире и выше. Казалось, мы выходили из более узкого его конца в более широкий. Поворот в коридоре, и я вскрикнул от удивления: мы вошли в большой грот. На его стенах и потолке заблестели многочисленные точки золотистого света — отражения наших масляных ламп. Грот был огромен. Тусклый свет ламп лишь подчеркивал его громадность и затемненность.

Наставник подошел к небольшой расщелине слева от вашей тропинки и со скрежетом вытянул оттуда то, что выглядело как большой металлический цилиндр. Цилиндр был в половину человеческого роста, а ширина его равнялась ширине плеч человека. Он был круглым, но на одном его конце находилось какое-то устройство, назначения которого я не мог понять. Оно напоминало небольшую белую сеточку. Лама Мингьяр Дондуп некоторое время повертел цилиндр в руках, а затем поднес к его верху масляную лампу. Тут же над цилиндром вспыхнуло желто-белое пламя, светом которого озарилось все вокруг. Пламя горело с тихим шипением, наводившим на мысль о том, что в цилиндре что-то находится под давлением. Наставник потушил лампы.

— Теперь, Лобсанг, мы захватим с собой этот цилиндр, и у нас будет достаточно света. Мы пришли сюда для того, чтобы ты узнал, каким был мир многие века назад.

Он двинулся вперед, волоча за собой на небольших салазках источник яркого света. Тянуть салазки было нетрудно. Мы зашагали дальше по тропе, ведущей все ниже и ниже. Мы шли так долго, что я начал думать о том, как бы нам не дойти до самого центра Земли. Наконец мы остановились. Передо мной была черная стена, на которой висела большая золотая плита с оттиснутыми на ней сотнями, тысячами записей. Я посмотрел на плиту, а затем огляделся вокруг. По другую сторону от меня в темноте поблескивала темная поверхность воды. Казалось, рядом было огромное подземное озеро.

— Лобсанг, слушай меня внимательно. Вскоре ты узнаешь все об этих местах. А сейчас я хочу рассказать тебе немного из истории Тибета. Достоверность всего, что ты сейчас узнаешь, ты сможешь проверить сам, когда отправишься в экспедицию, подготовку к которой я уже начал, — сказал Наставник. — Когда ты отправишься в будущем в заморские страны, ты встретишь там тех, кто будет думать, что в Тибете живут лишь неграмотные дикари, которые поклоняются дьяволу и совершают аморальные ритуалы.

Однако знай, Лобсанг, что наша культура намного древнее западной. У нас есть тайные письмена, которые повествуют о незапамятных временах...

Он подошел к золотой плите и указал на разные фигурки и символы. Я увидел среди них очертания людей и животных, в том числе и таких, которых сейчас никто не встречал. Затем он показал мне карту звездного неба. Мне сразу бросилось в глаза, что она сильно отличается от современных карт. Я понял, что это карта тех времен, когда звезды находились на других местах и когда созвездия имели очертания, лишь отдаленно напоминающие знакомые нам. Лама сделал паузу и обратился ко мне.

— Я понимаю все, что здесь написано, Лобсанг. Когда-то я изучил этот язык древних и сейчас прочту тебе все, что здесь написано. Я прочту тебе историю тех времен, когда мир находился в колыбели. Наступит день, когда мы научим тебя расшифровывать написанное на этом языке. Тогда ты сможешь читать все написанное здесь и делать собственные выводы. Ты сможешь также прийти сюда и оставить на этой плите собственную запись. Однако для этого нужно еще многому научиться. Тогда ты придешь сюда и исследуешь эти пещеры. Они тянутся на многие мили под нами.

Некоторое время он стоял и внимательно рассматривал записи на плите. Затем он прочел мне то, что касалось прошлого. Много из того, что он мне тогда открыл, а также многое из того, что я изучил впоследствии, просто не может быть пересказано в такой книге, как эта. Дело в том, что большинство читателей не поверят моим словам. Но даже если кто-то и поверит в то, что ему будет открыто, существует опасность использования этих знаний с плохим умыслом, как это неоднократно случалось в прошлом. Такой человек может употребить их ради собственного обогащения или для того, чтобы получить власть над другими людьми. Кто-то может использовать подобные знания в качестве предлога для уничтожения других наций, что особо опасно во времена, когда на планете появилось ядерное оружие.

Однако ядерная бомба — не новость на Земле. Ее изобрели тысячи лет назад, и тогда одна цивилизация уже погибла от ядерных взрывов. Наш сегодняшний мир закончит тем же, если люди не образумятся и не исправят свои ошибки.

В истории каждого племени и народа, в священных писаниях всех религий есть упоминание о Потопе. Сообщается, что в ходе этой всемирной катастрофы были стерты с лица земли целые народы, утонули одни острова и поднялись с морского дна другие, а вся планета пережила глобальный кризис. Сведения о всемирном Потопе имеются в писаниях инков, египтян и христиан — во всех традициях. Тибетские предания гласят, что эта катастрофа была вызвана взрывом сверхмощной бомбы. Позволь же мне сейчас рассказать Тебе эту историю, как о ней повествуют наши письмена.

Мой Наставник сидел в позе лотоса, повернувшись лицом к старинным надписям на плите, которую освещала золотистым сиянием наша цилиндрическая лампа. Жестом он пригласил меня сесть рядом с ним. Я занял место недалеко от него с тем, чтобы видеть те знаки, на которые он указывает. Когда я устроился поудобнее, он начал говорить, и вот что я тогда услышал.

“Когда-то, давным-давно. Земля была совсем другой планетой. Она вращалась по орбите, которая лежала намного ближе к солнцу, и притом в противоположном направлении. Кроме того, тогда у Земли была планета-близнец, которая вращалась по орбите, близкой к земной. Дни были короче, чем теперь, и людям казалось, что живут они дольше — многие сотни лет. Климат тогда был более теплым, тропическим, а флора обильней. Животные были крупнее и существовали во множестве разновидностей. Сила тяжести была намного меньше, чем в наши дни, потому что Земля вращалась вокруг своей оси быстрее. Люди были в два раза выше, чем нынешние, но даже они казались пигмеями по сравнению с представителями другой расы, которая проживала на Земле наряду с ними. Эта раса представляла собой суперинтеллектуалов, организм которых не был похож на человеческий. Эти исполины господствовали на Земле и многому научили людей, бывших у них в подчинении как ученики, которых наставляет заботливый учитель.

Люди часто видели, как гиганты садятся на удивительное приспособление из сверкающего металла и отправляются в полет по небу. Рассудок человека, несчастного невежественного человека, находился тогда в стадии зарождения. Поэтому люди, разум которых был на уровне развития современных человекообразных обезьян, не могли понять действий своих более развитых попечителей.

В течение многих веков жизнь на Земле была размеренной и мирной. Все существа жили в гармонии друг с другом. Люди тогда общались посредством телепатии, без помощи слов. Лишь изредка они прибегали к возможностям языка. Затем случилось так, что суперинтеллектуалы, которые были намного крупнее людей, перессорились между собой. Среди них появились инакомыслящие. Они не могли прийти к соглашению по каким-то вопросам точно так же, как в наши дни не могут договориться целые народы. Одна группа исполинов переселилась в другую часть мира и начала господствовать там. Потом между ними началась затяжная война. Одни гиганты убивали других и разрушали их города. Человек, который всегда с радостью обучался всему новому, перенял у них стремление воевать, научился убивать себе подобных.

Таким образом Земля, которая до этого времени была уютным уголком, теперь стала весьма беспокойным местом. Во время короткого перемирия, которое длилось несколько лет, одни суперинтеллектуалы тайно трудились, чтобы нанести поражение другим. Затем в один “прекрасный” день на планете произошел ужасный взрыв, вследствие которого она затряслась и изменила свою орбиту. В небе полыхали языки пламени, и по всей атмосфере распространился дым. Через некоторое время все стихло и успокоилось, однако по истечении нескольких месяцев в небе появился недобрый знак, от которого все уцелевшие жители Земли пришли в ужас. Это была приближающаяся планета. Она неслась навстречу Земле, постепенно увеличиваясь в размерах. Все поняли, что она должна столкнуться с Землей. Когда планета приблизилась, моря на Земле вышли из берегов и стали дуть невиданной силы ветры. Разница между днем и ночью исчезла, и начался сущий ад. Планета, казалось, заполнила собой все небо, и вот-вот должен был наступить момент ее столкновения с Землей. По мере приближения планеты волны на морях становились все выше, и скоро вода начала затоплять отдельные участки суши. Вся наша планета вздрагивала от землетрясений, и наступило время, когда целые материки исчезли под водой в считанные секунды. Раса сверхлюдей забыла о своих ссорах и поспешно поднялась в небо на своих сверкающих машинах. Они предпочли навсегда покинуть Землю, на которой случилась такая катастрофа.

На Земле же некоторое время еще продолжались ужасные катаклизмы. Из моря поднимались горы, на вершинах которых оказывалось то, что раньше покоилось глубоко под водой. Суша прогибалась и ее заливало водой. Люди не находили себе места от ужаса. Им казалось, что пришел конец света. Сила ветра все нарастала, а землетрясения и другие стихийные бедствия едва не свели с ума тех людей, которым посчастливилось выжить.

Подлетающая планета становилась все больше и больше до тех пор, пока не подошла на такое расстояние, когда между нею и Землей проскочила огромная искра. Раздался сильнейший удар грома, и все небо озарилось исполинской молнией. После разряда Землю окутали темные, как копоть, облака, и настала продолжительная ночь ужаса. Когда облака развеялись, оказалось, что Солнце стоит в небе неподвижно, будто оцепенев от вида катастрофы на Земле. Писания повествуют, что в течение многих-многих дней Солнце стояло в небе на одном месте, изрыгая во все стороны языки кроваво-красного пламени. Затем снова напоззли черные облака, и настала ночь. Ветры сначала были жаркими, затем стали холодными. Тысячи людей умерли только от этого перепада температуры, за которым последовали другие перепады. Пища Богов, называемая манной небесной, падала с небес. Без нее все люди и животные неизбежно погибли бы от голода в годы, следовавшие за катаклизмом.

Мужчины и женщины ходили с места на место в поисках приюта, в поисках убежища, где можно было бы отдохнуть после всех этих неопикуемых бедствий. Они

молились, чтобы Боги дали им покой, спасли их. Но Земля продолжала трястись и качаться, непрерывно шли проливные дожди, а из окружающего пространства неоднократно приходили очень сильные разряды электричества. По прошествии некоторого времени, когда тяжелые облака развеялись. Солнце стало удаляться, уменьшаясь в размерах. Казалось, оно уходит от Земли навсегда, и люди Земли возопили. Они думали, что Бог Солнца, Творец Жизни, покидает их навсегда. Однако Солнце не удалилось слишком далеко. Только с этих пор оно перестало двигаться по небу с запада на восток, как раньше, а начало подниматься на востоке и садиться на западе.

Пока Солнца не было видно, люди потеряли счет времени. Ведь они не могли наблюдать его восходы и закаты и поэтому не знали, сколько дней прошло от начала катастрофы. Даже мудрейшие из них не знали, сколько длились эти ужасные события на Земле. И еще один диковинный знак появился с тех пор в небе. Это был новый большой спутник Земли, который появился возле нее после столкновения планет. Он был желтым, безжизненным и, казалось, вот-вот упадет на Землю. Теперь мы называем его Луной. Впоследствии люди обнаружили на поверхности Земли — где-то в Сибири — большую вмятину, которая образовалась во время столкновения с осколком приблизившейся планеты, из которой образовалась и Луна.

До столкновения на Земле было много городов с огромными зданиями, хранившими следы деятельности Высшей Расы. В результате землетрясений все они были разрушены, и под их обломками погибло много ценных изобретений сверхинтеллектуальной цивилизации. Мудрецы человеческих племен знали, что под этими разрушенными городами существуют тайные подземелья, где хранятся книги, запечатлевшие знания Высшей Расы. Поэтому они принялись раскапывать руины городов с тем, чтобы спасти эти свитки и умножить с их помощью свои знания о мире.

В течение последующих лет дни становились все длиннее до тех пор, пока не стали раза в два дольше, чем до катастрофы. Так Земля перешла на другую орбиту, изменила скорость вращения вокруг своей оси и приобрела новый спутник — Луну. Но еще долго Земля продолжала трястись и колыхаться, еще долго на ней продолжалось горообразование и извергались вулканы, выбрасывая в атмосферу дым и пепел. Большие реки лавы текли из вулканов по горным склонам. Иногда они неожиданно заливали древние города, а в них и священные источники знания. Однако при этом писания не погибали, так как они были выгравированы на очень тугоплавком металле, который лава не могла растопить. Наоборот, благодаря лаве эти писания сохранялись, оставаясь надолго вплавленными в пористые горные породы, которые в течение времени выветривались. Когда это происходило, драгоценные писания снова оказывались на виду и могли быть использованы теми, кто умел их прочесть.

Когда Земля перешла на новую орбиту, с севера стал надвигаться холод, в результате чего животные либо вымерли, либо переселились в более теплые широты. Мамонты и бронтозавры исчезли с лица Земли, так как не смогли приспособиться к новому климату. С неба теперь иногда падал снег, а ветры стали заметно холоднее. На небе часто появлялись облака, тогда как раньше их почти никогда не было. Мир стал совсем другим. На морях появились приливы, тогда как раньше это были спокойные озера, поверхность которых иногда овеивалась легким ветерком. В океанах стали часто подниматься огромные волны, которые угрожали залить сушу и потопить людей. Небо тоже приобрело иной вид. Ночью на месте знакомых созвездий появились какие-то новые, и очень близко в пространстве парила Луна. В мире людей появились новые религии, которые были созданы жрецами, стремившимися подчинить себе людей с помощью своих знаний. Вскоре почти все жрецы забыли о Высшей Расе — все они теперь заботились о том, чтобы сохранить свой авторитет. И даже мудрейшие из них не могли уже сказать, с чего все это началось, тогда все это произошло.

Они приписали все несчастья гневу Божию и стали исповедовать учение, которое утверждало, что человек рождается в грехе.

Время шло, и новая орбита Земли стала со временем стационарной. Климат стал мягче, и люди постепенно становились меньше ростом. Проходили столетия. Одни народы вытесняли другие, захватывая их территории, процветали некоторое время, а затем подвергались вытеснению со стороны новых народов. В конце концов выделился один могущественный народ, и цивилизация начала развиваться вновь. Представители этой цивилизации все еще помнили о каком-то великом бедствии, и поэтому умнейшие среди них занялись историческими исследованиями. К этому времени дожди и ветры уже сделали свое дело. Старинные писания стали то тут, то там появляться на поверхности Земли. Лучшие представители людей, живших тогда на Земле, собирали эти писания и показывали их своим мудрейшим, которые после долгих усилий смогли наконец расшифровать какую-то их часть.

Когда содержание писаний стало известно тогдашним ученым, они приложили громадные усилия для того, чтобы обнаружить другие источники древних знаний, которые могли бы заполнить пробелы в их представлениях о мире. С этой целью были предприняты грандиозные раскопки, в ходе которых было найдено много интересных древних вещей. Только теперь новая цивилизация развернулась в полную силу. Были построены большие и малые города, а ученые не прекращали изобретать все новые средства покорения природы. Их целью всегда было разрушение, стремление обеспечить безусловное господство небольшой группы. Они, казалось, даже не догадывались о том, что человек может жить в мире и что неспособность решать противоречия мирным путем уже однажды привела к катастрофе.

В течение многих веков ученые делали большие открытия. Жрецы подчинили себе ученых и объявили вне закона все изыскания, проводимые независимыми учеными. Со временем власть жрецов усиливалась. Они поклонялись науке, которая помогала им удерживать в своих руках власть. С этой целью они подавляли обычных людей, используя для этого средства воздействия на их мысли. Они называли себя богами. Ничто в их обществе не могло быть сделано без специальной санкции сословия жрецов. В конце концов они достигли своего: стали всемогущими на Земле. Их власть стала столь сильной, что никто не мог помешать им претворить в жизнь любое начинание. Однако они не учли одного: ничто так не портит человека, как абсолютная власть над другими.

В те времена люди могли подниматься в воздух на самолетах без крыльев. Самолеты летали бесшумно и могли замирать где угодно над Землей. Это было недоступно даже птицам, потому что тогдашние ученые постигли тайну гравитации. Они научились использовать для своих нужд антигравитацию. Так, один щуплый человечек мог манипулировать в воздухе огромным камнем с помощью устройства, которое помещалось у него на ладони. Никакая работа не была тяжелой для этих людей, потому что им нужно было лишь нажимать на кнопки и смотреть, как за них все делают машины.

По суше в те времена ползали всевозможные механизмы, тогда как по поверхности океанов почти никто не плавал. Дело в том, что передвижение по воде тогда считалось очень медленным, и в море выходили лишь те, кто желал получить удовольствие от ветра и волн. Все грузовые и пассажирские перевозки осуществлялись по воздуху, и только в случае очень небольших расстояний использовался наземный транспорт. Люди тогда расселились по всей Земле и жили на разных материках. Однако из-за частых ссор друг с другом они разучились пользоваться телепатией. Они больше не говорили на одном языке. В разных местах стали развиваться различные диалекты, которые в конце концов стали столь непохожими друг на друга языками, что одни люди перестали понимать других.

Представители разных стран перестали общаться друг с другом, потому что не могли теперь понимать чужие языки. Так начались конфликты между целыми народами, а потом и войны. Ученые изобрели ужасное оружие. Везде начались сражения, в ходе которых люди гибли и получали увечья. Затем изобрели дьявольские лучи, с помощью которых можно было создавать чудовищные мутации. Проходили годы, а вражда все

усиливалась, проливалось все больше крови. Власть имущие во всех странах всячески поощряли изобретателей, чтобы они создавали новые виды смертоносного оружия. Ученые стали работать только над производством новых вооружений. Они стали разводить в своих лабораториях особые виды бактерий, которых затем сбрасывали на территорию врага с летательных аппаратов. Взрывы бомб повредили канализацию, и поэтому вскоре на Земле начались ужасные эпидемии инфекционных болезней, от которых гибли люди, животные и растения. Все на Земле оказалось под угрозой уничтожения.

В одной из самых миролюбивых стран, вдали от кровопролитных битв была группа дальновидных жрецов, которые не стремились приобрести власть над другими. Они воспользовались золотыми плитами для того, чтобы запечатлеть на них свою историю, карту мира и звездного неба того времени. На этих плитах они записали все свои самые передовые научные представления и недвусмысленно предупредили об опасностях, которые подстерегают тех, кто злоупотребляет своими знаниями. Эти плиты изготавливались в течение многих лет, а затем вместе с образцами оружия, инструментов, книг и других предметов тех дней были спрятаны в каменных пещерах в нескольких удаленных друг от друга местах. Это было сделано для того, чтобы люди будущего узнали о своем прошлом и не допустили больше прежних ошибок. Эти жрецы знали, что должно случиться в будущем, ведь они умели предсказывать судьбу человечества.

Вскоре враждующие стороны изобрели новые виды оружия. В результате применения этого оружия в стратосфере образовались невиданные доселе облака. Земля затряслась и, казалось, закачалась на своей оси. Огромные стены воды обрушились на сушу и стерли с лица Земли многие страны. И снова горы начали погружаться на дно морей, а в других местах — подниматься с морского дна. Некоторые мужчины, женщины и животные спаслись тем, что пережили этот потоп на борту кораблей, которые плавали по поверхности воды и были полностью герметичными, что спасло их пассажиров от ядовитых газов и болезнетворных бактерий. Другие мужчины и женщины были подняты в воздух вместе с равнинами, на которых они жили. Но были и иные страны. Их жителям не повезло, и они погибли под водой или, возможно, над их головами сомкнулись горы.

Потоп, пожары и смертоносные лучи убивали людей миллионами. После катастрофы оставшиеся в живых оказались разделенными непроходимыми препятствиями. Они едва не сошли с ума во время обрушившихся на них стихийных бедствий и были потрясены чудовищным шумом и колебаниями земной поверхности. Многие годы они продолжали прятаться в пещерах и густых лесах. При этом они забыли свою культуру и вернулись в стадию одичания, на которой человек существовал в ранние дни своей истории. Они делали себе одежду из звериных шкур, питались ягодами и носили при себе дубинки с каменными наконечниками.

В конце концов образовались новые племена, которые кочевали по поверхности Земли. Некоторые из них осели на территории нынешнего Египта, а другие — на территории будущего Китая. Однако было одно племя, которое давным-давно пользовалась особой благосклонностью суперинтеллектуалов. Оно проживало на великолепном берегу одного из морей. После всех происшедших катаклизмов его территория оказалась поднятой на многие тысячи футов над уровнем моря и окруженной высокими горами. Климат здесь при этом сильно изменился, вследствие чего тысячи жителей умерли от остывания и разрежения воздуха. Те же, что выжили, стали предками современных выносливых тибетцев. Именно в этих местах проживали когда-то те дальновидные жрецы, которые запечатлели на золотых плитах свои секреты. Сами эти плиты и все вещи тех времен были спрятаны глубоко в горных пещерах, куда могли попасть лишь немногие из новых жрецов. Другие свидетельства исчезнувшей цивилизации находились в великом городе, который затерялся среди просторов горного массива Тянь-Шань.

Хотя люди вернулись в пещеры, не все культурное наследие было безвозвратно утрачено в Черные Века. Практически в каждой стране была небольшая группа людей, которые боролись за то, чтобы сохранить древние знания и не дать угаснуть слабому пламени человеческого разума. Этим людям приходилось нелегко, потому что им нужно было противостоять примитивным нравам своих одичавших соплеменников. В течение последующих столетий не раз возникали новые религии, не раз предпринимались попытки открыть правду о происшедшем. И все это время подлинные знания о предыдущей цивилизации хранились в глубинах Тибета. Они были запечатлены на больших плитах нетленного золота и хранились там в неприкосновенности в ожидании тех, кто придет и расшифрует их.

Постепенно цивилизация стала снова возрождаться. Мрак неведения мало-помалу рассеивался. Дикари начали просвещаться. Наблюдался даже какой-то социальный прогресс. Снова были построены города, снова в небо стали взлетать самолеты. Опять горы перестали быть препятствием, и человек получил возможность путешествовать по всей планете. И снова, как и в былые времена, расширение научных познаний и возможностей повлекло за собой падение нравов и начало эксплуатации одних людей другими. Появилась вражда, преследования инакомыслящих и тайные исследования. Власть имущие стали притеснять бесправных, и снова начались войны, бесконечное кровопролитие. Постоянно изобретали новое, с каждым годом все более ужасное оружие. Каждая из враждующих сторон стремилась изобрести более мощное оружие. И все это время в пещерах Тибета было сокрыто Знание. И все это время среди гор Тянь-Шаня находился заброшенный, никем не охраняемый город, в котором были погребены самые ценные в мире Знания. Этот город ждал, пока в него придут те, кто сможет понять их и воспользоваться ими. И когда они пришли, их взорам открылся лежащий..”

Лежащий. Человек, лежащий навзничь на полу полуподвальной камеры тюрьмы, смотрел перед собой и видел только розовую дымку. У него изо рта, из носа и из кончиков пальцев на руках и ногах текла кровь. Все тело изнывало от боли. Ему казалось, что вокруг полыхает пламя. Слово из другого мира, до него донесся голос японского солдата:

— На этот раз вы перестарались. Он не выживет. После такого он не сможет выжить.

Однако я выжил. Я решил, что обязательно выживу для того, чтобы показать японцам, на что способен человек из Тибета. Мне захотелось показать им, что даже их самые дьявольские пытки не могут заставить тибетца говорить.

Мой нос был разбит. Он был расплюсчен от удара по лицу прикладом ружья. Рот был разорван, челюсти сломаны, а зубы выбиты. Однако никакие пытки японцев не заставили меня говорить. Через некоторое время им надоело пытать меня, потому что даже японцы поняли, что бесполезно домогаться от человека разглашения тайных сведений, если он не желает их выдавать.

Через много недель, когда я поправился, мне поручили работать с трупами. Вероятно, японцы думали, что эта работа рано или поздно сломает меня, и тогда я им все расскажу. Мне приходилось складывать тела на кучи под палящим солнцем. Работа была не из приятных, потому что трупы были вонючими, вздувшимися и отвратительными на вид. Иногда раздувшееся тело лопалось, как воздушный шарик.

Однажды я увидел, как человек прямо на моих глазах упал замертво. Я знал, что ему пришел конец, потому что раньше я как врач осматривал его. Однако никто на него не обратил внимания. Проходившие мимо двое других людей подняли его, раскатали и швырнули на кучу трупов. Его оставили там под палящим солнцем на съедение крысам. Не имело значения, умер человек или нет. Ведь если оказывалось, что он слишком болен для того, чтобы работать, его либо на месте закалывали штыком и относили на кучу, либо забрасывали на кучу еще живого.

Через некоторое время я разработал план побега. Я решил, что как-то днем тоже “умру”, после чего меня положат на кучу трупов. С наступлением ночи я смогу выбраться из лагеря и бежать. Решившись на это, в течение следующих трех или четырех дней я внимательно наблюдал за поведением японцев и их действиями. Затем день или два я специально часто спотыкался и притворялся более слабым, чем был на самом деле. В тот день, когда должна была состояться моя “смерть”, я сделал вид, что едва смог прийти на утреннюю поверку, которая происходила каждый день на заре. На протяжении утра я имитировал все признаки полного истощения, и вскоре после полудня упал.

Разыграть *все* это мне было совсем не трудно, потому что я и так постоянно валился с ног от усталости. Попытки, через которые я прошел, сильно ослабили меня. Скучное питание в тюрьме тоже сделало свое дело. Поэтому не удивительно, что я ужасно уставал. Растянувшись на земле, я сразу же уснул от усталости. Затем сквозь дрему я почувствовал, как мое тело подняли, раскачали и швырнули на кучу. От падения на трупы я проснулся. Некоторое время куча подо мной покачивалась, а затем успокоилась. От шока я широко открыл глаза. Солдат вяло смотрел в моем направлении, и поэтому я тут же открыл глаза еще шире, как они обычно открыты у мертвецов. Солдат уже повидал здесь немало трупов и скоро отвернулся, не найдя во мне ничего интересного. Некоторое время я лежал неподвижно, не решаясь даже пошевелиться. Я не дрогнул даже тогда, когда рядом со мной и на меня падали трупы, которые время от времени приносили сюда.

Казалось, что этот день длится годы, и вечер никогда не наступит. Но вот наконец стало смеркаться. Приближалась ночь. Вокруг меня стоял невыносимый смрад. Я чувствовал, как подо мной ползают крысы, делая свое черное дело — поедая трупы. Время от времени вся куча вздрагивала и проседала, когда одно из нижних тел ломалось под давлением верхних. Куча покачивалась, но я надеялся, что не свалюсь с нее. Ведь тогда, как часто бывало, придут солдаты и снова сложат ее. И кто знает, может в этот раз они заметят, что я живой, или же — что хуже — положат меня на самое дно. Обе эти возможности не предвещали мне ничего хорошего.

Наконец заключенные, работавшие во дворе тюрьмы, разошлись по баракам. Часовые прохаживались по стене, вдыхая прохладу ночного воздуха. На землю медленно — о, как медленно! — спускалась ночь. Один за другим в окнах дома, в котором жили японцы зажигались желтые огни. Я не мог дождаться наступления темноты.

Долго-долго я лежал на куче вонючих тел. При этом я внимательно наблюдал за движением часовых. Когда они находились в самом дальнем от меня конце двора, я нетерпеливо вылез из-под тела, лежащего на мне, и при этом оттолкнул находящееся рядом. Неожиданно оно соскользнуло с кучи и с шумом упало на землю. Я замер, не смея дышать. Мне подумалось, что вот сейчас охранники подбегут к куче и обнаружат меня.

Побег из японской тюрьмы был весьма опасным делом, потому что вся окружающая местность освещалась прожекторами. Если какого-то неудачника обнаруживали, его тут же закалывали штыками или, что было еще хуже, подвешивали над слабым огнем. Японцы изощрялись в изобретении новых способов казни, которая каждый раз осуществлялась в присутствии несчастных заключенных. Последние должны были при этой замирать от ужаса при виде мучений того, кто решил не подчиниться воле Сынов Неба.

Ничто не двигалось. Японцы, вероятно, уже привыкли к тому, что трупы время от времени падают с кучи. Я попробовал пошевелиться. Куча издала какой-то утробный звук и затряслась. Мало-помалу я подполз к краю кучи и упал вниз, хватаясь за лежащие тела. Ведь я был слишком слаб, чтобы спрыгнуть с высоты в десять или двенадцать футов и не вывихнуть или не сломать себе ногу. Шум, который я при этом поднял, не привлек ничьего внимания. Японцам не могло прийти в голову, что кто-то решится скрываться в таком отвратительном месте. Оказавшись на земле, я осторожно пробрался в тень деревьев, растущих возле стены лагеря. Некоторое время я ждал. Над моей головой встретились часовые. Сверху донеслись приглушенные голоса, и вспыхнула спичка, когда

часовые прикурили. Затем они разошлись в разные стороны. Один из них пошел дальше по стене, тогда как другой спустился вниз. У каждого из них в руке была только что зажженная сигарета, и они оба были на какое-то время ослеплены спичкой, вспыхнувшей во тьме.

Я решил воспользоваться этим. Медленно и беззвучно я вскарабкался на стену. Мне повезло, что это был временный лагерь, и японцы не стали пропускать электричество по колючей проволоке. Спрыгнув со стены вниз, я осторожно удалился в темноту. Всю эту ночь я пролежал на ветке дерева, с которой можно было видеть лагерь. Я подумал, что если в лагере меня хватятся, им никогда не придет в голову, что беглец может скрываться так близко.

Весь следующий день я находился на этом месте. Я был слишком слаб и слишком болен, чтобы двигаться дальше. В конце дня, когда снова стало темно, я тихонько спустился с дерева и пошел дальше по местности, которую хорошо знал.

Я помнил, что недалеко жил один очень старый китаец. Когда-то я долго лечил его ныне уже покойную жену. В этот дом я и направился под покровом темноты. Тихонько постучав в дверь, я ощутил внутри дома атмосферу страха и напряженности. Когда мне надоело ждать, я прошептал, кто я. В домике раздались осторожные шаги, дверь на несколько дюймов открылась, и наружу высунулась голова старика.

— А, это ты, — сказал он. — Скорее входи.

Он отворил дверь пошире, и я вполз под его вытянутой рукой. Он опустил занавески, зажег свет и замер в ужасе, когда увидел меня. Мой левый глаз был серьезно поврежден. Нос был расплюсчен. Рот был распорот, а губы отвисали. Он нагрел воды, омыл мои раны и накормил меня. Всю следующую ночь и весь следующий день я отлеживался в его лачуге. Он ушел и договорился с другими китайцами, чтобы меня тайком провели в расположение китайских частей. Однако я вынужден был остаться у него еще на несколько дней, потому что у меня началась горячка и я чуть было не умер.

Прошло около десяти дней, и я выздоровел настолько, что смог с помощью добрых людей пешком добраться до расположения китайской армии недалеко от Шанхая. Здесь все ужаснулись, увидев, как японцы изуродовали мое лицо. Больше месяца я находился в госпитале, где мой нос восстанавливали, используя для этой цели ткань, взятую из ноги. Затем меня отправили в Чунцин, чтобы я отдохнул и восстановил силы перед тем, как вернуться в ряды медицинского подразделения действующей китайской армии.

Чунцин! Я никогда не мог подумать, что после стольких злоключений, после всего, через что я прошел, я снова увижу его. Чунцин! В этот город я направлялся теперь вместе с другом, который тоже нуждался в отдыхе после тяжелого ранения на войне.

ГЛАВА 9 СНОВА В ПЛЕНУ.

Мы поразились, когда увидели, как разительно изменился Чунцин за это время его уже был совсем не тот город, в котором мы жили раньше. Во многих местах появились новые дома, а на старых зданиях теперь красовались новые вывески. Открылось множество новых магазинов.

Город теперь был явно перенаселен. Сюда пришли люди из Шанхая и из других восточных районов страны. Деловые люди, которые не могли больше заниматься своим бизнесом на побережье океана, теперь нахлынули в Чунцин с тем, чтобы начать здесь все сначала. Некоторым удалось кое-что спасти, но большинство из них начинали здесь с нуля.

Университеты заняли в Чунцине свободные здания или построили себе временные помещения, которые больше всего напоминали бараки. Однако именно в этих бараках теперь жили самые просвещенные люди Китая. Какими бы ни были эти бараки, в них работали лучшие люди страны, а возможно, и мира.

Мы сразу же направились в монастырь, где я раньше проживал. Оказавшись там, я словно вернулся домой. В тихом храме над нашими головами, как и раньше, клубились облака дыма от благовоний, и мы почувствовали полный покой. Святые Лики сострадательно взирали на нас, словно поддерживая нас в наших устремлениях, словно зная о тех суровых испытаниях, через которые нам довелось пройти. Да, это была краткая передышка, чтобы мы успели залечить свои раны перед тем, как еще раз выйти в этот жестокий мир, где нас *ждали* новые пытки. В храме звучали колокола и играли трубы. Снова настало время для знакомого и столь любимого нами богослужения. С великой радостью в сердцах мы заняли свои места.

В этот вечер мы уснули очень поздно, потому что нам было что рассказать старым друзьям и было что услышать от них. Оказалось, что жизнь в Чунцине все это время тоже была нелегкой: этот город японцы тоже бомбили. Мы здесь были “пришельцами издалека”, как нас называли в монастыре. Нас долго расспрашивали обо всем, прежде чем мы смогли завернуться в одеяла и спокойно уснуть на своих старых местах на полу в пристройке возле храма. В конце концов сон все же одолел нас.

Утром мы направились в госпиталь, в котором я раньше проходил практику, потом работал хирургом, а затем служил армейским медиком. На этот раз я попал сюда как пациент. Оказавшись в роли больного в этом столь знакомом госпитале, я чувствовал себя очень странно. Меня беспокоил нос. В нем начался воспалительный процесс, и ничего не оставалось делать, как вскрыть его и прочистить. Операция была довольно болезненной. В госпитале по-прежнему не хватало обезболивающих средств, потому что бирманская дорога была перекрыта и всякое снабжение с юга прекратилось.

Таким образом, мне пришлось смириться и терпеть боль, которой я никак не мог избежать. Вскоре после операции я вернулся в монастырь, потому что в госпитале было очень мало свободных мест. Туда постоянно поступали все новые раненые, и поэтому все койки были заняты теми, кто не мог передвигаться. Каждый день я прогуливался по тропинке, которая тянулась вдоль дороги, ведущей в Чунцин. И вот через две или три недели начальник хирургического отделения вызвал меня к себе, осмотрел и сказал:

— Что ж, Лобсанг, друг мой, ты поправился. А ведь мы боялись, что нам придется нанимать тридцать два носильщика для того, чтобы с почестями похоронить тебя.

Дело в том, что в Китае к похоронам относятся очень серьезно. Здесь считается, что важнее всего нанять нужное количество людей для переноски гроба с телом покойного. Это количество определяется социальным статусом усопшего. Для меня эта суэта вокруг похорон всегда казалась очень глупой, потому что согласно тибетским представлениям, после того, как дух покинул тело, с последним можно делать все что угодно. В Тибете никто не заботится о мертвых телах. Их просто отдают Вскрывающим Трупы, которые разрезают их на части и скармливают птицам.

Однако в Китае все не так. Такое отношение к телу покойного здесь считается равносильным обречению умершего на вечные муки! Поэтому если китайца хоронят по первому разряду, его гроб должны нести тридцать два человека. Если же происходят похороны по второму разряду, нужно, чтобы несущих было ровно в два раза меньше, а именно — шестнадцать. Можно подумать, что для переноски гроба действительно требуется приложить так много усилий. Похороны по третьему разряду — так хоронят большинство китайцев — предполагают, что лакированный деревянный гроб будут нести восемь человек. По четвертому разряду полагается хоронить рабочих, и в этом случае гроб должны нести четыре человека. Разумеется, гроб в этом случае покупают самый обычный, самый дешевый. Для похорон ниже четвертого разряда вообще не требуются носильщики. Гроб разрешается доставлять на кладбище любыми средствами.

Следует отметить также, что уровень похорон предполагает не только определенное количество носильщиков. Когда умирает высокопоставленный чиновник, положено нанимать официальных плакальщиков, которые зарабатывают деньги тем, что плачут и причитают на похоронах.

Похороны. Смерть. Иногда удивляешься тому, как запоминаются отдельные эпизоды прошлого! С тех далеких дней я до сих пор помню один такой эпизод, который сейчас и перескажу, поскольку он дает хорошее представление о жизни — и смерти — в Китае в военное время. События происходили недалеко от Чунцина.

В этот день китайцы праздновали “Пятнадцатый день Восьмого месяца”. Этот добрый праздник отмечают ежегодно в полнолуние в середине осени. Вечером в этот день все члены семьи стараются собраться вместе, чтобы отметить за столом наступление “урожайного” полнолуния. Они все вместе едят “лунные пирожки” и надеются, что следующий год будет более счастливым.

Мой друг Хуанг был в это время в монастыре. Он тоже недавно был ранен и восстанавливал в монастыре свои силы. Однажды мы с ним прогуливались по тропинке, ведущей из деревни Чаотинг к Чунцину. Эта деревня является пригородом Чунцина и расположена на высоком крутом берегу реки Янцзы. В ней живут богатые люди, которые могут позволить себе купить здесь дом. Под нами находилась река, и через просветы между деревьями иногда можно было увидеть плывущие по ней суда. По другую сторону от тропинки находились поля-террасы, где трудились одетые в синее мужчины и женщины, которые, казалось, никогда не прекращают ковыряться в земле.

Утро было очень красивым. Стояла теплая солнечная погода. В такой день все вокруг так ярко и красочно, что невольно начинаешь радоваться жизни. Мы шли по тропинке, останавливаясь время от времени полюбоваться пейзажем, и совсем позабыли о том, что где-то продолжается война. Недалеко в кустах пропела птичка, приветствуя этот летний день. Некоторое время мы поднимались по склону холма.

— Погоди, Лобсанг, — сказал Хуанг, — дай мне отдышаться.

Мы сели на большой камень в тени деревьев. С него открывался чудесный вид на реку и на тропинку, которая дальше спускалась с холма. Лужайка вокруг нас была усыпана разноцветными осенними цветами. Листья деревьев уже начинала желтеть. У нас над головами лениво проплывали небольшие облака.

Издали мы заметили толпу людей, которая приближалась к нам. Порывы ветра доносили отдельные звуки.

— Лобсанг, мы должны спрятаться, — сказал Хуанг. — Это хоронят старого Шанга, торговца шелком. Похороны устроены по высшему разряду. Я тоже должен был находиться в этой толпе, однако я отговорился, сказав, что болен. Если теперь меня увидят, то сочтут лжецом.

Хуанг поднялся на ноги, и я вслед за ним. Вместе мы отошли на некоторое расстояние в глубь леса в устроились так, что мы могли их видеть, а они нас — нет. В лесу тоже попадались камни, и мы спрятались за одним из них. Затем Хуанг отошел еще дальше для того, чтобы, если меня заметят, его не было поблизости. Мы спокойно ждали, завернувшись в свои мантии, цвет которых, кстати, довольно хорошо сочетался с желтизной осенних листьев.

Медленно приближалась похоронная процессия. Китайские монахи были одеты в мантии-накидки из желтого шелка с красными капюшонами, которые свободно свисали у них за плечами. Бледное осеннее солнце освещало их гладко выбритые головы, на которых были заметны шрамы, оставленные во время церемонии посвящения. В руках у них были серебряные колокольчики, которые время от времени позвякивали и сверкали на солнце. Монахи напевали грустный похоронный мотив, а сразу же за ними тридцать два нанятых работника несли огромный расцвеченный китайский гроб. Сопровождающие били в гонги и несли зажженные факелы, чтобы отпугнуть злых духов и демонов, которые, согласно китайскому поверью, норовили похитить душу покойника, однако очень боялись громких звуков и огня. Плакальщики *шли* сзади. У них на головах были традиционные повязки из белой ткани. Рядом с ними *шла* разбитая горем беременная женщина, поддерживаемая под руки другими людьми. Очевидно, это была близкая родственница покойного. Профессиональные плакальщики громко завывали, оглашая во

всеуслышание великие добродетели почившего. За ними шли слуги, которые несли бумажные деньги и бумажные модели тех предметов, которыми усопший владел в этой жизни и которые должны были понадобиться ему в следующей.

До нашего укрытия доносился запах благовоний и свежерастоптанных цветов, которые идущие впереди процессии люди бросали себе под ноги. Похороны действительно были довольно красочными. Шанг, торговец шелком, был, очевидно, одним из самых зажиточных людей города.

С возгласами, пением, звоном колокольчиков и звуками музыкальных инструментов процессия прошла мимо нас. Внезапно солнце закрыли пролетающие самолеты, гул который все нарастал, пока не превратился в зловещий рев. Три несущих смерть японских бомбардировщика показались в небе, между нами и солнцем. Они начали кружить над местностью. Затем один из них отделился от группы и пролетел над самой процессией. Мы не испугались за этих людей. Ведь мы надеялись, что японцы посочувствуют чужому горю. Мы с облегчением вздохнули, когда увидели, что отделившийся самолет вернулся к двум другим, и все они направились дальше. Однако наши надежды не оправдались. Самолеты пролетели немного вперед, а затем вернулись. На этот раз, пронесшись над процессией, один из них сбросил несколько бомб, которые издали казались маленькими падающими точечками. Увеличиваясь в размере, они наконец достигли земли и угодили в самую середину процессии.

Деревья перед нами заколыхались, а земля затряслась под ногами. Над самыми головами у нас просвистели осколки. Мы были так близко к месту взрыва, что, казалось, не слышали его. Дым, пыль и ветви кипарисов закружились в воздухе. Окровавленные части человеческих тел разлетались во все стороны. На какое-то время все окутал желтый дым. Затем налетел ветер и развеял его. Нашим глазам открылась кровавая сцена.

Неподалеку на земле лежал зияющий пустотой гроб. Несчастное тело умершего, которое еще минуту назад покоилось в нем, было отброшено далеко в сторону и лежало там, как сломанная кукла. Потрясенные происшедшим у нас на глазах, мы вскочили на ноги. Мы видели ужасную смерть многих людей от мощного взрыва и удивлялись, что нам посчастливилось остаться в живых. Я вынул из дерева продолговатый осколок, который несколько секунд назад пролетел у меня над головой. Я увидел, что на нем запеклась чья-то кровь. Он оказался очень горячим, и поэтому в следующий миг я выпустил его из рук, успев обжечь себе пальцы.

На покореженных деревьях висели куски чьей-то одежды с остатками окровавленных конечностей. Рука, вырванная вместе с плечом, покачивалась некоторое время на ветке дерева на расстоянии футов пятнадцати от нас. Затем она не удержалась там и, зацепившись на миг за ветку пониже, тяжело рухнула на землю. Откуда ни возьмись предо мной шлепнулась на землю чья-то истекающая кровью голова, на лице которой замерло выражение удивления и ужаса. Она подкатилась ко мне и остановилась у самых моих ног, будто надеялась, что я разделю ее жуткое удивление по поводу бесчеловечности японских агрессоров.

На мгновение показалось, что само время замерло от ужаса на месте. В воздухе стоял запах горелого пороха и крови. Единственными звуками были удары от падения на землю с воздуха и с деревьев изуродованных частей человеческих тел. Мы поспешили на место взрыва в надежде, что хоть кто-то выжил, что хоть кому-то нужно оказать помощь. Нам на пути попало одно столь поврежденное тело, что мы не смогли понять, кому оно принадлежало, мужчине или женщине. Оно было так изуродовано, что можно было усомниться в том, человеческое ли оно вообще. Рядом с ним лежал маленький мальчик, которому оторвало ноги. Он тихонько хныкал, но когда мы склонились над ним, у него из горла хлынула кровь, и он протился с жизнью.

Мы грустно оглянулись по сторонам и продолжили поиск в других местах. Под вывороченным деревом мы обнаружили беременную женщину. Дерево раздавило ее

живот. Еще дальше лежала рука, по-прежнему крепко сжимавшая серебряный колокольчик. Обшарив все вокруг, мы не нашли ни одного живого человека.

С неба донесся гул моторов. Японцы возвращались, чтобы полюбоваться результатом своего дьявольского преступления. Нам пришлось неподвижно растянуться на залитой кровью траве. Самолеты кружили все ниже и ниже, осматривая место взрыва. Они хотели убедиться в том, что живых свидетелей этой бойни не осталось. Один самолет сделал крутой вираж над нами, как сокол, преследующий свою добычу, а затем зашел на еще один круг, опускаясь все ниже и ниже. Раздался громкий треск пулемета, и очередь прошла листву деревьев. Что-то дернуло меня за мантию, и я услышал крик. Затем я почувствовал, как мне словно обожгло кипятком ногу. “Бедняга Хуанг, — подумал я, — наверное пуля попала в него, и он зовет меня на помощь”. Но я не решался пошевелиться, потому что прямо над моей головой кружил самолет. Создавалось впечатление, что пилот пристально присматривается к чему-то на земле. Он снова устремился носом вниз и выпустил еще несколько очередей, все кружа и кружа. Затем он наконец остался доволен результатами своей деятельности, покачал крыльями и улетел прочь.

Через некоторое время я поднялся и стал искать Хуанга, чтобы оказать ему помощь. Я нашел его довольно далеко в укрытии, целого и невредимого. Только тогда я поднял свою мантию и заметил, что моя левая нога навывлет прострелена в одном месте пулей. За несколько футов от того места, где я лежал, валялась голова, у которой на виске появилась новое отверстие. Пулеметная пуля прошла через нее насквозь. Второе отверстие было очень большим, и из него вытекали мозги.

Снова мы осмотрели все кусты и ближайшие участки леса, но не нашли ни одного живого существа. Около сотни — а может быть и больше — человек пришли сюда для того, чтобы отдать дань почтения одному покойнику. Теперь все они умерли, превратившись в кровавое месиво. Мы беспомощно переглянулись. Здесь нам делать больше было нечего: спасатели оказались не у дел. Только время может залечить такие раны.

Вот такой выпал тогда “Пятнадцатый день Восьмого месяца”, когда все члены семьи собираются вместе для того, чтобы весело провести вечер. При содействии японцев многие люди в этот вечер действительно “собрались вместе”, только по другому поводу. Мы же с Хуангом продолжили свой путь. Мне запомнилось, что когда мы удалялись от места взрыва, птички уже возобновили свои песни, словно и не произошло ничего особенного.

Жизнь в Чунцине в то время было действительно сложной. Вместе с беженцами пришло много грабителей — людей, которые пытались прожить за счет и без того бедных переселенцев. Цены были непомерно высокими, а условия жизни — очень плохими. Поэтому мы с радостью встретили весть о том, что нам снова пора приступить к исполнению своих обязанностей. В это время на восточном берегу океана продолжались военные действия. Во время вражеских налетов и атак часто страдали мирные жители и солдаты, а медицинских работников катастрофически не хватало.

Поэтому мы снова направились из Чунцина в сторону побережья, где должны были служить под командованием генерала Йо. По прибытии на место меня назначили начальником госпиталя, если это вообще можно назвать госпиталем. Он располагался под открытым небом и представлял собой много подстилок из рисовой соломы, которые лежали на бревнах и поэтому не промокали на сырой земле. Здесь не было никаких кроватей, никакого оборудования. Мы использовали бумажные повязки. Хирургические инструменты были безнадежно устаревшими и дополнялись хитроумными приспособлениями, которые нам удавалось изобрести. Однако у нас были знания и огромное желание помочь страждущим. *Это* одно поддерживало нас, когда до нас доходили вести, что японцы везде побеждают, и количество пострадавших возрастает.

Дневные налеты, казалось, стали еще более массивными. Бомбы сыпались градом. Поля были испещрены воронками от взрывов. Китайские войска отступали. И вот

в один из вечеров территорию, на которой находился госпиталь, захватили японские подразделения. Они угрожали нам штыками и закололи сначала одного человека, а затем еще одного, чтобы показать всем, что теперь они хозяева положения. Мы не оказывали сопротивления. У нас даже не было оружия для того, чтобы защитить себя.

Захватчики грубо допросили меня как начальника, а затем вышли в поле для осмотра раненых. Японцы приказали всем встать. Те, которые не могли идти и нести с собой груз, были заколоты штыками на месте. Все остальные, включая медицинский персонал, были построены в колонну и отправлены в лагерь, который находился в глубине страны. Каждый день мы проходили много миль. Пациенты валились с ног и умирали на обочинах. Когда кто-то падал, японские охранники подсакивали к нему и смотрели, нет ли у него ценных вещей. Затем они открывали с помощью штыка челюсти умершего, и если во рту оказывались золотые коронки, их выбивали вместе с зубами.

В один из последующих дней я увидел впереди японских солдат, которые шагали навстречу, надев на штыки какие-то странные вещи. Они размахивали ружьями, и я подумал, что у них какой-то праздник. Издали казалось, что они привязали к штыкам воздушные шарик. Когда же с криками и смехом солдаты приблизились к нам, мы обмерли. Оказалось, что они насадили себе на штыки человеческие головы с открытыми глазами и отвисшими челюстями. Японские солдаты додумались отрезать головы нескольким пленным и насадить их на штыки в знак того, что они — полноправные хозяева в этой стране.

В нашем госпитале находились раненые многих национальностей. И теперь, когда мы шли, на обочинах лежали тела людей разных национальностей. Однако сейчас все они принадлежали к одной нации — нации мертвых. Японцы забрали у них все, даже жизнь. Многие дни мы шли вперед и вперед, и при этом нас становилось все меньше и меньше. Лишь несколько человек с розовой дымкой в глазах от боли и усталости дошли до лагеря. Кровь сочилась из наших израненных ног, и поэтому за нами по земле тянулся длинный кровавый след.

Добравшись до лагеря, мы убедились, что обращение там тоже очень жестокое. Здесь снова начались допросы. Кто я такой? Кем был раньше? Почему я, тибетский лама, воюю на стороне китайцев? На последний вопрос я ответил, что не воюю, а помогаю лечить больных, раненых и изуродованных ударами.

— Да, с тобой все понятно, — сказали они. — Ты лечил их для того, чтобы они снова могли воевать с нами.

В конце концов меня направили в лазарет лечить больных и спасти им жизни для того, чтобы японцы могли и дальше эксплуатировать их. Через четыре месяца после того, как мы оказались в этом лагере, была большая проверка. Несколько высокопоставленных офицеров приехали для того, чтобы узнать, как заключенные себя ведут, и нет ли среди них людей, которые могут оказаться полезными для японцев. Рано утром нас всех построили и заставили много часов стоять на месте. Во второй половине дня на нас жалко было смотреть. Те, кто упал от усталости, были заколоты штыками и отнесены на кучу мертвых тел. Мы выровняли свои ряды, когда во двор въехали легковые машины и из них вышли люди, увешанные орденами.

Один из японских офицеров прохаживался вдоль рядов пленных и равнодушно рассматривал их. Вдруг его взгляд остановился на мне. Он присмотрелся внимательнее. Его глаза широко раскрылись, и он сказал мне несколько слов, которых я не понял. Не услышав от меня ответа, он ударил меня по лицу ножнами меча и рассек мне кожу. К нему поспешно подбежал дневальный. Офицер что-то ему сказал. Дневальный побежал в административное здание и принес оттуда мои документы. Офицер схватил их в свои руки и принялся жадно перелистывать. Затем он обругал меня и отдал солдатам какое-то приказание — снова меня сшибли на землю прикладами. снова мой нос — столькими трудами восстановленный — был расплюснут, и меня поволокли в помещение. Там руки и ноги мне опять связали за спиной, а еще одной веревкой охватили шею с тем, чтобы,

пытаясь расслабить руки, я каждый раз чуть не удушал себя. Долгое время меня пинали и колотили, жгли окурками и допрашивали. Затем меня поставили на колени, и один солдат стал прыгать у меня на пятках в надежде, что боль заставит меня ответить на вопросы. При этом мне порвали сухожилия.

Чего только у меня не спрашивали! Как мне удалось бежать? С кем я встречался, когда был в бегах? Знаю ли я о том, что побег из лагеря — это оскорбление Императора? Кроме того, они требовали, чтобы я выдал им подробности диспозиции китайских войск, поскольку они были уверены, что я, высокопоставленный тибетский лама, должен это знать. Я, разумеется, ничего не отвечал, и поэтому они жгли меня и снова испробовали на мне все свои излюбленные пытки. Затем меня привязали к какому-то бревну и стали выворачивать руки так, что они, казалось, вот-вот вырвутся из суставов. Я терял сознание, и каждый раз меня приводили в чувство уколами штыков и обливанием ледяной водой.

В конце концов вмешался медицинский работник лагеря. Он сказал, что если они не прекратят меня мучить, я наверняка умру, и тогда они не получат ответы на все свои вопросы. Меня подняли, за шею выволокли из комнаты и бросили в подземную камеру, которая была похожа на сделанную из цемента бутылку. Здесь я пролежал много дней, а может быть, и недель. Я перестал отсчитывать дни и потерял всякое ощущение времени. В камере царил непроглядная темень. Раз в два дня сверху бросали еду и спускали в жестянке воду. Часто еда рассыпалась по полу, и мне приходилось подолгу водить руками в темноте и искать на полу что-нибудь твердое. В этом карцере я бы лишился рассудка, если бы не научился когда-то управлять своими мыслями. В трудные минуты я находил спасение в прошлом.

Темнота? Я вспоминал о тибетских отшельниках, которые высоко в горах многие годы проводили в своих хижинах, затерявшихся среди облаков. Иногда эти отшельники замуровывали себя в пещерах и долго не выходили оттуда. Они освобождали ум от тела, а душу от ума и тем самым достигали большей духовной свободы. Я думал не о настоящем, а о прошлом и во время своих мысленных путешествий многократно возвращался к тем незабываемым дням, когда я посетил горы Тянь-Шаня.

Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, я и еще несколько человек вышли из златоверхой Поталы в Лхасе и отправились на поиски лекарственных трав. Долгие недели мы шли, поднимаясь все выше и выше, продвигаясь все дальше на север в горы Тянь-Шаня, которые известны также под названием Шамбала. С каждым днем мы приближались к цели. И вот начался снежный буран. Сильный ветер нес маленькие кусочки льда, которые стучали по нашим развевающимся мантиям и до крови ранили кожу там, где она была открыта. Скоро снежные облака развеялись. Здесь, на высоте около двадцати пяти тысяч футов над уровнем моря, небо было ярко-фиолетовым. По нему плыли одинокие облачка, белизна которых удивительно контрастировала с цветом неба. Они казались нам голубыми лошадками Богов, переносящими своих всадников через Тибет.

Мы поднимались все выше, и местность становилась все более труднопроходимой. От разреженного воздуха болели легкие и першило в горле. Мы осторожно ступали по горной тропе. Иногда, чтобы не упасть, нам приходилось цепляться окоченевшими пальцами за едва заметные выступы в обледенелых камнях. Наконец мы достигли таинственного пояса туманов, о котором я писал в книге “Третий глаз”. Когда мы вошли в туман, земля у нас под ногами становилась все теплее и теплее, а воздух — все более плотным и приятным. Постепенно мы вышли из тумана и очутились в высокогорном раю, в одном из древних священных мест. Перед нами простиралась страна давно исчезнувшей расы.

Эту ночь мы провели в тепле и уюте Тайной Земли. После столь изнурительного путешествия было очень приятно ступить на зеленую траву и вдыхать воздух с ароматами летних цветов. В этих местах росли фрукты, которых мы никогда не видели раньше. Мы

пробовали их, а затем ели еще. Приятно был также искупаться в теплой воде и поваляться на золотистом песке.

На следующий день мы продолжили свой путь, поднимаясь еще выше в горы. Однако теперь мы уже ни о чем не беспокоились. Мы продирались через густые заросли рододендрона, проходили мимо грецких орехов и многих других деревьев, названий которых мы не знали. Мы не спешили в этот день. Снова наступил вечер, но мы больше не боялись ночного холода. Погода была хорошей, и у нас на душе было легко. С приближением сумерек мы расположились под деревьями, разожгли костер и приготовили себе ужин. После еды мы еще долго лежали и разговаривали, завернувшись в мантии. Затем один за другим мы уснули.

На следующий день мы вновь продолжили свой путь. Однако не успели мы пройти и трех миль, как нашим изумленным взорам внезапно открылась опушка леса и за ней большое плато. Мы замерли словно парализованные, потому что знали, что сейчас перед нами предстанет нечто, превосходящее все ожидания. Затем мы вышли на опушку и осмотрелись. Плато перед нами тянулось довольно далеко. Оно было ровным, круглым и достигало пяти миль в диаметре. На его противоположном краю высилась огромная гора прозрачного, как стекло, льда. Этот айсберг, казалось, висит до самых небес и является окном в прошлое. Ведь с другой стороны исполинского прозрачного кристалла просвечивал огромный город. Он стоял нетронутый временем и не был похож на все те города, изображения которых мы видели когда-то в книжках, хранящихся в библиотеках Поталы.

Изо льда выступали здания. Большинство из них прекрасно сохранились, потому что лед под воздействием потоков теплого воздуха долины таял так медленно” что ни один камень, ни одна деталь архитектуры не были повреждены. Оттаявшие строения тоже практически не разрушались в чистом сухом горном воздухе Тибета. Дома выглядели так, словно были построены всего за неделю до нашего появления здесь.

Мой наставник, лама Мингьяр Дондуп, нарушил благоговейную тишину словами:

— Братья мои, полмиллиона лет назад здесь был город Богов. Полмиллиона лет назад это был великолепный морской курорт, куда приезжали отдыхать ученые другой расы цивилизованных существ. Они когда-то пришли на Землю с других планет, и я, если пожелаете, расскажу вам потом историю их цивилизации. Поселившись на Земле, они начали враждовать друг с другом, что привело к большому стихийному бедствию, в страхе перед последствиями которого они покинули нашу планету, оставив ее на попечение людей. Их эксперименты закончились тем, что моря вышли из берегов, а затем замерзли. Здесь мы видим перед собой город, который был вначале затоплен, а затем заморожен и лишь поэтому дожил до наших дней.

Мы зачарованно слушали слова Наставника, который рассказывал нам о прошлом Земли. Он поведал нам, что все эти сведения выгравированы на золотых плитах, хранящихся в глубоких подземельях под Поталой. Эти хранилища информации во многом подобны несгораемым капсулам, с помощью которых современные люди собираются донести до своих потомков сведения о жизни в наши времена.

Будто движимые чем-то изнутри, мы одновременно поднялись на ноги и пошли в город, чтобы исследовать те здания, которые уже освободились ото льда. Чем ближе к городу мы подходили, тем больше росло наше удивление. Все вокруг было очень странным. Некоторое время мы не могли понять, что с нами произошло. Дело в том, что нам начало казаться, что мы стали гномами. Затем мы все поняли, в чем здесь дело. Здания в городе были громадными, словно построенными для людей, рост который был в два раза больше нашего. Да, так оно и было. Те люди, сверхгиганты, были в два раза выше современного человека среднего роста. Мы входили в некоторые дома и осматривали интерьер. Один из них, в частности, оказался какой-то лабораторией, в которой было много различных приборов, в том числе работающих.

Громкий плеск ледяной воды, наполняющей камеру, неожиданно вернул меня в реальную жизнь. Истощенный, с изнывающим от пыток телом я лежал в бетонном карцере. Японцы решили, что я уже достаточно долго провалялся в нем, и если от этого у меня до сих пор не “развязался язык”, то он уже и не развяжется. Они подумали, что достать меня из подземелья не так уж сложно: для этого достаточно заполнить его водой, и я, как пробка, всплыву кверху “бутылки”. Когда я поднялся до верха карцера, до узкой части “бутылки”, грубые руки схватили меня и выволокли наружу. Затем солдаты препроводили меня в другую камеру, которая на этот раз была надземной, швырнули на пол и ушли.

На следующий день мне поручили выполнять привычную для меня работу — лечить больных. В конце этой недели лагерь посетила еще одна делегация японских офицеров. На этот раз они приехали без всякого предупреждения, и поэтому персонал лагеря очень суетился. Все часовые были в панике, когда я оказался неподалеку от главных ворот тюрьмы. Никто не обращал на меня внимания, и я решил воспользоваться этой возможностью. Я прошел мимо контрольно-пропускного пункта не очень быстрым шагом, потому что не хотел привлекать к себе внимания, но в то же время и не очень медленным, потому что мне нельзя было задерживаться у всех на виду. Я просто шел и шел как ни в чем не бывало. Один из охранников окликнул меня, и тогда я повернулся и махнул рукой, словно приветствуя его. По какой-то непонятной причине он ответил мне тем же, а затем стал заниматься своими делами. Я продолжал шагать по дороге. Как только тюрьма скрылась из виду за кустами, я побежал настолько быстро, насколько меня могли нести мои ослабевшие ноги.

Я вспомнил, что в нескольких милях от тюрьмы был дом, в котором жили знакомые мне люди с Запада. Когда-то я очень помог им, и теперь под прикрытием ночи направился к их дому. Они встретили меня с громкими возгласами симпатии. Затем они перебинтовали мои раны, накормили меня и положили в постель, обещая, что сделают все от них зависящее, чтобы переправить меня через линию фронта. С мыслью о том, что я снова вернулся к друзьям, я глубоко уснул.

Однако вскоре я был разбужен громкими криками и грубыми ударами. Японские солдаты стояли в комнате. Подталкивая штыками, они стянули меня с кровати. Оказалось, что мои так называемые друзья после всех изъявлений симпатии дождались, пока я усну, а затем сообщили японцам, что у них в доме скрывается беглец из тюрьмы. Те не теряли времени и сразу же пришли с конвоем, чтобы забрать меня обратно в лагерь. Прежде чем меня увели, я успел спросить у западных людей, почему они так предательски поступили со мной. Их ответ прояснил суть дела.

— Ты нам не чета. Мы заботимся только о своих людях. Если бы японцы узнали, что мы тебя укрыли, тень пала бы на всех людей Запада.

В лагере меня не ожидало ничего хорошего. На несколько часов меня подвесили на дереве за два больших пальца рук, связанных вместе. Затем перед лицом заключенных были устроены показательные пытки. Начальник тюрьмы сказал:

— Этот пленный постоянно убегает. Тем самым он доставляет нам лишние хлопоты.

Затем он вынес мне приговор. Меня свалили на землю. Мне под ноги были положены колодки, так что ноги оказались приподнятыми над землей. На каждой из моих ног японский солдат прыгал до тех пор, пока кость не ломалась. От боли я потерял сознание. Когда я снова пришел в себя, оказалось, что я лежу в холодной, сырой камере, в которой полно крыс.

Я знал, что если не смогу явиться на утреннюю поверку, меня прикончат. Мои друг-заключенный раздобыл мне несколько бамбуковых палочек, с помощью которых я укрепил сломанные кости. Еще две палки я использовал в качестве костылей, а третья послужила мне чем-то вроде дополнительной ноги для поддержания равновесия. Благодаря этим приспособлениям я побывал на утренней поверке и тем самым избежал

смерти. Мне могли распороть живот, меня могли повесить, заколоть штыком или прикончить как-нибудь по-другому, ведь японцы проявляли оригинальность в подобных случаях.

Скоро мои раны зарубцевались, а кости в ногах срослись — хотя и не так хорошо, как можно было ожидать, если бы их соединил вместе другой человек. В один прекрасный день комендант послал за иной и объявил, что меня перевезут дальше в глубь страны в лагерь для женщин, где я буду лечить больных. Таким образом, я снова отправлялся в путь. На этот раз меня сопровождали несколько охранников” хотя я был единственным перевозимым заключенным. Когда пришло время трогаться, мне приказали залезть в кузов, где меня, как собаку, приковали цепью к борту. После семидневного переезда мы наконец прибыли в лагерь, и тогда меня расковали и повели к коменданту.

Здесь не было никакого медицинского оборудования, никаких лекарств. Все инструменты мы делали из консервных банок, края которых затачивались о камень, бамбуковых палочек и ниток, вытянутых из одежды. У некоторых женщин одежда была такой, что не годилась даже на нитки. Все операции проводились без наркоза, а раны зашивались проваренными нитками. Часто вечером приходили японцы и выстраивали всех женщин в один ряд. Затем они выбирали тех из них, которые им больше всего нравились, и уводили их с собой на ночь для развлечения офицеров и их гостей. Утром эти женщины возвращались, уныло потупив взгляд, и мне как тюремному врачу приходилось выхаживать их.

ГЛАВА 10 НАУКА ДЫШАТЬ.

Японские солдаты снова были не в духе. Офицеры тоже ходили, сердито поглядывая на заключенных, и раздавали пинки всем, кто попадался под руку. Уныние не покидало нас, когда мы думали о том, что нам предстоит пережить еще один нелегкий день. В этот день нам могут не дать поесть, будут грубо обращаться и заставлять выполнять бессмысленную работу. Несколько часов прошло с тех пор, как во двор лагеря на полном ходу, поднимая облака пыли, ворвалась большая американская машина с очередной комиссией. Она остановилась, так громко взвизгнув тормозами, что если бы ее конструкторы услышали этот звук, им бы наверняка сделалось дурно. По всему лагерю засуетились часовые и надсмотрщики. На ходу застегивая свои потертые гимнастерки, они бежали, чтобы занять свои места. Охранники бросились на свой пост у входа в лагерь, хватая на ходу какие-то вещи, чтобы создать у приехавших впечатление, что они выскочили за чем-то на минутку.

Так состоялся неожиданный визит одного из главных генералов провинции. Очевидно, ему удалось застать местное начальство врасплох. Дело в том что всего лишь два дня назад состоялась предыдущая проверка лагеря, и теперь никто не мог предположить, что вот так стремительно нагрянет новая. Иногда казалось, что инспекция специально приезжала в этот женский лагерь, когда хотела устроить вечеринку. В таких случаях они выстраивали женщин в одну шеренгу, осматривали их, а затем выбирали тех, которые им понравились. Потом их уводили под конвоем, и вскоре из дома до нас доносились крики.

Однако в этот раз проверка была настоящей. Нас посетил высокопоставленный генерал, недавно прибывший из Японии специально для того, чтобы проконтролировать состояние лагерей. Позже мы узнали, что по результатам проверки некоторых офицеров понизили в должности, и впоследствии своей жестокостью они пытались отомстить нам за это.

В конце концов все солдаты лагеря построились в одну шеренгу, готовые к осмотру. Они много суетились и, перебежал с места на место, поднимали целые облака пыли. Мы с интересом наблюдали за ними из-за колючей проволоки, потому что на этот раз проверяли их, а не нас. Они долго стояли неподвижно, и на их лицах можно было

прочесть напряженное ожидание чего-то очень неприятного. Наблюдая за всем происходящим во дворе, мы заметили, что возле склада проверяют наличие оружия. Затем из машины вышел генерал и важно прошелся вдоль строя. Его длинный самурайский меч волочился за ним по земле. Лицо генерала было искажено гневом, потому что его заставили так долго ждать в машине. Его адъютанты нервничали и делали неловкие движения, приплясывая вокруг него. Генерал медленно прошелся вдоль строя, указывая на тех, кто, по его мнению, выглядел неприлично. В этот день все ему казалось не таким как нужно. События принимали плохой оборот.

Низкорослые “Сыновья Неба” выглядели очень жалко. В спешке некоторые из них не нашли своих ружей и поэтому ухватили первое, что попало под руку. Они полностью потеряли голову. Их единственным стремлением было показать, что они действительно что-то делали, а не просто слонялись и теряли время. Генерал двигался вдоль строя, а затем неожиданно остановился и гневно вскрикнул. Один солдат вместо ружья держал черпак ассенизатора с жестяной емкостью на конце. Совсем недавно один из заключенных использовал этот черпак для очистки лагерного туалета.

Генерал посмотрел на солдата, потом на черпак, а затем поднял глаза вверх для того, чтобы посмотреть на жестянку на конце шеста. Он все больше и больше приходил в ярость. Некоторое время от злости он ничего не мог сказать. До этого он уже дал несколько пощечин тем солдатам, которые были плохо одеты. Но сейчас при виде этого черпака он стал просто невменяем. Когда к нему вернулась способность двигаться, он подпрыгнул от ярости и оглянулся в поисках какого-нибудь предмета, чтобы ударить им солдата. И тут он понял, что ему делать. Он заметил у земли конец своего меча, отстегнул его вместе с ножнами и изо всей силы ударил беднягу по лицу этим красивым оружием. Несчастный солдат упал на колени, а затем повалился на землю. У него из носа и из ушей потекла кровь. Генерал презрительно пнул его и кивнул своим адъютантам. Те взяли несчастного за ноги и поволокли прочь. Голова солдата продолжала подскакивать на камнях до тех пор” пока они не скрылись из виду. В нашем лагере этого солдата больше никто не видел.

Для этой инспекции все было не так. Генерал и сопровождающие его офицеры находили изъяны везде. То и дело что-то заставляло их багроветь от злости. Они осмотрели все один раз, а затем начали осмотр сначала, по второму кругу. Ничего подобного мы никогда не видели. Однако в одном отношении эта проверка была хороша. Генерал был так раздражен нерадивостью служащих тюрьмы, что забыл осмотреть заключенных. В конце концов все офицеры ушли в дом, и оттуда еще некоторое время доносились крики. Прозвучало даже несколько выстрелов. Затем гости вышли из здания, сели в машины и укатили прочь. Солдатам дали команду разойтись, и они разбрелись кто куда, еще не опомнившись от страха.

Таким образом, японские солдаты были не в духе. Они избили женщину-датчанку только за то, что она была выше ростом, чем они, и поэтому рядом с ней они чувствовали себя ущемленными. Они кричали, что она выше, чем японский солдат, и с ее стороны это оскорбление Императора! Ее сшибли с ног ударом приклада и стали пинать ногами. При этом ей повредили внутренности и разбили до крови лицо. Затем ей приказали в течение часа или двух до заката оставаться возле главного входа в дом надсмотрщиков. Она должна была стоять на коленях перед дверью, истекая кровью.

Никто, каким бы больным он ни был, не мог сделать что-либо без разрешения охранников. Если заключенный умирал, что же, со следующего дня его не нужно было кормить. Это совсем не волновало японцев, и датчанка действительно умерла. Перед самым закатом она повалилась на бок. Никто не имел права подойти к ней, чтобы помочь. В конце концов солдаты позвали двух заключенных и разрешили им унести ее. Те принесли тело ко мне, но было уже поздно. Она умерла от потери крови.

Лечить больных в лагерных условиях было нелегко. У нас не было медикаментов. Бинты, которыми мы перевязывали раны, тоже вышли. Мы их стирали до тех пор, пока

они не прохудились настолько, что несколько оставшихся нитей едва держались вместе. Мы больше не могли рвать на бинты одежду, потому что ни у кого не было ничего запасного. У некоторых заключенных вместо одежды были какие-то отрепья. Ситуация становилась все более сложной. У нас было так много больных, так много раненых, и не было никаких возможностей лечить их.

В Тибете я изучал свойства целебных трав, и во время одного из выходов за пределы лагеря я обнаружил одно растение, которое показалось мне очень знакомым. У него были большие широкие листья. Его можно было использовать в качестве лекарства, стягивающего раны. Именно в этом лекарстве мы тогда больше всего нуждались.

Теперь нам нужно было решить следующую проблему: как доставить в лагерь нужное количество листьев этого растения? Мы вместе обсуждали этот вопрос и легли спать далеко за полночь. В конце концов мы решили, что впредь работающие за пределами лагеря будут собирать листья и, кто как сможет, приносить их в лагерь. Договорились также, где их лучше прятать. Наконец одна воистину мудрая особа внесла предложение, что листья можно доставлять в лагерь в стволах бамбука, потому что иногда группу женщин отправляют на заготовку бамбука.

Женщины, или “девушки”, как они себя называли независимо от возраста, натаскали в лагерь много мясистых листьев. Мне было приятно узнать об этом — я словно встретил старых друзей. Мы разостлали листья на земле за бараками. Японские охранники смотрели на нас равнодушно. Их совсем не волновало то, что мы делаем. Они решили, что мы сошли с ума или что-то в этом роде. Однако это было нам на руку, потому что нужно было рассмотреть все листья и тщательно их рассортировать. Дело в том, что женщины никогда раньше не собирали листьев этого растения и поэтому принесли листья нескольких разновидностей, из которых можно было пользоваться только одной. Мы просмотрели все листья и выбрали те, которые нам подходили. Ненужные листья — надо же было куда-то их девать! — мы отнесли на кучу трупов, находящуюся в одном из углов лагеря.

Оставшиеся листья были рассортированы по принципу: большие к большим, меньшие к меньшим. Затем нужно было тщательно очистить их от грязи, поскольку помыть их не было никакой возможности ввиду того, что воды в лагере не хватало. Теперь нам нужно было найти подходящий контейнер для того, чтобы в нем перемять листья. Лагерная миска для риса была самой большой из имеющихся емкостей, поэтому мы решили воспользоваться ею. Дальше нам предстояло найти камень с острыми краями, с помощью которого можно было бы перемолоть листья в густую однородную массу. Наконец нам посчастливилось отыскать подходящий камень. Поднять его можно было лишь вдвоем. Женщины по очереди помогали мне, и в конце концов нам удалось превратить листья в клейкое зеленое тесто.

Кроме того, нам предстояло найти такой материал, который бы придавал массе форму и вбирал в себя кровь и гной, пока лекарство действует. Бамбук славится тем, что его можно использовать почти во всех ситуациях. Теперь мы тоже решили прибегнуть к этому растению. Из старых палок и древесных отбросов была извлечена сердцевина и высушена в консервных банках над огнем. Когда ее размельчили, она стала напоминать по консистенции муку, которая так же хорошо вбирает влагу, как и хлопчатобумажная ткань. Затем мы смешали равные доли листовенной массы и древесной муки, получив при этом подходящую смесь. К несчастью, смесь легко крошилась и рассыпалась на мелкие кусочки от одного прикосновения.

Теперь оставалось сделать материал, на который можно было наносить смесь. С этой целью мы разделили на волокна молодые зеленые побеги бамбука и вытянули их с тем, чтобы получить нити максимальной длины. Эти нити были положены на тщательно вымытые металлические листы, которые предохраняли их от воспламенения. Мы выкладывали волокна вдоль и поперек, так что можно было подумать, что мы занимаемся

ткачеством. Получилось что-то наподобие длинного, узкого и неприглядного сеточного ковра размером восемь футов на два.

С помощью катка, сделанного из толстого куска бамбука, мы нанесли смесь листьев и древесной муки на сеть и размазали ее так, чтобы все бамбуковые волокна были покрыты ею. Добившись довольно равномерного распределения массы по поверхности ковра, мы перевернули его и сделали то же с другой стороны. Когда работа была закончена, в нашем распоряжении оказалась грубая бледно-зеленая ткань, из которой можно было делать повязки, способствующие быстрому заживлению ран. Она была чем-то похожа на плотную бумагу, на зеленый картон, который сгибается, но только тогда, когда к нему приложены некоторые усилия. Понятно, что разрезать его оказалось нелегко, особенно если принять во внимание, что все наши инструменты были очень тупыми. Однако в конце концов нам удалось разрезать этот материал на полоски шириной по четыре дюйма и отодрать их от металлических листов, к которым они, высыхая, приклеились. Теперь они были готовы к употреблению. Одной повязкой можно было пользоваться много недель. Со временем мы убедились, что эти повязки не раз спасали жизнь раненым.

Однажды женщина, работавшая у японцев на кухне, притворилась больной. Под этим предлогом она пришла ко мне и возбужденно рассказала следующую историю. Ее послали навести порядок в кладовой, где хранились вещи, конфискованные у американцев. Нечаянно она споткнулась о жестяную банку, на которой не было этикетки. Из банки при этом выпало несколько красно-коричневых кристаллов. Стараясь устранить следы своей небрежности, она размела их руками по полу. Впоследствии, окунув руки в воду для того, чтобы продолжить мытье полов, она заметила, что на руках образовались темно-коричневые пятна. Теперь ее беспокоило, не умрет ли она от этого, и не было ли это все специально подстроено японцами. Она решила, что в любом случае ей нужно прежде всего посоветоваться со мной.

Я посмотрел на ее руки, а затем понюхал их. Если бы я не был сдержанным человеком, я бы запрыгал от радости. Мне было ясно, что такие пятна может давать на коже только перманганат калия — вещество, использующееся для лечения тропической язвы, рецидивы которой часто случались среди заключенных.

— Нина, любыми средствами добудь оттуда эту баночку, — сказал я. — Плотнo закрой ее, положи в корзинку и принеси сюда, не замочив.

Она вернулась на свое рабочее место вне себя от радости при мысли о том, что ей посчастливилось обнаружить средство, которое поможет хотя бы немного уменьшить страдания людей. Вечером этого дня она вернулась с баночкой кристаллов, на следующий день принесла еще одну баночку, а через день — еще одну. В эти дни мы молились за американцев. Мы молились даже за японцев, которые конфисковали это все у американцев!

Тропическая язва — ужасная болезнь. В основном она начинается там, где плохое питание и низкий уровень гигиены. Если человек долго не может помыться, это может послужить причиной возникновения тропической язвы. Поначалу у человека чешется какое-то место на коже. Ни о чем не задумываясь, он царапает его. На месте царапины появляется небольшой прыщик размером с булавочную головку. Его тоже как правило сдирают или раздавливают, и при этом в ранку попадает инфекция.

Со временем вся кожа в районе этого места становится ярко-красной и на ней появляются желтые бугорки, которые тоже сильно чешутся, что приводит к появлению новых царапин. Язва растет вширь и вглубь.

Вслед за этим на поверхности кожи выступает отвратительная вонючая жидкость. Между тем тело человека ослабевает все больше. Язва въедается в человека все глубже, поражая мышцы, хрящи и кости. Если не предпринять никаких мер, человек рано или поздно умирает.

Однако с этой болезнью можно бороться. Язва — источник инфекции — должна быть удалена как можно скорее. Поскольку у нас не было никакого оборудования, нам в таких случаях приходилось прибегать к весьма решительным мерам. Для того, чтобы спасти жизнь пациентки, нужно было удалить всю зараженную язвой область тела. Это можно было сделать только одним путем. Из жестянки мы изготовили специальный нож и тщательно заострили его о камень. Перед началом операции его как можно лучше стерилизовали над огнем. Другие женщины помогали держать больную, пока я вырезал омертвелую область, оставляя только чистую, здоровую ткань.

В ходе операции нужно было следить за тем, чтобы в теле не осталось ни одного очага инфекции, ведь в этом случае язва будет продолжать расти снова, как сорное растение, корни которого остались в земле. После удаления всех зараженных тканей полость в теле заполнялась травяной пастой, и пациентка начинала медленно выздоравливать. Хотя здоровье — понятие относительное в лагерных условиях! Где-нибудь в другом месте “здоровую” по нашим меркам женщину признали бы находящейся при смерти. Что же касается перманганата калия, он помогал процессу заживления ран, не давая им загниваться и предотвращая заражение крови. У нас это вещество было на вес золота.

Наверное, читателю покажется, что все это очень грубое лечение. И действительно, иначе его не назовешь! Однако наши “грубые” методы многим спасли жизнь и позволили во многих случаях избежать ампутации. Без применения таких методов язва продолжает расти до тех пор, пока не поразит большую область тела, и тогда человека можно спасти, только удалив ему (без наркоза!) руку или ногу.

Нелегко было лечить больных в нашем лагере. Японцы никак нам не содействовали, и мне в конце концов пришлось использовать кое-что из того, чему я когда-то научился в монастыре. Я припомнил науку о дыхании и научил многих, как нужно дышать в тех или иных ситуациях. Ведь если человек дышит правильно, в соответствии с определенным ритмом, он может исцелить себя как физически, так и духовно.

Мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, обучил меня науке дыхания, увидев однажды, как я задыхаюсь, поднимаясь на высокий холм.

— Лобсанг, Лобсанг, как тебе удалось довести себя до такого состояния изнеможения? — спросил он меня.

— Почтенный Мастер, — ответил я, тяжело дыша, — я пытался подняться на холм на ходулях.

Он грустно взглянул на меня и понимающе покачал головой. Затем он вздохнул и пригласил меня сесть рядом. Некоторое время мы молчали. При этом было слышно только мое шумное дыхание, которое мне все никак не удавалось вернуть к норме.

Перед этим я прохаживался на ходулях вдоль Лингхорской Дороги, хвастаясь перед путниками. Я старался доказать им, что монахи Чакпори могут передвигаться на ходулях дольше и быстрее, чем кто-либо другой в Лхасе. Для того, чтобы развеять у них последние сомнения, я развернулся и побежал на ходулях на холм. Однако как только я достиг первого поворота, за которым путники меня уже не могли видеть, я упал на землю в изнеможении. Здесь-то в этом неловком положении меня и застал Наставник.

— Лобсанг, пришло время тебе кое-чему научиться, — сказал он. — Это все была с твоей стороны игра, невинная забава, но она показала тебе, что ты нуждаешься в изучении науки дыхания. Идем со мной. Сейчас мы увидим, можно ли тебе чем-нибудь помочь.

Он поднялся и повел меня вверх, на холм. Я устал встал на ноги, подобрал свои ходули, лежащие недалеко от меня, и последовал за ним. Он легко шагал вверх, и казалось, что он не поднимается, а скользит. В движениях этого человека не чувствовалось никакого напряжения, тогда как я, будучи намного моложе его, едва поспевал за ним и тяжело дышал, как собака в жаркий летний день.

На вершине холма находился наш монастырь, и мы вошли в него. Я последовал за Наставником в его комнату. В помещении мы, как всегда, уселись на полу, и лама попросил подать нам чай, без которого ни один тибетец не начнет серьезный разговор. Мы молчали, когда монахи вошли в комнату с чаем и тсампой. Мы выпили чай, после чего лама дал мне первое наставление об искусстве дыхания. Именно это наставление больше всего пригодилось мне, когда я оказался в лагере.

— Лобсанг, ты выбился из сил и запыхался, как старик, — сказал он. — Я вскоре научу тебя легко справляться с такими нагрузками, потому что человек не должен так выкладываться там, где можно вести себя легко и непринужденно. Очень многие не уделяют должного внимания дыханию. Они думают, что достаточно просто вдохнуть некоторый объем воздуха, затем выдохнуть его, а затем вдохнуть его снова.

— Однако, уважаемый Мастер, — ответил я, — уже девять с лишним лет я дышу, как все, и не испытываю никаких затруднений. Разве можно дышать как-то не так?

— Лобсанг, запомни, дыхание — источник жизни, Ты можешь ходить и бегать лишь потому, что ты дышишь. Ты должен научиться дышать по-новому, а для этого тебе прежде всего следует научиться следить за частотой вдохов и выдохов. Дело в том, что, научившись управлять ритмом дыхания, ты сможешь в каждом конкретном случае выбирать необходимый ритм, ведь каждому роду деятельности соответствует какой-то оптимальный ритм дыхания.

Он взял в руки мое левое запястье и указал то место, где измеряют пульс.

— Следи за частотой сокращений сердца, за своим пульсом, — продолжил он. — Слышишь, как стучит сердце: раз, два, три, четыре, пять, шесть. Теперь сам нащупай у себя пульс и сосчитай удары, как я тебе только что показал.

Я сделал то, что было велено, сосчитав пульс до шести. Затем я посмотрел на Наставника, и он снова заговорил:

— Если ты внимательно проследишь за собой, то заметишь, что вдох длится в течение шести ударов сердца. Но это не лучший вариант. Ты должен научиться изменять продолжительность вдоха. Этим мы сейчас с тобой и займемся.

Он сделал паузу, в течение которой смотрел на меня, а затем сказал:

— Дело в том, Лобсанг, что все вы, мальчишки, — а я часто наблюдаю, как вы играете, — очень быстро начинаете задыхаться, потому что не знаете элементарного принципа дыхания. Вы думаете, что главное — ухватить воздух и вытолкнуть его, и это все. Ничто не может быть более ошибочным. Существуют четыре метода дыхания. Поэтому давай рассмотрим их один за другим и разберемся, что они собой представляют и как они могут нам помочь. Первый метод довольно примитивен. Он известен под названием верхнее дыхание, потому что в этом случае используется только верхняя часть легких, в ней, как ты знаешь, помещается меньше всего воздуха. Когда ты дышишь этим способом, то каждый раз вдыхаешь в легкие очень мало нового воздуха, оставляя в них очень много старого. Смотри, для того, чтобы так дышать, нужно приподнимать только верхнюю часть грудной клетки. Нижняя ее часть и живот при этом неподвижны, и это очень плохо. Забудь о верхнем дыхании, Лобсанг. Оно почти всегда нецелесообразно. Это самый плохой метод дыхания, и поэтому ты должен обратиться к другим методам.

Он некоторое время молчал, а затем посмотрел на меня и сказал:

— Наблюдай, я показываю тебе верхнее дыхание. Обрати внимание, как при этом я напрягаю свое тело. Однако, как ты убедишься впоследствии, именно так дышит большинство людей на Западе, большинство людей, проживающих за пределами Индии и Тибета. Такое дыхание приводит к тому, что они начинают думать медленно и производят впечатление заторможенных.

Я смотрел на него с открытым от удивления ртом. Я не мог себе вообразить, что дыхание — такая серьезная вещь. Я всегда думал, что дышу довольно правильно, но сейчас начал убеждаться, что это не так.

— Лобсанг, ты меня слушаешь невнимательно. Теперь мы рассмотрим второй метод дыхания. Он известен под названием среднее дыхание. Это также не самый хороший способ. Мы сейчас не будем углубляться в него, потому что я не хочу, чтобы ты им пользовался. Однако знай, что, оказавшись на Западе, ты будешь много слышать о так называемом реберном дыхании, то есть дыхании, при которой диафрагма остается неподвижной.

Третий способ дыхания называется нижним дыханием. Хотя он немного лучше, чем два предыдущих метода, он тоже неправилен. Некоторые люди называют его диафрагменным дыханием. Во время такого дыхания воздух заполняет не все легкие, и поэтому он застаивается в них, что способствует появлению одышки и развитию болезней. Поэтому никогда не дыши ни одним из этих способов, а дыши так, как я и все другие ламы, — используй *Полное Дыхание*. Теперь я тебе расскажу, что это такое.

“Вот как! — подумал я. — Только теперь мы дошли до сути дела, только теперь я узнаю что-то полезное. Зачем же тогда он рассказывал мне все то, что я никогда не должен делать?”

— Я рассказал тебе об этом потому, — сказал Наставник, очевидно, прочтя мои мысли, — что наряду с хорошими сторонами ты должен знать и все плохие. С тех пор, как ты прибыл в Чакпори, тебе, наверное, неоднократно бросалось в глаза то, что здесь подчеркивают важность привычки держать рот закрытым. Это делается не только для того, чтобы монах поменьше разговаривал, а побольше думал. Смысл этого также в том, что человек привыкает дышать через нос, используя те фильтры, которые имеются в ноздрах. Кроме того, он задействует механизм нагревания воздуха в носоглотке. Поэтому если человек слишком долго дышит через рот, нос в конце концов закладывает, и у человека начинается катар, головная боль или какая-то другая болезнь.

Тут я не без сожаления обратил внимание на то, что слушаю его с открытым от удивления ртом. Я быстро закрыл его и при этом издал звук, который заставил Наставника улыбнуться. Однако он ничего не сказал мне об этом, а продолжал:

— Ноздри в действительности представляют собой очень важное звено дыхательной системы, и нужно следить за тем, чтобы они были чисты. Когда ты чувствуешь, что ноздри засорились, втяни носом немного воды, дай ей протечь через носоглотку в рот, а затем выплюнь ее. Поначалу пользуйся для этой цели теплой водой, потому что от холодной тебе может захотеться чихнуть. И что бы ты ни делал, никогда не дыши через рот, а только через ноздри.

Он позвонил в колокольчик. Вошел слуга. Он снова наполнил наши чаши чаем, принес свежую тсампу, поклонился и ушел. Через некоторое время лама Мингьяр Дондуп продолжил наш разговор.

— Теперь, Лобсанг, мы рассмотрим правильный метод дыхания, который дал возможность некоторым тибетским ламам прожить довольно долгую жизнь. Давай изучим Полное Дыхание. Само название этого метода подразумевает, что он объединяет в себе три предыдущих вида дыхания: нижнее, среднее и верхнее. В ходе такого дыхания легкие полностью заполняются воздухом, кровь очищается и заряжается жизненной энергией. Дышать этим способом очень легко. Тебе нужно занять удобное положение сидя или стоя и дышать через нос. Я наблюдаю за тобой некоторое время и вижу, что ты пытаешься глубоко дышать, но у тебя не получается, потому что ты сгорбился и сильно ссутулился. Тебе нужно держать спину вертикально. Это все, что нужно для правильного дыхания.

Он посмотрел на меня и вздохнул, но огонек в его глазах дал мне понять, что он не опечален. Затем он встал, подошел ко мне и, взяв под локти, приподнял меня так, что моя спина выпрямилась.

— Запомни это положение, Лобсанг, — сказал он, — так ты должен сидеть. При этом у тебя позвоночник вертикален, живот под контролем, а руки свободно свисают по сторонам. Сидя в таком положении, вдохни верхней частью легких, затем средней, а затем диафрагмой, так чтобы нижняя часть живота выдвинулась вперед. Таким образом при

полном дыхании делают вдох. Как видишь, в этом нет никакого волшебства, Лобсанг. Это самое обычное, самое разумное дыхание. Тебе нужно вдохнуть как можно больше воздуха, а затем выдохнуть как можно больше и продолжать дышать так все время. Тебе может показаться, что все это слишком сложно и что не стоит и пытаться привыкать к такому способу дыхания. Однако, уверяю тебя, твои усилия окупятся сторицей. Ты ведь понимаешь, что мы сейчас занимаемся дыханием не потому, что ты слишком заторможен, и не потому, что ты недавно запыхался, поднимаясь на ходулях на холм. Это часть наших занятий, часть твоей всесторонней подготовки.

Я дышал некоторое время так, как он мне показал, и к собственному изумлению убедился, что так действительно дышится легче. Несколько минут мне казалось, что вот-вот закружится голова, но потом стало легче. Я заметил, что ярче вижу цвет окружающих предметов, а еще через несколько минут у меня определенно улучшилось самочувствие.

Отныне, Лобсанг, я буду каждый день давать тебе какое-нибудь дыхательное упражнение, и прошу тебя, чтобы ты прилежно выполнял их. Вот увидишь, игра стоит свеч. Ты не будешь никогда выбиваться из дыхания. Небольшой пригорок — и ты запыхался, а я во много раз старше тебя и поднялся на него как ни в чем не бывало.

Он сел и принялся наблюдать за тем, как я дышу в соответствии с его наставлениями. Уже тогда, в самом начале моего обучения, я мог оценить мудрость его советов.

— Каким бы способом дыхания ты ни пользовался, — продолжал он, — весь смысл дыхания в том, чтобы вбирать в легкие как можно больше воздуха и распределять его по телу в виде *праны*. Так мы называем силу жизни. Прана дает жизнь человеку и другим живым существам: растениям и животным. Даже рыбы извлекают из воды кислород и превращают его в прану. Однако сейчас мы говорим о твоём дыхании, Лобсанг. Медленно вдохни, затем удержи дыхание на несколько секунд, а затем медленно выдохни. Вскоре ты узнаешь, что, регулируя отношение продолжительности вдоха, задержки и выдоха, можно достигнуть эффекта очищения и исцеления. Наиболее важной разновидностью полного дыхания является, по всей вероятности, очищающее дыхание. Сейчас мы рассмотрим его, потому что, начиная с этого дня, я хочу, чтобы ты проделывал его регулярно утром и вечером, а также в начале и в конце любого другого упражнения.

Я слушал его очень внимательно. Я знал о том, что ламы обладают удивительными способностями: они могут нестись по земле быстрее, чем скачущий во весь опор всадник; они могут спокойно и уверенно действовать в любых условиях. Поэтому я решил, что, как бы долго мне ни пришлось учиться, чтобы стать ламой — а тогда я был всего лишь новичком, — я во что бы то ни стало овладею наукой дыхания.

— Итак, Лобсанг, теперь поговорим об очищающем дыхании, — продолжил лама Мингъяр Дондуп. — Сделай три глубоких вдоха. Нет, не такие поверхностные, как ты делал раньше. Вдохи должны быть глубокими, по-настоящему глубокими, самыми глубокими, на которые ты способен. Для этого подтянись, начни вдох и не прекращай его, пока не заполнишь легкие воздухом. Хорошо, — сказал он, посмотрев на меня. — С третьим вдохом удержи дыхание на некоторое время, а затем сложи губы так, словно собираешься свистнуть. Теперь начинай выдыхать воздух через рот как можно сильнее, но не раздувай при этом щеки. Выдыхай его со всей силой, какая у тебя есть. Затем остановись на одну секунду и удержи в себе оставшийся воздух. Потом как можно энергичнее выдохни еще немного. Остановись еще на секунду, а затем выдуй весь оставшийся воздух с тем, чтобы в легких ничего не осталось. Выдыхай как можно энергичнее. Помни, что в этом случае ты должен выдыхать воздух с силой через небольшое отверстие между губами. Ну как, разве ты не находишь, что такое дыхание освежает?

Я удивился и вынужден был признать, что это действительно так. Мне казалось довольно глупым шипеть и дуть изо всей силы, но когда я попробовал сделать это несколько раз, то убедился, что энергия наполняет меня, и я чувствую себя теперь

намного лучше, чем когда-либо раньше. Тогда я стал раздувать щеки, фукать, пшикать, то вдыхая, то выдыхая воздух. Вскоре я почувствовал, что у меня закружилась голова. Мне показалось, что я становлюсь все легче и легче. Сквозь туман, который окутал меня, я услышал голос Наставника:

— Лобсанг, Лобсанг, прекрати! Так дышать нельзя. Дыши так как я тебе сказал. Не нужно никаких экспериментов — они опасны! Вот сейчас ты опьянел от неправильного дыхания, оттого, что слишком часто дышал. Занимайся только теми упражнениями, которые я тебе показал, ведь у меня есть некоторый опыт в этих делах. Позже у тебя будет возможность поэкспериментировать самому. Однако, Лобсанг, кого бы ты ни обучал, никогда не забывай предостерегать их о том, чтобы они делали только те упражнения, которые ты ни показываешь, и не экспериментировали сами. Скажи им, что без опытного учителя поблизости эксперименты с изменением частоты дыхания очень опасны. И в то же время выполнение нескольких проверенных упражнений не сопряжено ни с каким риском. Эти упражнения не могут причинить никакого вреда тем, кто точно следует наставлениям.

Лама встал и продолжил:

— А сейчас, Лобсанг, будет неплохо, если мы увеличим твою нервную силу. Стань ровно — так же, как я.

Вдохни как можно глубже, а затем, когда тебе покажется, что ты уже заполнен воздухом до предела, вдохни еще немного. Выдыхая медленно. Очень медленно. Потом заполни легкие воздухом еще раз и удержи дыхание. Вытяни руки перед собой, не прилагая никаких усилий, кроме тех, которые нужны для того, чтобы поддерживать их в горизонтальном положении. А теперь смотри на меня. Вскидывай руки к плечам, постепенно напрягая мышцы. К тому времени, когда руки коснутся плеч, мышцы должны быть напряжены, а кулаки плотно сжаты. Посмотри, как это делаю я. В конце концов кулаки должны оказаться у плеч так плотно сжатыми, чтобы руки дрожали от напряжения — Не расслабляя рук, несколько раз — раз шесть, например, — медленно вытяни их перед собой, а затем быстро верни к плечам. При этом выдыхай так, как я тебе показал раньше: через рот, при плотно сжатых губах и как можно интенсивнее. Сделав это несколько раз, повтори снова очистительное дыхание.

Я проделал все, что он мне только что показал, и снова убедился, что приобрел очень ценный навык. Кроме всего прочего, это было забавное упражнение, а я так любил побаловаться!

— Лобсанг, я подчеркиваю, — прервал мои мысли Наставник, — снова и снова, что скорость вскидывания рук к плечам и сила сжатия кулаков определяют эффективность этого упражнения. Естественно, ты должен следить и за тем, чтобы перед началом выполнения этого приема легкие были до отказа наполнены воздухом. Это упражнение просто бесценно. Оно неоднократно выручит тебя в будущем.

Затем он сел и принялся наблюдать за тем, как я выполняю всю последовательность действий. Он тактично указывал мне на ошибки и похвалил, когда я сделал все довольно хорошо. Потом он попросил меня еще раз повторить всю последовательность изученных упражнений, чтобы убедиться в том, что я могу совершать их без всякого вмешательства с его стороны. Затем он велел мне сесть рядом с ним и рассказал о том, как была разработана тибетская система дыхательных упражнений. Оказалось, что она основывается на сведениях, которые были получены в результате расшифровки древних записей, хранящихся в подземельях под Поталой.

Впоследствии в своих занятиях я неоднократно возвращался к науке о дыхании, потому что у нас в Тибете лечат не только травами, но и дыхательными упражнениями. Недаром считается, что дыхание — источник жизни. Принимая это во внимание, представляется целесообразным изложить здесь несколько соображений, которые, возможно, облегчат жизнь людям, страдающим от хронических заболеваний. Я уверен, что правильным дыханием можно излечить многие болезни. Однако я хочу предостеречь

каждого, кто пожелает воспользоваться моими советами. Дыши только так, как сказано на этих страницах, потому что любые эксперименты с дыханием очень опасны, особенно если рядом нет опытного учителя. Трудно вообразить себе что-нибудь более глупое, чем бездумное экспериментирование с подобными вещами.

Болезни желудка, печени и крови могут быть излечены с помощью так называемого “сдержанного дыхания”. Знай, что в этом способе дыхания нет никакой магии, хотя результат иногда кажется поистине магическим, не имеющим себе равных при каких-либо других способах лечения. Итак, прежде всего стань ровно, а если лежишь в постели, ляг ровно. Давай предположим, что Ты все же находишься не в постели, а стоишь на полу. Встань, сведи пятки вместе, выровняй плечи и расправь грудь. В таком положении низ живота будет немного напряжен. Глубоко вдохни, наполни легкие воздухом до отказа и удержи дыхание до тех пор, пока не почувствуешь в висках слабый — очень слабый — стук.

Как только Ты почувствовал это, сильно выдохни через открытый рот. Это должен быть ПО-НАСТОЯЩЕМУ сильный выдох: не просто позволь воздуху выйти, а вложи в него всю свою энергию. Затем сделай очищающее дыхание.

Я сейчас не буду снова рассматривать очищающее дыхание, потому что уже рассказал в этой главе, как мой наставник, лама Мингьяр Дондуп, обучал меня этому упражнению. Отмечу лишь, что очистка дыханием абсолютно незаменима, если Ты действительно желаешь улучшить свое здоровье.

Прежде чем мы продолжим анализ различных видов дыхания, нам следует договориться о единице времени для определения продолжительности вдохов и выдохов. Я уже говорил об этом, когда рассказывал, как обучали меня. Однако повторение в данном случае будет нелишним и только поможет лучше запомнить, как следует измерять ритм дыхания. С этой целью используется частота сердечных сокращений человека. Не у всех людей дыхание и сердечные сокращения синхронизированы одинаково, однако это в вашем случае не столь существенно.

Чтобы определить обычную продолжительность одного цикла своего дыхания, помести пальцы правой руки на левое запястье и нащупай пульс. Предположим, что у Тебя, как и у большинства людей, один вдох и один выдох занимают вместе время, в течение которого сердце сокращается шесть раз. Настрой свое подсознание на этот ритм с тем, чтобы Тебе не приходилось постоянно находить пульс и отмерять соответствующий промежуток времени. Повторяю, неважно, каков Твой индивидуальный ритм, ритм Твоего подсознания, ведь мы предположили, что Ты, как и всякий нормальный человек, осуществляешь один цикл дыхания в течение шести ударов сердца. Такой ритм поддерживается тогда, когда человек не обращает внимания на свое дыхание. Мы же собираемся изменить этот ритм для собственных нужд. Это совсем несложно, однако даже такое, на первый взгляд, несущественное изменение может повлечь за собой невиданное улучшение самочувствия.

Подобные упражнения на завершающих этапах своего обучения проделывали все будущие ламы. Эти приемы относились к обязательным, их следовало выполнять перед тем, как приступать в любым другим занятиям. Хочешь и Ты попробовать сделать нечто подобное? Если хочешь, то сядь ровно и проделай цикл полного дыхания. (В принципе, это упражнение можно выполнять и стоя, но почему бы не сесть, если есть такая возможность?) Это довольно легко: сначала вдыхай грудью и животом в течение шести ударов сердца. Для того чтобы сосчитать эти удары, держи палец на пульсе и дай ему простучать раз, два, три, четыре, пять, шесть раз. Затем удержи дыхание на три удара пульса, а потом выдохни в течение шести сердечных сокращений. Таким образом на выдох у Тебя уйдет столько же времени, сколько понадобилось на вдох. После выдоха сделай паузу на три удара, а затем начинай новый цикл.

Повторяй цикл полного дыхания сколько хочешь, но не утомляй себя. Как только почувствуешь усталость, прекрати так дышать. Тебе никогда не следует переутомлять

себя дыхательными упражнениями, потому что в этом случае они не принесут никакой пользы. Их эффект должен быть исцеляющим и бодрящим, а не наоборот.

Мы всегда начинали с очистительного дыхания, с которым едва ли можно перестараться. Оно полностью безвредно и очень целебно. Оно способствует очищению легких от застоявшегося воздуха — вот почему в тибетских монастырях никто никогда не слышал о туберкулезе! Итак, очистительное дыхание Ты можешь делать всякий раз, когда захочешь, и при этом неизменно будешь получать от него большую пользу.

Существует один прекрасный метод достижения контроля над мыслями. Для этого сядь ровно и сделай один полный цикл дыхания. Затем выполни один очищающий вдох и выдох. А затем сделай цикл дыхания по формуле 1 — 4 — 2. Это значит, что если на вдох у тебя ушло, например, пять секунд, то затем ты должен задержать дыхание на двадцать секунд и выдохнуть в течение десяти секунд. Практикуя правильное дыхание, Ты можешь вылечить себя от всех болезней. Это очень хороший метод исцеления.

Итак, если у Тебя что-то болит, сядь или ляг — не имеет значения, что Ты сделаешь. Затем начинай ритмическое дыхание, постоянно думая о том, что с каждым вдохом боль все уменьшается, что каждый выдох ее как бы выталкивает наружу. Вообрази, что каждый раз при вдохе Ты вбираешь в себя жизненную силу, которая побеждает боль, а при выдохе выгоняешь из организма болезнь вместе с отработанным воздухом. Помести на больное место руку и представь себе, что с каждым вдохом Ты выметаешь из тела причину боли. Повторяй это в течение семи полных вдохов и выдохов, а затем попробуй сделать очищающее дыхание, после чего некоторое время дыши как обычно.

Теперь, возможно. Ты обнаружишь, что боль либо полностью прошла, либо заметно уменьшилась и больше не мешает Тебе. Однако если по какой-то причине боль все же не унялась, попробуй снова сделать то же самое два раза с тем, чтобы в конце концов облегчение наступило. Ты, конечно, знаешь, что если это неожиданно возникшая боль и если она повторяется. Ты должен обратиться к своему доктору, потому что боль — это всегда предупреждение о том, что где-то что-то не в порядке. Стремление уменьшить ее является вполне естественным, однако нужно выяснить причину ее возникновения и устранить ее. Боль никогда не следует оставлять без внимания.

Если Ты устал или если Тебе внезапно потребовалась энергия, ее можно быстро получить следующим образом. Опять не играет роли, стоишь ты или сидишь. Важно только, чтобы стопы ног были вместе — чтобы пальцы и пятки прижимались друг к другу. Затем сцепи руки так, чтобы пальцы переплетались. В таком положении руки и ноги образуют замкнутый контур. Сделай несколько циклов ритмического дыхания с глубокими вдохами и медленными выдохами. Затем сделай паузу на три удара сердца и повтори очистительное дыхание. Ты обнаружишь, что твоя усталость пропала.

Многие люди сильно нервничают перед важными встречами. У них при этом потеют руки, а иногда даже трясутся колени. Обеспокоенность еще никому не помогала, и с ней можно легко справиться. Я предлагаю метод, который может быть использован, например, в комнате ожидания у кабинета зубного врача.

Вдохни через нос как можно глубже и удержи дыхание на десять секунд. Затем медленно выдохни, постоянно контролируя скорость выхода воздуха из легких. Потом вдохни два или три раза как обычно, а затем снова в течение десяти секунд делай глубокий вдох. Повтори это три раза так, чтобы никто из посторонних людей ничего не заметил. В конце концов ты обнаружишь, что самообладание вернулось к тебе. Сердцебиение прекратилось, и Ты теперь чувствуешь себя намного более уверенным в себе. Когда придет время покинуть комнату ожидания и начать важный разговор, Ты почувствуешь, что полностью готов к нему. Если же нервозность снова даст о себе знать, тогда глубоко вдохни раз или два, что всегда можно легко сделать во время реплики собеседника. Это поможет тебе вернуть пошатнувшееся самообладание.

В Тибете многие пользуются подобными методами. Существует, в частности, метод поднятия тяжестей, таких как мебель или мешки, с помощью регулировки дыхания. Если тебе нужно поднять что-то тяжелое, глубоко вдохни я, пока поднимаешь, удержи вдох. Закончив поднимать тяжесть, Ты можешь медленно выдохнуть и дышать дальше в обычном ритме. Поднимать тяжелые вещи на вдохе довольно легко. Чтобы убедиться в этом, попробуй сам. Достаточно один раз взяться за что-нибудь на вдохе, а затем на выдохе, и ты сразу же почувствуешь существенную разницу.

Гнев также можно контролировать с помощью дыхания: задерживая вдох и делая медленный выдох. Если случилось так, что по какой-то причине Ты — справедливо или несправедливо — рассердился, сделай глубокий вдох. Задержи его на несколько секунд, а затем начинай медленно выпускать воздух. После этого упражнения Ты заметишь, что контроль над эмоциями восстановлен, и Ты снова — хозяин или хозяйка положения. Очень вредно много сердиться и раздражаться, потому что от этого развивается язва желудка. Поэтому никогда не забывай об этом дыхательном упражнении. Для его выполнения нужно просто сделать глубокий вдох, задержать его, а затем медленно выдохнуть.

Все эти упражнения Ты можешь делать, оставаясь полностью уверенным в том, что они не могут повредить Тебе. Однако здесь уместно еще раз повторить старое предостережение: занимайся этими упражнениями и не пробуй ничего изобретать, если рядом нет хорошего учителя. Дело в том, что неправильное дыхание может причинить много вреда.

В тюрьме многие заключенные начали дышать так, как я им показал. Фактически, мы с ними изучили науку дыхания еще глубже. Я показал им, как дышать так, чтобы не чувствовать боли. Этот прием совместно с гипнозом дал мне возможность, не причиняя боли, проводить сложные операции на брюшной полости, а также ампутировать руки и ноги. У нас не было наркоза, и поэтому приходилось использовать другие анестезирующие средства: внушение в сочетании с особым видом дыхания. Это самые естественные методы. Их подарила человеку сама природа.

ГЛАВА 11 ЯДЕРНЫЙ ВЗРЫВ.

Дни монотонно ползли друг за другом, сливаясь в недели, месяцы и годы. В конце концов в нашей беспросветной жизни наступила перемена. В один прекрасный день к нам в бараки пришли солдаты со списками в руках. Они стали вызывать заключенных одну за другой. Мое имя также значилось в списке. Затем всех перечисленных построили перед бараками. После нескольких часов стояния в строю, когда день уже близился к концу, к нам подошел комендант лагеря.

— Здесь мы собрали всех тех, кто доставлял нам больше всего хлопот и тем самым оскорблял нашего Императора, — сказал он. — Мы отправляем вас в другой лагерь. Туда вы отправитесь через десять минут.

Затем он резко повернулся и ушел. Мы были ошарашены. Что, неужто и в самом деле через десять минут?! Наше положение облегчалось тем, что ни у кого не было никакого имущества. Поэтому нам оставалось лишь наскоро попрощаться с теми, кто оставался, и вернуться на плац.

Значит, нас поведут в другой лагерь? Мы размышляли о том, какой это может быть лагерь, однако, как всегда бывает в таких случаях, никто из нас не мог ничего толком сказать по этому поводу. По истечении десяти минут раздался свист, вернулись солдаты, и все мы — около трехсот человек — отправились в путь. Мы прошли через ворота лагеря и пошли по дороге. Всех одолевало удивление и дурные предчувствия. В какой лагерь отправляют нас, проштрафившихся заключенных? Мы привыкли к неожиданностям и знали, что от японцев чего-то хорошего ждать не приходится. Одно было ясно: если проштрафившихся куда-то ведут, лучше им там не будет.

Навстречу нам по дороге шли солдаты. Они, казалось, были в хорошем расположении духа. Ничего удивительного, думали мы, ведь из всего, что мы знали о ходе войны, можно было предположить, что японцы повсеместно побеждают. Вскоре, с гордостью говорили они нам, Япония захватит весь мир. Как жестоко они ошибались! Однако тогда мы им верили, потому что не имели никаких других источников информации. Проходя мимо нас, солдаты проявляли агрессивность: они не упускали возможности толкнуть кого-нибудь прикладом лишь потому, что им было приятно слышать глухой удар ружья по изможденному телу.

Подгоняемые грубыми окриками солдат, мы продолжали шагать вперед. Сопровождающие нас надсмотрщики тоже довольно часто пускали в ход приклады. Нередко случалось так, что больная заключенная падала прямо на дороге, и тогда конвойные начинали избивать ее. Если она не могла после этого встать на ноги и шагать вместе со всеми, поддерживаемая соседями в строю, ее закалывали штыками, и дело с концом. Однако иногда солдат отрезал жертве голову и насаживал ее на штык своего ружья. Затем он брал ружье на плечо и гордо расхаживал между рядами заключенных, дьявольски ухмыляясь при виде ужаса, который был написан на наших лицах.

После многих дней тяжелого, изнурительного перехода, в течение которого нас практически не кормили, мы наконец прибыли в небольшой портовый город и были помещены в наскоро построенный лагерь на берегу.

Здесь уже находились мужчины самых разных наций, но выделенные по такому же принципу, как и мы: они тоже были нарушителями лагерных порядков. Эти люди были так измождены и измучены, что, когда мы вошли в лагерь, у них не было сил, чтобы посмотреть на нас.

Наши ряды к этому времени значительно поредели. Из трехсот с лишним человек, вышедших из лагеря, сюда прибыло не более семидесяти пяти. Первую ночь мы провели, расположившись прямо на земле внутри ограждения из колючей проволоки. Не было не только крыши над головой, но и места, чтобы хоть как-то разместиться. Однако мы уже давно привыкли к таким условиям. Мужчины и женщины вперемежку лежали на земле и делали все, что могли, на глазах у японских часовых, которые всю ночь освещали нас прожекторами.

Утром состоялась переключка, после которой нас заставили стоять в строю еще два или три часа. В конце концов солдаты смилостивились и увели нас дальше вдоль набережной к причалу, где наг ждал старый ржавый сухогруз, который уже давно пора было списать на слом. Почти все заключенные знали о мореходстве больше, чем я. Я никогда не плавал на больших судах, однако даже мне казалось, что эта посудина пойдет на дно, не успев даже отойти от причала. Мы прошли на палубу по скрипящей и покачивающейся доске, которая вот-вот должна была проломиться. Если бы это случилось, идущий по ней оказался бы в пенящемся прибое у самого причала, где плавали пустые ящики, бутылки, трупы и всевозможный мусор.

Когда мы оказались на борту, нас перегнали в носовую часть трюма. Здесь для трехсот заключенных не хватало места даже чтобы просто сесть. Однако под нажимом ружейных прикладов и грубой ругани японских солдат мы все же поместились в этом отсеке. Затем до нас донесся лязг засовов, будто Врата ада затворились за нами.

Люки с грохотом захлопнулись, и у нас над головами поплыли облака вонючей пыли. Мы услышали звуки молотов, которыми солдаты вбивали в щели деревянные клинья. В трюме воцарилась непроглядная темнота.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем корабль пришел в движение. Старый допотопный мотор работал с перебоями и грохотал. Всю посудину так трясло, что, казалось, она вот-вот должна была развалиться на куски, а мы — пойти на корм рыбам. С палубы до нас доносились приглушенные крики и команды, отдаваемые по-японски. Двигатель продолжал пыхтеть. Вскоре сухогруз начал раскачиваться и подсакивать, и мы поняли, что вышли в открытое море. Путешествие было нелегким. На

море, должно быть, бушевал шторм. Нас постоянно подбрасывало и швыряло друг на друга. Целый день заключенных держали в трюме и разрешали пройтись по палубе только ночью. Первые два дня нас вообще не кормили. И мы знали почему: они хотели сломить наш дух. Однако это не слишком изменило наше и без того плохое самочувствие. Через два дня нам стали давать по чашке риса на человека в день.

Самые слабые из заключенных вскоре умерли в закрытом трюме от удушливой вони. Нам не хватало кислорода. Многие умирали и валялись нам под ноги на стальной пол, как сломанные куклы. Мы — те, которым посчастливилось выжить, — должны были сидеть на мертвых и разлагающихся телах. Надсмотрщики не позволяли нам выбросить их за борт. Все мы были заключенными, независимо от того, живы мы или мертвы. Им нужно было по прибытии отчитаться за всех нас в том количестве, в котором мы значились в списках. Поэтому мертвых не выпускали из трюма, как и задыхающихся от вони живых до тех пор, пока мы не прибудем в порт назначения, где нас всех пересчитают.

Мы потеряли счет дням. И вот в конце концов, после неопределенного времени гул мотора изменился. Толчки и покачивания корабля уменьшились, и мы сделали вывод, подтвердившийся впоследствии, что мы вошли в гавань. После длительной возни и шума на палубе мы услышали громыхание цепи и поняли, что сухогруз бросил якорь. Прошло неопределенно долгое время, прежде чем люки с лязгом открылись, и в трюм начали спускаться японские офицеры вместе с врачом. На полпути вниз они остановились — их стошнило. Врача вырвало прямо нам на головы от вони, которая стояла в трюме. Позабыв о своем достоинстве, они поспешно поднялись на палубу.

Затем мы увидели, что к люкам притянули шланги, и в трюм полились потоки морской воды. Мы едва не утонули. Вода поднялась нам по пояс, затем по грудь, а затем под самый подбородок. В ней плавали трупы. Затем до нас донеслись крики по-японски и поток воды прекратился. Один из офицеров подошел к люку и заглянул внутрь. Потом он долго жестикулировал и объяснял что-то другим. Он кричал, что если воду немедленно не откачать, корабль пойдет на дно. Поэтому в трюм сбросили еще больший шланг и вскоре воду откачали.

Весь этот день и всю последующую ночь мы сидели в трюме, замерзая в своей мокрой одежде и задыхаясь от вони разлагающихся тел. На следующий день нам разрешили подняться наверх группами по два-три человека. В конце концов дошел черед и до меня. Я поднялся на палубу и был грубо допрошен. Их интересовало, куда девалась табличка с моим номером и именем, которую я должен был носить на одежде. В конце концов мою личность установили по списку, и меня втолкнули в катерок, который был и без того переполнен. На нем собрались озябшие на ветру люди, совсем раздетые или в таких лохмотьях, что одежда, висящая на пугале, показалась бы им роскошным убранством. В конце концов вода поднялась чуть ли не до уровня палубы, угрожая затопить катерок, если на борт ступит еще хотя бы один человек. Японцы решили, что больше в него уже никто не поместится. Поэтому катерок отшвартовался от сухогруза и, пыхтя мотором, потянул нас к берегу.

Так я впервые ступил на японскую землю. На берегу нас поместили в лагерь, который представлял собой обтянутую колючей проволокой свалку под открытым небом. Несколько дней нас держали здесь, пока японцы не допросили всех новоприбывших мужчин и женщин. Затем из нас отобрали группу, которую отправили в тюрьму, находящуюся за несколько миль от берега. Здесь для нас уже подготовили свободные места.

Во время допросов один из заключенных, белый человек, раскололся и рассказал японцам, что я помогал другим бежать из лагеря и что несколько человек, умирая, передали мне важные тайные сведения. Поэтому меня снова стали допрашивать. Японцам во что бы то ни стало хотелось развязать мне язык. По моим документам они видели, что все прежние попытки добиться этого были безуспешными, и поэтому старались всю.

Ногти, которые у меня за это время уже успели отрасти, снова были вырваны и присыпаны солью. Поскольку это не заставило меня говорить, меня снова подвесили на сутки за два больших пальца рук. Я очень страдал, но японцы не добились ничего. Веревка, на которой я висел, была перерезана, и с глухим стуком я повалился на бетонное покрытие двора. Меня били прикладами, солдат прыгал на животе и выкручивал мне руки. Все это время меня не покидала мысль о том, как хорошо у них все это отработано! Затем меня привязали к металлической штанге, засунули мне в рот резиновый шланг и включили воду. Мне казалось, что я задохнусь от нехватки воздуха, захлебнусь водой или лопну от давления изнутри. Каждая клеточка тела, казалось, наполнилась водой, а все мое тело представлялось мне воздушным шаром. Боль была невыносимой. В глазах у меня мерцали огоньки. Внутри головы, казалось, появилась огромная тяжесть, и я потерял сознание.

Затем меня привели в чувство уколom, но я был уже слишком слаб, чтобы идти. Поскольку я был довольно тяжел для того, чтобы подтянуть меня к той перекладине, на которой я до этого висел, понадобилось трое японских солдат. Офицер подошел ко мне и сказал:

— Кажется, ты немного промок. Пришло тебе время просушиться. Возможно, тогда тебе захочется рассказать нам что-нибудь. Подвесьте его.

Двое японских солдат быстро наклонились и ухватили меня за лодыжки. Я при этом не устоял на ногах и упал, с громким стуком ударившись головой о бетон. Мои лодыжки охватили веревкой и повесили меня на ту же перекладину вниз головой. Для того чтобы поднять меня на метр над землей, ям пришлось немало потрудиться. Затем медленно, словно они пытались продлить каждый миг этого занятия, японские солдаты разложили подо мной бумагу и несколько кусков дерева. Кто-то чиркнул спичкой, и бумага загорелась. Мне становилось все теплее и теплее. Затем загорелось дерево, и я почувствовал, как обгорает и морщится кожа у меня на голове.

— Он умирает, — донесся до меня голос. — Но он не должен умереть, иначе вы у меня ответите за это. Он нужен нам, потому что он много знает.

Затем снова веревку перерубили, и я упал, ударившись головой о горящие бревна. Я снова потерял сознание.

Когда я пришел в себя, оказалось, что я лежу в полуподвальной камере на спине в луже грязной воды. Вокруг меня бегали крысы. Когда я зашевелился, они с визгом разбежались по углам. Через несколько часов пришли охранники тюрьмы, поставили меня на ноги и держали некоторое время в таком положении, потому что сам я стоять не мог. Затем со страшными ругательствами они подтащили меня к зарешеченному окошку, которое находилось как раз на уровне земли. Мои руки приковали к решетке так, что лицо оказалось прямо против окошка. Офицер пнул меня и сказал:

— Ты будешь стоять здесь и наблюдать за тем, что происходит во дворе. Если ты отвернешься или закроешь глаза, тебя проколут штыком. Я смотрел наружу, но там ничего не было, кроме ровной поверхности земли. Однако вскоре во двор вышла группа заключенных, которых с невероятной жестокостью подталкивали сзади солдаты. Заключенных пригнали прямо к моему окошку и заставили стать на колени перед ним. Руки у них были связаны за спиной. Теперь их одного за другим сгибали, как лук, и привязывали руки к лодыжкам. Я непроизвольно закрыл глаза, однако тут же вынужден был открыть их, потому что мое тело пронзила резкая боль. Надсмотрщик вонзил мне в спину штык, и по ногам у меня потекла кровь.

Я смотрел наружу. Там происходила массовая казнь. Несколько заключенных были заколоты штыками, остальным отрубили головы. Одному бедняге сделали что-то ужасное даже по японским стандартам: ему распорили живот и оставили медленно умирать. Так продолжалось несколько дней. Заключенных выводили во двор и казнили у меня на глазах. Я видел, как их расстреливали, закалывали штыками, обезглавливали. Иногда кровь потом текла прямо в мое оконце, и тогда крысы все вместе бросались к ней.

Каждую ночь меня допрашивали. Они все еще надеялись получить от меня нужную информацию. Перед моими глазами все было окутано кровавой дымкой. Это были сплошные страдания, дни и ночи страданий. Я мечтал о том, чтобы умереть — и дело с концом. И вот через десять дней, которые показались мне бесконечными, мне заявили, что если я им все не расскажу, меня расстреляют. Офицеры сказали, что я им уже надоел и что мое поведение — невиданное оскорбление Императора. Но и теперь я ничего им не сказал. Тогда меня отвели обратно в камеру и швырнули на бетонный пол. Солдат повернулся на пороге и сказал:

— Больше еды ты не получишь. После завтрашнего дня она тебе больше не понадобится.

При первых лучах солнца на следующий день дверь камеры с грохотом отворилась, и внутрь вошел офицер и взвод солдат, вооруженных винтовками. Меня повели во двор на место казни, где перед этим я наблюдал смерть многих других заключенных. Офицер указал мне на пропитанную кровью землю и сказал:

— Скоро сюда добавится и твоя кровь. Но сначала ты выроешь себе могилу.

Мне в руки дали лопату, и, подгоняемый уколами штыков, я выкопал себе неглубокую могилку. Затем меня привязали к столбу с тем, чтобы когда меня расстреляют, достаточно было лишь перерезать веревку, чтобы я сам свалился в могилу, которую только что выкопал для себя. Офицер стал в театральную позу и зачитал мне приговор, в котором говорилось, что меня расстреливают за отказ сотрудничать с Сынами Неба.

— У тебя есть последний шанс выжить, — сказал он. — Расскажи нам все что ты знаешь, а то мы сейчас отправим тебя к праотцам.

Я ничего не ответил — просто в этот момент мне в голову не приходили никакие подходящие слова. Тогда он повторил свою последнюю реплику. Я продолжал молчать. По команде офицера солдаты подняли ружья. Офицер обратился ко мне еще раз, напоминая, что у меня есть последний шанс. Чтобы убедиться в том, что я его слышу, он подошел ко мне и повторил все, ударяя меня по лицу после каждого слова. Я по-прежнему молчал. Тогда он указал солдатам, где у меня находится сердце, от досады ударил меня плоской стороной меча, плюнул на меня и направился к солдатам.

Пройдя полпути по направлению к ним, он взглянул на них и, поспешно отойдя в сторону, дал приказ целиться. Солдаты подняли ружья. На меня смотрело великое множество пустых бочонков. Мне показалось даже, что весь мир вокруг меня состоит из больших черных дыр, которые в действительности были стволами ружей. Они, казалось, увеличивались в размере прямо у меня перед глазами и приобретали все более зловещий вид, готовясь вот-вот выплюнуть на меня смерть. Офицер медленно поднял свой меч и резко опустил его с криком “ОГОНЬ”

Мир, казалось, растворился в пламени, боли и клубах удушливого дыма. У меня создалось впечатление, что я попал под копыта огромных лошадей с раскаленными добела подковами. Все закружилось вокруг меня. Мир сошел с ума, подумал я. Последним, что я помню, была красная дымка и стекающая по телу кровь, а затем все погрузилось во тьму, в ревущую темноту. Я повис на веревках... Пустота.

Когда сознание вернулось ко мне, а с изумлением обнаружил, что Небесные Поля и Потусторонний Мир кажутся мне очень знакомыми. И тут я все понял. Я лежал в могиле, а кто-то сверху тыкал в меня штыком. Боковым зрением я увидел японского офицера. Он объяснил мне, что все ружья были заряжены специальными патронами.

— Мы провели эксперименты уже на более чем двухстах заключенных, — сказал он и продолжал рассказывать о том, что эти патроны отличаются от обычных тем, что в них меньше пороха, и пули — не свинцовые, а из какого-то более легкого материала. Поэтому в результате этого так называемого расстрела я лишь немного ранен, но не убит. Они по-прежнему надеялись добиться от меня нужной информации.

— Мы во что бы то ни стало вытрясем из тебя эти сведения, — сказал офицер. — Правда, для этого нам, вероятно, придется изобрести еще несколько пыток. Однако в любом случае, мы узнаем то, что нам нужно. Поэтому знай, что чем дольше ты будешь молчать, тем больше тебе придется страдать.

Да, мне довелось прожить нелегкую жизнь, и если бы не курсы специальной подготовки, которую я прошел в монастыре, не знаю, что бы я делал, оказавшись в плену. И вообще я не представляю себе, как на моем месте мог бы сохранить рассудок тот, кто в прошлом не занимался самосовершенствованием. Скорее всего, такой человек просто не выжил бы в тех условиях, в которых оказался я.

От ран, которые я получил во время “казни”, у меня началось двустороннее воспаление легких. Некоторое время я тяжело болел и постоянно находился на грани смерти. К этому следует прибавить также, что меня никто и не думал лечить или переводить в более приличную камеру. Я по-прежнему лежал на бетонном полу без всякой подстилки, кидаясь и дрожа от горячки, с единственной надеждой на скорую смерть.

Однако мало-помалу я начал выздоравливать, и вот однажды я услышал гул каких-то самолетов. Рев их двигателей отличался от гула двигателей японских самолетов, который я хорошо знал. Я подумал, что бы это могло значить. Поскольку тюрьма находилась в деревушке, расположенной поблизости от аэродрома Хиросимы, я решил, что японцы, которые к этому времени везде побеждали, должно быть, перегоняют на свою территорию захваченные в других странах самолеты.

В один из последующих дней, когда я все еще был довольно слаб до меня снова донесся рев незнакомых самолетов. Внезапно пол камеры содрогнулся, и откуда-то донесся ужасный грохот. Сверху сыпалась пыль с очень неприятным застоявшимся запахом. Воздух, казалось, был наэлектризован, в нем чувствовалась какая-то напряженность. На мгновение все будто замерло. Затем я увидел, как по двору тюрьмы вне себя от ужаса бегали солдаты, взывая к Императору, чтобы он защитил их от того, о чем они сами ничего не могли сказать.

Это было 6 августа 1945 года — день атомной бомбардировки Хиросимы. Некоторое время я лежал и думал, что же мне делать дальше. Казалось, что солдаты так переполошились, что забыли и думать о заключенных. Поэтому, пошатываясь, я встал на ноги и убедился в том, что дверь в мою камеру не заперта. Я был так безнадежно болен, что никто не мог представить себе, как я могу бежать. Кроме того, обычно возле нее стояли часовые, которые сейчас куда-то убежали. Все во дворе были в панике. Японцы думали, что Бог Солнца перестал покровительствовать им, и поэтому они носились по двору, как растревоженные муравьи. Повсюду валялись ружья, одежда и куски пищи. Оттуда, где находилось их бомбоубежище, доносились громкие крики, так как все они не могли туда поместиться.

Я был очень слаб. Я едва стоял на ногах. Нагнувшись, чтобы подобрать валяющиеся на земле китель и фуражку японского солдата, я чуть было не упал от головокружения. Став на четвереньки, я сохранил равновесие, а затем натянул на себя китель и фуражку. Рядом я заметил пару тяжелых сандалий. Я обулся в них, потому что был босиком. Медленно я заполз в кусты, а затем, едва передвигая ноги, потащился дальше. Вдали рвались бомбы, содрогалась земля. Все противоздушные орудия не переставали стрелять. В небе потемнело от широких полос черного и желтого дыма. Казалось, что весь мир разваливается на куски, и я не раз спрашивал себя, зачем с таким упорством куда-то ползу, когда очевидно, что наступил конец света.

В течение всей ночи, преодолевая сильную боль, я добирался до морского побережья, которое, как я знал, находилось в нескольких милях от тюрьмы. Я был очень слаб. Дышать было невыносимо трудно, все тело трясло, меня покачивало от слабости. Для того, чтобы продолжать путь в эту ночь, мне пришлось пустить в ход все свои способности. На заре я в конце концов достиг побережья в районе небольшого залива.

Изнемогая от усталости и болезни, я вылез из прибрежных кустов и осмотрелся. Прямо передо мной на волнах покачивалась небольшая рыбацья лодка, привязанная к берегу. Поблизости никого не было. Очевидно, ее владелец в панике куда-то убежал.

Незаметно я подполз к лодке и, взявшись за борт, приподнялся, чтобы заглянуть внутрь. В лодке никого не было. Поставив одну ногу на веревку, которой лодка была привязана к берегу, ценой невероятных усилий мне удалось перевалиться через борт. Тут силы покинули меня, я повалился головой вниз на дно лодки. На дне оказалось немного воды и несколько кусков вонючей рыбы, которая, очевидно, использовалась в качестве приманки. Через некоторое довольно продолжительное время я собрал достаточно сил для того, чтобы перерезать веревку ножом, который оказался в лодке. Затем я снова свалился на дно, а лодка, увлекаемая течением, начала медленно выплывать из залива. Я подполз к штурвалу и в изнеможении растянулся возле него. Через несколько часов я смог поднять потрепанный парус и поймать в него попутный ветер. Но это настолько утомило меня, что я без сознания повалился на дно лодки.

Позади я оставил Японию, по отношению к которой были применены жесткие меры. На города этой страны были сброшены атомные бомбы, взрывы которых полностью деморализовали воинственно настроенных японцев. Война закончилась, но я тогда этого не знал. Я думал что война закончилась только для меня, ведь я плыл по Японскому морю без воды и без пищи, если не считать тех кусков тухлой рыбы, которые валялись на дне лодки. Покачиваясь, я встал и прислонился к мачте. Я обхватил ее руками и прильнул к ней головой — только так я теперь мог стоять. Посмотрев в сторону берега, я увидел, что он вот-вот исчезнет в дымке, сгущающейся на горизонте. Взглянув в другую сторону, я увидел открытое море.

Мне вспомнилось все, через что я прошел. Я мысленно вернулся к Пророчеству. Мне показалось, что издалека до меня донесся голос моего Наставника, ламы Мингьяра Дондупа:

— Молодец, Лобсанг! Ты мужественно справляешься с трудностями. Не падай духом, ведь это еще не все.

На мгновение лодку осветило солнце, выглянувшее из-за облаков. Ветер подул сильнее, парус надулся и лодка быстрее заскользила по волнам. Маленькие волны с приятным шипением расходились от носа в разные стороны. Что будет со мной? Куда теперь лежит мой путь? Я знал лишь, что наконец оказался на свободе. Теперь я был свободен, вдали от тюрем, пыток и всего ада лагерной жизни. Возможно, я теперь свободен умереть, подумал я. Но нет, время умирать еще не пришла, хотя я и мечтал о покое, который принесет с собой смерть.

Я знал, что в этот раз я тоже не умру, потому что Пророчество гласило, что смерть настигнет меня лишь на земле краснокожих индейцев — в Америке. А пока без пищи, без воды, я в одиночестве бороздил на небольшой лодке воды Японского моря в неизвестном направлении. Я изнемогал от боли. Мне показалось, что меня снова пытаются. Сдавило грудь и потемнело в глазах. Мне подумалось, что, возможно, японцы хватились — меня и уже догоняют на быстроходном катере. Эта мысль обессилила меня. Мачта выскользнула из моих объятий. Я рухнул на дно лодки, снова погружаясь в тьму, кромешную темноту забвения. Лодка плыла навстречу неизвестному.